

АНДРЕЙ ПУМПУР

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (главный редактор)

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников,

А. Н. Болдырев, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин,

А. В. Западов, М. К. Каноат, К. Ш. Кулиев,

Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов, Д. М. Мулдагалиев,

Ф. Я. Прийма, С. А. Рустам, М. Танк, М. Б. Храпченко

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

АНДРЕЙ ПУМПУР

ЛАЧПЛЕСИС

ЛАТВИЙСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

Вступительная статья, составление
В. А. Вавере, Н. Н. Воробьевой

Примечания
В. А. Вавере, Я. Я. Рудзитиса

Героический эпос «Лачплесис» воссоздан во второй половине XIX века поэтом Андреем Пумпуром (1841—1902) по мотивам легенд, сказаний и песен латышского народа. Первое произведение латышской эпической поэзии, герои которого, по словам Пумпура, «сражаются, гибнут или побеждают как провозвестники будущей борьбы», сыграло значительную роль в формировании национальной литературы. На русский язык «Лачплесис» переведен Вл. Державиным.

В Приложении помещены лирические стихотворения Пумпура, в большинстве своем переведенные на русский язык впервые, и фрагмент автобиографии поэта — «На родине», дающий представление об истоках и причинах, побудивших Пумпура к созданию «Лачплесиса», и также впервые представленный на русском языке.

«ЛАЧПЛЕСИС» — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

«В литературе каждого народа есть произведения, которые в ходе истории становятся неотъемлемой частью народного бытия и самосознания. В латышской литературе — это героический эпос Андрея Пумпура „Лачплесис“¹, — пишет академик АН Латвийской ССР Я. Калнинь. Действительно, нет человека, говорящего на латышском языке, у которого одно упоминание Лачплесиса, Спидалы, Лаймдоты, Кангара не вызывало бы широкого круга образов, понятий и представлений, связанных с основными жизненными и национальными ценностями.

Мотивы и образы «Лачплесиса» вдохновили не одно поколение на новые художественные свершения в литературе, музыке, изобразительном искусстве. Понятие «Лачплесис» живет в народе не только как название крупнейшего произведения эпической поэзии, не только как имя народного героя, но и как символ самого народа, его духа, его героического прошлого, славного настоящего и светлого будущего.

Произведение, написанное одним человеком, по праву заняло в культуре народа место народного эпоса, обычно создаваемого коллективно, безымянно. Об особенностях «Лачплесиса» как эпоса авторского речь впереди, но сначала необходимо оглянуться назад, перенестись в век девятнадцатый, в его 50—80-е годы, когда один из самых маленьких народов Европы начал осознавать себя как нация, как единство людей, связанных не только общим языком, но и историей, судьбой, отражавшимися в почти единственной в то время форме художественного самосознания — фольклоре.

Когда в середине 50-х годов студент Дерптского университета

¹ Я. Калнинь. — В кн.: Андрей Пумпур, Лачплесис, Рига-1983, с. 5.

Кришьянис Валдемар (впоследствии много сделавший для развития российского мореходства) прикрепил на дверях своей комнаты визитную карточку, где, кроме имени и фамилии, стояло слово «латыш», — это было неслыханной для того времени смелостью и даже дерзостью. Кришьянис Валдемар и другие младолатыши — так были названы деятели зародившегося в 50-е годы XIX века латышского национального движения — не были первыми, кто дерзнул получить образование. Но они не отрекались при этом от своего народа и приобретенные знания использовали для того, чтобы разбудить самосознание латышей, призвать их к борьбе за национальную самостоятельность, доказать, что латыши хотят и могут создавать свою литературу, искусство, культуру.

Это было актуальнейшей политической задачей. Немецкие землевладельцы и церковники, утвердившиеся в Латвии с начала XIII века, когда произошло вторжение крестоносцев на латышские земли, еще и в XIX веке не желали содействовать самостоятельному культурному развитию латышского народа, а ту часть латышей, которой удавалось приобщиться к образованию, стремились ассимилировать. Так, в 1863 году, когда младолатышское движение уже набирало силы, вышла книга немецкого пастора Биленштейна «Латышская грамматика», в предисловии к которой говорилось: «До сих пор латышский народ не показал ни содержанием своей литературы, ни ценностью своих трудов и истории, а также значением своего положения того, что ему наряду с другими культурными народами суждено играть какую-то роль, даже и тогда, если благосклонная судьба постепенно подняла бы латышей на более высокую общественную и духовную ступень». ¹ В 1864 году ему вторил другой «просветитель»: «... латышский язык никогда не поднимется выше положения крестьянского языка». ²

Изучение родной природы, истории, народных обычаев, языка стало одной из главных общественно-культурных задач младолатышей. Естественно, что в центре их внимания оказалось огромное фольклорное наследие — песни, сказки, легенды, пословицы, поговорки, загадки, народные предания и верования, об истинных масштабах которого в то время можно было только догадываться. Начальный этап развития латышской национальной литературы (ее отсчет принято вести от выхода в 1856 году книги Юриса Алунана «Песенки. На латышский язык переведенные») озаменован заметным воздей-

¹ Цит. по кн.: М. Арон, Латышское литературное общество (общество друзей латышей), Рига, 1929, с. 268 (на латышск. яз.).

² Г. Беркхольц, К национальному вопросу. — Балтийский ежемесячник, 1864, № 6, с. 573 (на немецк. яз.).

стаием двух взаимосвязанных тенденций — стремлением освоить и творчески воспринять достижения развитых литератур Европы и осознанным использованием традиций народного творчества.

В ту пору латышский фольклор еще не был ни собран, ни обработан. Первые деятели латышской национальной культуры были открывателями и собирателями устного народного творчества; они впервые оценили и практически использовали эти богатства в своей художественной деятельности. Таким путем шел к созданию «Лачплесиса» и Пумпур.

Фигура Андрея Пумпура в латышской литературе занимает особое место. Его поэзия целиком выросла на благодатной почве латышского фольклора; она не просто связана с ним, а сама является частью народной песенной стихии. Некоторые его стихотворения, только родившись, еще до опубликования в печати, фольклоризовались, становились достоянием народа. В «Воспоминаниях» Матиса Клаудзите, одного из авторов первого латышского реалистического романа «Времена землемеров» (1879), отмечен случай, когда дирижер хора Валкского учительского семинара просил Пумпура издавать больше таких «народных песен», как «Где для молодца невеста?», «Сиротки», чтобы их можно было переложить на музыку. А в издании текстов песен «Дзиесму рота» («Венок песен») в 1872 году оба эти стихотворения Пумпура были помещены в раздел народных песен.

Стихи А. Пумпура восторженно воспринимались его современниками, они несли в себе чаяния и надежды, оптимизм и чувство достоинства пробудившегося народа. Появление каждого стихотворения в «Балтияс Вестнесис» («Прибалтийский вестник») и других изданиях того времени вызывало широкий общественный отклик, и Пумпуре видели поэта, идеально чувствующего и воплощающего духовные запросы латышского народа, поэта больших творческих возможностей. «Лачплесис» возник не только как закономерный итог индивидуального развития поэта; необходимость такого произведения была как бы продиктована всем общественным развитием 50—80-х годов. Пумпур в сознании народа был призван воплотить те мысли и идеи, которые выдвигала эпоха. Этому способствовали направление и особенности его таланта, оптимистическое, близкое народному мировосприятие, глубокий демократизм, цельный, светлый характер поэта, его живой ум. Андрей Упит считал, что «Пумпур среди деятелей того периода был самым пылким и ясным мыслителем». ¹ Личность Пумпура, сформировавшаяся в тесной связи с народной, фольклорной стихией и передовыми национально-освободительными идеями своего времени, сама стала одним из решающих

¹ А. Упит, Лачплесис. — В кн.: Лачплесис, Рига, 1948, с. 9.

факторов в создании такого грандиозного произведения как «Лачплесис».

Андрей Пумпур родился 22 сентября 1841 года в Лиельюмправской волости в семье Индрикиса и Лизы Пумпуров. Отец в то время был винокуром у помещика, затем арендовал хутор, жил безбедно, и детство будущего поэта не было омрачено ранним изнурительным трудом, как это обычно бывало в латышских крестьянских семьях.

Детство и юность поэта прошли на Даугаве — родные места располагались на левом, так называемом Курземском берегу. Школьные и юношеские годы Пумпура связаны с Лиелварде, находящейся на правом берегу живописной реки. Недалеко от дома в Даугаве впадала маленькая речка, поросшая ольхой, черемухой, кленами и липами, за речкой высился холм с высокими березами. Через Даугаву открывался вид на противоположный высокий, обрывистый берег, река манила простором и быстрыми порогами. Живой, непоседливый, озорной ребенок в ватаге мальчишек отличался бесстрашием и предприимчивостью. Различные, не всегда безопасные похождения Андрея побуждали родителей ограничивать его свободу домом, садом, берегами речки Дирикю. Вынужденное одиночество располагало к чтению. Мальчик очень рано научился азбуке и уже на шестом году мог читать любую латышскую книгу.

К чтению ребенка приохотили мать и «милая бабушка» (сестра его деда по матери, воспитавшая также отца поэта). Обе они, знавшие бесконечное множество песен, сказок, загадок, старых преданий, пробудили в мальчике интерес к народному творчеству. С замиранием сердца слушал он сказки и легенды о давно прошедших временах, о битвах героев с чертями, трехглавыми змеями и прочей нечистью.

Округа Лиелварде и Юмправа издавна славились как места обильного бытования фольклора. В годы, когда начиналось собирание этого духовного национального богатства, именно эти волости дали очень большое количество записей. Детство Пумпура, подобно сказочному «замку света» на дне озера, было погружено в стихию народного творчества. Этому способствовало и географическое положение его родных мест, несколько изолированных от других населенных пунктов: с одной стороны — Даугава, с другой — болота и леса.

Сказку о Лачплесисе, которая легла в основу будущего эпоса, Пумпур услышал и запомнил от сказителей своего края.

Развитой и смысленный мальчик в 1853 году начал учиться в Лиелвардской приходской школе, где занимался три года. Зимой он посещает латышский класс, где кроме латышского языка, арифметики, закона божьего изучают основы географии и занимаются пе-

нием, а летом те же предметы проходит в «немецком классе» — на немецком языке. До конца жизни Пумпур с благодарностью вспоминает своих учителей, и школьные годы навсегда остались в его памяти как светлый оазис приобщения к знаниям.

К тому времени, когда Андрей закончил приходскую школу, его отец разорился и уже не мог материально обеспечивать обучение сына. Надеждам на продолжение учебы в Яунелгавской уездной школе суждено было рухнуть. Мальчик обратился за поддержкой к немецкому пастору Крону, который слыл образованным человеком и даже переводил Гомера на латышский язык. Но здесь впервые Пумпур столкнулся с жестокими национальными и классовыми предрассудками, в прах рассеявшими его мечту о дальнейшем образовании. Вспоминая об этом первом жизненном крушении, поэт впоследствии писал: «Поначалу святой отец смотрел на меня с удивлением; затем сказал: „Милое дитя, что ты надумал? Я надеялся, что ты лучше усвоил наши поучения и будешь их придерживаться. Разве тебе не хватает того, что ты закончил школу как первый ученик? Тех знаний, которые ты там приобрел, вполне достаточно для твоего сословия“». ¹ Свое наставление он закончил словами о том, что бог не каждому судил принадлежать к высшему сословию, имеющему право на образование.

Слова пастора вызвали в душе подростка доселе неизведанные горечь и обиду. Они впервые заставили его задуматься о несправедливости жизни, в которой учение и свет принадлежали сыновьям немецких пасторов, а латышские дети были обречены на невежество и прозябание.

Эти мысли вихрем пронеслись в голове Андрея, когда он, переехав через Даугаву, сидел неподалеку от родного дома на «чертовой колеснице» — группе камней, напоминавших повозку и лошадь с отрубленной головой. По преданию, черт когда-то хотел переправиться через Даугаву, но Перкон, метнув молнию, обезглавил коня. Как бы предчувствуя далеко идущие последствия неудачного похода к Крону, Андрей горько плакал, вспоминая слова пастора.

Таким образом, пути к образованию Пумпуру были заказаны. Все его познания в области литературы, истории были приобретены путем чтения, причем не всегда систематического. До конца жизни он ощущал досадные пробелы самообразования. Судьба Пумпура в этом отношении была характерной для многих латышских культурных деятелей, выходцев из крестьян. Даже крупнейший латышский писатель Андрей Упит имел за спиной всего шесть классов

¹ Андрей Пумпур, На родине, Рига, 1980, с. 75 (на латышск. яз.).

уездной школы и шел к вершинам мировой культуры тем же путем неустанным самообразованием.

Природный оптимизм Пумпура не позволил ему долго предаваться отчаянию. На короткое время судьба забросила его в Литву, на порубежье с Латвией, где отец нанялся винокуром в имение Мирабель. В 1857 году, когда Пумпуру не было полных шестнадцати лет, он начинает трудовую жизнь. К этому времени отец переходит к родственникам на хутор с знаменательным названием «Лауплеши»; затем несколько раз меняет жительство уже на правом берегу Даугавы, в Лиелварде. Пошатнувшееся состояние семьи все больше приходит в упадок, и Андрею приходится ходить на «отработки» в имение, где он выполняет всю крестьянскую работу; затем становится плотовщиком на Даугаве. На всю жизнь запомнились и обогатили его творчество впечатления жизни на Даугаве, свободное, широкое течение реки, бешеные пороги, вечера у костра, когда долгие разговоры сами собой переходили на воспоминания об услышанных преданиях, о таинственных историях с участием колдунов, ведьм и побеждающих их молодцев. Это время обогатило Пумпура знанием народной жизни, национального характера.

Жизнь на Даугаве была для юноши счастливым временем, он еще больше полюбил реку, которую латыши называют рекой народной судьбы. Позднее, в стихотворении «У Даугавы» он признавался, что в горестях и разочарованиях его может утешить только река, только она может унести в море его слезы.

Все же отец Пумпура был озабочен судьбой сына; в 1858 году он обратился с просьбой к местному помещику, чтобы устроить Андрея на службу в имение.

В это время в Латвии происходил процесс выкупа крестьянами земель у помещиков, начиналось капиталистическое развитие деревни. Это время, символически названное современниками и близкими друзьями А. Пумпура — писателями братьями Каудзите «временами землемеров», требовало грамотных людей. Помещик предложил устроить юношу к землемеру, с условием, что поначалу он будет учеником с жалованием 40 рублей в год. Землемеры в те времена были влиятельными и уважаемыми людьми, и Андрей с радостью согласился. С этого момента начался длительный период жизни Пумпура, связанный с многочисленными переездами, с возможностью общения с большим количеством интересных людей.

Землемер не торопился с обучением Пумпура и, в основном, давал ему самые простые поручения. Однако любознательный юноша сам сумел проникнуть в тайны профессии, и, несмотря на то что желанный диплом так и не был получен и он остался лишь помощником землемера, позже Пумпуру доводилось выполнять и самостоятельные работы.

Наиболее плодотворным для духовного созревания Пумпура был период его работы в Пиебалге (1867—1872), области, бывшей в то время одним из значительных латышских культурных центров. Здесь жили некоторые представители латышской интеллигенции, сформировавшиеся на идеях младолатышей; все они стремились отдать свои силы и знания на благо народа. Среди них были учителя вецпиебалгской школы — Пилсатникс, братья Р. и М. Каудзите, Андрей Стерсте, врач Юрьян — один из самых образованных латышей того времени, человек прогрессивных взглядов, который за сочувствие к крестьянам находился под надзором жандармерии. Во время пребывания в Пиебалге Пумпура туда переселился Атис Кронвалд, видный деятель младолатышского движения, педагог, публицист и языковед.

В момент приезда в Пиебалгу Пумпуру было 26 лет. В воспоминаниях Матиса Каудзите мы читаем: «Пумпур тогда был в самом расцвете лет и по внешности был очень красивым человеком: хорошего сложения, среднего роста, с мечтательными голубыми глазами, светлыми волосами и светлой... бородой».¹

В Лиелварде, куда Пумпур часто наезжал зимой, он подружился с молодым учителем — поэтом Аусеклисом, близким ему по духу, по направлению мыслей. Они оба увлекались фольклором. Аусеклис сам и с помощью учеников собирал и записывал народные песни, сказки, предания. Оба поэта наиболее ярко представляли народный романтизм в латышской поэзии, органически связанный с народной песенной стихией. В стихотворении на безвременную смерть Аусеклиса Пумпур с большой теплотой предавался воспоминаниям об их совместных прогулках, разговорах и мечтах о свободном будущем народа.

В Пиебалге Пумпур оказался вовлеченным в активную общественную жизнь. Он был участником первой любительской постановки «Ревизора» на латышском языке, часто посещал собрания кружка интеллигенции. В этом кружке активно обсуждались вопросы политики, культуры, вынашивались идеи развития подлинной национальной литературы, связанной с жизнью и интересами латышского народа. Долгими вечерами здесь шли дискуссии и разговоры, Пумпур читал многие из своих новых стихотворений, и они получали одобрение друзей еще до появления в печати. Об одном из таких эпизодов сохранилось выразительное свидетельство Матиса Каудзите: «Очень хорошо память сохранила то мгновение и то глубокое впечатление, когда в середине апреля 1870 года Пумпур впервые читал свою «Младшенькую». Все после чтения сидели в полной тишине, погру-

¹ Матис Каудзите, Воспоминания об эпохе народного возрождения, 1924, т. 1, с. 167 (на латышск. яз.).

женные в серьезные мысли. Через некоторое время тишину прервали слова Юрьяна: «Читай еще с того места, где речь о Матери Времени», — и Пумпур снова прочел строки, столь полно выразившие настроение собравшихся и всех прогрессивно мыслящих латышей, кому дорога была судьба народа». ¹

В эти же годы у Пумпура стал возникать замысел большого эпического произведения. К сожалению, архив Пумпура не сохранился, рукописи пропали в годы первой мировой войны, очень мало также зафиксированных свидетельств современников, поэтому нет возможности уточнить ни время начала работы над «Лачплесисом», ни ход этой работы. На этот счет имеются лишь самые приблизительные сведения.

Одно из достоверных свидетельств принадлежит тому же Матису Каудзите. В 1872—1873 годах Пумпур был управляющим имением в Юмурде, недалеко от Пиебалги. Летом 1873 года он задумал поехать в Аугстрозе, под предлогом закупки там дубовой древесины на бочки, и пригласил в эту трехдневную поездку Матиса Каудзите. Поездка была легкой, почти прогулочной, по дороге оба писателя с интересом прислушивались к говору встречавшихся людей, Пумпур не пропускал случая, чтобы смешаться с пестрыми компаниями в придорожных корчмах и в одной из них настолько напугал слушателей страшными историями и сказками, что к полуночи никто не решался переступить порог корчмы. Именно в этой поездке Пумпур поделился со своим спутником планом будущего эпического сочинения, которое он предполагал назвать «Ландтаг богов». Это, несомненно, будущее первое сказание «Лачплесиса» — «Собрание богов». Поэт рассказывал, на каких конях и в какой упряжке должен прибыть каждый из балтийских богов, о чем они должны говорить, как размещаться.

Толчком к написанию «Лачплесиса», очевидно, послужил и первый всеобщий латышский праздник песни, состоявшийся в 1873 году. На этот праздник съезжались и стар и млад со всех уголков Латвии. Его участниками были и Пумпур, и многие его друзья. Эта первая демонстрация консолидации народных сил, вызвавшая небывалый доголе патриотический подъем, оставила в душе поэта неизгладимый след, укрепила его желание дать своему народу подлинно национальное поэтическое произведение.

В этом году было написано стихотворение «Разыщем песни», в котором высказана мысль о том, что на основе старых песен, гонимых, но не утраченных во времена господства иноземцев, надо создавать новые песни для народа.

¹ Матис Каудзите, Воспоминания об эпохе народного возрождения, т. I, с. 172—173.

А. Пумпур разделял широко распространенную в то время гипотезу о существовании у древних латышей героического эпоса, который впоследствии был утрачен. Современная фольклористика не разделяет этих взглядов.

Осуществление эпического замысла А. Пумпура отодвинулось на многие годы. Сложные жизненные перипетии на длительное время оторвали поэта от работы над «Лачплесисом».

Землемеры в те времена всюду были желанными гостями, а Пумпур еще отличался веселым нравом, знанием многих песен, народных игр и танцев, был душой общества. В это время он писал много стихов, писал легко, современники вспоминают, что едва ли не самое известное его стихотворение «Где для молодца невеста» возникло как экспромт за свадебным столом.

Один из первых биографов поэта, Р. Клаустинь справедливо отмечает народные истоки его поэзии: «Живыми корнями выросший в родную землю, унаследовавший язык предания, даины прямо из уст народа, Пумпур, будучи простым, сердечным, естественным... в детстве и юности повемногу накопил для будущей поэзии мотивы дайн и легенд, кроме того, в свободном звучании песен сознательно и бессознательно воспринял на слух, сохранил в сознании приятные ритмы народных песен, средства выражения, языковые поэтические формы». ¹ Все это накопленное духовное богатство щедро реализовалось в его стихах.

Конечно, не одной легкостью стиха и близостью к народным песням поэт завоевал любовь народа. А. Пумпур очень серьезно относился к поэтическому творчеству, рассматривал его как служение народу. Основной мыслью, поддерживавшей его дух, пронизывавшей всю его поэзию, была любовь к родине. В 1871 году, пережив уже много жизненных ударов и потерь, в одном из писем он говорит, что именно служение родине давало и дает ему силу: «У каждого человека есть свое внутреннее намерение и цель, к которым он стремится всю жизнь и в меру своих сил старается, чтобы достичь намеченной цели. Такую цель я тоже выбрал, притом одну из труднейших, а именно: благоденствие и защиту народа. Из-за этого мне, как водится, придется перенести много трудностей и гонений». ²

Стихи Пумпура были поэтическим воплощением идей, которые объединили латышей, впервые заявивших о себе как о народе, имею-

¹ Р. Клаустинь, Описание жизни Андрея Пумпура. — В кн.: Сочинения Андрея Пумпура, т. II, Рига, 1925, с. 42—43 (на латышск. яз.).

² Сочинения Андрея Пумпура, т. II, с. 362.

шем равные человеческие права среди других народов. В поэтическом творчестве Пумпура чрезвычайно сильно выражены две тенденции — любовь к своему народу, отчизне, забота о их будущем и интернациональное чувство уважения к другим народам, среди которых латыши должны были занять свое достойное место.

Всю жизнь Пумпура глубоко интересовали проблемы взаимоотношений наций. В его поэзии мы находим немало вдохновенных строк, посвященных Востоку, народам, с которыми у латышей существовала наиболее органическая связь. В обращении Пумпура к Востоку просматривается два аспекта. Один, более общий, — это распространенная в те годы теория о происхождении латышей от древнеиндийских племен. Отзвуки теории прародины есть и в стихах Пумпура, и в «Лачплесисе», где говорится о происхождении балтов.

Научные данные в этой концепции порой смешивались с мифологией и фантазией. Теория происхождения балтийских народов, берущих свое начало на Востоке, должна была подтвердить наличие древней истории народа в противовес утверждениям немецких «культуртрегеров» из среды правящей верхушки.

Второй аспект, более конкретный и актуальный в годы жизни Пумпура, связан с глубоким уважением к славянским народам, особенно к русскому, в лице которого младолатыши справедливо видели опору в борьбе за развитие национальной культуры. В своих стихах и некоторых статьях Пумпур определенно и последовательно высказывался в том смысле, что латыши получили возможность свободного развития благодаря России, что только после присоединения к ней балтийских земель стало возможным приобщение латышского народа к культуре, возрождение национальных фольклорных традиций. В составе России латыши смогли восстановить свое равноправие среди других народов.

Эти два аспекта отношений к Востоку просматриваются в стихотворении «Восток и Запад» и некоторых других поэтических произведениях, а также в прозе и публицистике А. Пумпура.

Интерес к Востоку поддерживался и романтической натурой самого поэта. В одной из статей он писал, что слово «Восток» с самого детства звучало для него радостно. «С тех пор как я начал наблюдать утреннюю зарю и восход солнца, я с чувством радости смотрел на залитый золотом восток, зная, что теперь будет день, будет светлая жизнь во всем мире.

Вечерняя зоря не вселяла в меня такой радости, мне всегда было страшно за солнце — бог знает, куда оно скрывается на ночь».¹

Годы жизни в Пиебалге и Юмурде принесли Пумпуру глубокие личные переживания. Любовь к дочери заведующего вепьебалгской

¹ Сочинения Андрея Пумпура, т. II, с. 289.

школой Лизе Ратминдер оставила неизгладимый след в его душе. Умная, образованная, красивая девушка долго не могла решить, кому отдать предпочтение — красавцу и всеобщему любимцу Пумпуру или более сдержанному, терпеливому Матису Каудзите, с которым она была знакома задолго до появления в Писбалге Пумпура. Время замело подлинные коллизии этой далекой драмы, тем более что ее участники постарались не оставлять для любопытных потомков никаких свидетельств. Матис Каудзите завещал положить вместе с ним в гроб его переписку с женой Лизой (их свадьба состоялась, когда обоим было уже более сорока лет), что и было выполнено.

Жена и верная спутница беспокойной, трудной и далеко не обеспеченной жизни Андрея Пумпура — дочь зажиточного хуторянина Эда Гоба, родившая ему четырех сыновей и двух дочерей, вспоминая свою свадьбу, уже на склоне лет не без горечи писала о том, что жених уделял очень много внимания предмету своей первой любви, — Лиза Ратминдер была в числе приглашенных гостей.¹

Когда поэт в мучительных страданиях умирал в рижской городской больнице,² к нему пришли Матис и Лиза Каудзите, и это свидание стало прощальным светлым лучом, озарившим последние дни его жизни.

Чувства к Лизе Ратминдер и Эде, женщинам столь разного склада и характера, определили многое не только в личной судьбе А. Пумпура. Отблеск пережитого лежит на двух главных женских образах «Лачплесиса» — Спидале и Лаймдоте. Органически связанные с фольклорными преданиями, латышскими дайнами, ни одна ни другая не имеют непосредственных прототипов. Оба эти образа, как и все образы эпоса, символичны. Лаймдота воплощает в себе идеал латышской девушки и женщины, сложившийся и отраженный в многочисленных народных песнях. Спидала связана с преданиями, сказками, легендами о ведьмах, колдуньях. Однако само сюжетно-композиционное построение эпоса с двумя яркими женскими характерами наводит на мысль об использовании Пумпуром своего эмоционального жизненного опыта.

Работа в качестве управляющего имением тяготила Пумпура, он не находил в ней духовного удовлетворения. Его влекла Рига как культурный центр, он надеялся там получить возможность для литературного труда и поэтому принял предложение латышского общественного деятеля Р. Томсона и стал управляющим его фабрички искусственных удобрений. Здесь он вновь встретился с Аусеклисом, который также работал у Томсона. Однако предприятия Том-

¹ Воспоминания Эды Пумпур. Сектор рукописей и редких книг Фундаментальной библиотеки АН Латв. ССР.

² Причиной его смерти была костная саркома.

сона потерпели крах, и оба поэта оказались без средств к существованию. Аусеклис уехал в Петербург, где работал учителем, а Пумпур тщетно пытался устроить свою жизнь в Риге. После ряда неудач он оказался в безвыходном положении. Жена с только что родившимся первенцем была вынуждена уехать в деревню к родителям, а Пумпур однажды, не сказавшись ни друзьям, ни родным, с 15 рублями в кармане купил билет и сел в поезд, уходящий в Москву. Он надеялся, что друзья латыши, обосновавшиеся в Москве, помогут ему найти подходящую работу. Но в это время Пумпур еще почти не говорил по-русски, а знание немецкого языка оказалось мало-полезным. Задолжав за снимаемый угол, голодный и отчаявшийся, поэт скитался по Москве, когда ему на глаза попало объявление в «Русской мысли» о наборе добровольцев на войну в Сербию. Это показалось ему знаменем судьбы, и он попросил Фрициса Бривземниекса, латышского литератора и собирателя народных песен, жившего в Москве, отвести его к И. С. Аксакову, занимавшемуся отправкой русских волонтеров. В своих воспоминаниях А. Пумпур описал встречу с И. С. Аксаковым, во время которой он полностью убедился в правильности своего решения.

Первым побуждением, предпринявшим этот шаг Пумпура, несомненно была возможность вырваться из отчаянного положения. Однако не только материальные трудности заставили до этого глубоко штатского человека рисковать своей жизнью на поле брани.

Было нечто в характере поэта, что постоянно влекло его к новым далям, к новым впечатлениям, даже к новым приключениям. Несомненно, что внезапный бросок в Москву, а затем в Сербию не мог совершить человек умеренно благоразумный, филистерски уравновешенный, рассчитывающий каждый свой шаг.

Стремление к свободе было одним из самых сильных движущих сил его развития. В своих воспоминаниях Пумпур описывает ощущения в момент расставания с родиной: «...кто знает, увижу ли еще когда-либо латвийские дали, услышу ревущие волны Даугавы, их язык, полный преданий! И все же, сквозь все эти грустные мысли и тоску по родине пробивались *какие-то возвышающие чувства от сознания, что я свободен и таков в полном смысле этого слова!*... я свободен, как птица на ветке: значит, лететь, лететь в чужие дали!»¹

Пумпур обладал натурой страстной, увлекающейся. Вместе с тем в основе его личности были твердые нравственные устои, выше всего в людях он ценил любовь к отчизне, верность близким и друзьям и сам пронес эти чувства через всю свою жизнь.

Заботу о благе отчества он не понимал как абстрактную идею,

¹ Сочинения Андрея Пумпура, т. II, с. 81.

и стремился делом и жизнью служить родине. В своем стихотворении «Народу» поэт высказал мысль, что нужно трудиться для будущего народа, для его блага. Помощь сербскому народу Пумпур рассматривал в контексте своих взглядов на родство латышей со славянами, исходя даже из мифических представлений о некоем латышско-литовском древнем государстве, простиравшемся до Дуная. Кроме того, сама идея помощи народу в его национально-освободительной борьбе была чрезвычайно созвучна представлениям Пумпура о чести и достоинстве человека.

Свою сербскую эпопею А. Пумпур подробно описал в автобиографическом очерке «От Даугавы до Дуная». Став свидетелем военных действий на Балканах, Пумпур укрепился в мыслях о бесчеловечности захватнических войн. Возвращаясь к эпизодам разорения мирных сел, к несчастьям жителей, через дома которых прокатилась война, он размышляет о том, что никакие природные стихии не могут нанести такого ущерба, как люди, идущие войной на себе подобных. А став свидетелем мучений раненых, он восклицает: «Кто все это видел и у кого есть человеческое сердце и чувства, тот должен желать, чтобы ужасные войны на вечные времена были изгнаны из цивилизованного мира».¹

Такое отношение к войне для Пумпура, человека, наделенного личной храбростью, было важной частью его миропонимания, сопряженного с народными, нравственными идеалами и отразившегося в «Лачплесисе». В латышском фольклоре герой военных песен уходит на войну, чтобы защитить свою землю — лучше потерять свою голову, чем отчизну. Обычная для фольклора ситуация — проводы на войну сыновей и братьев, проникнутые любованием их молодечеством и храбростью, а также предчувствием возможной гибели.

С таких же позиций создан в эпосе Пумпура и образ Лачплесиса — богатыря, совершающего подвиги во имя защиты отечества, но не наделенного чертами агрессивности, стремящегося в идеале к мирной жизни. Вторжение иноземцев в Балтию прерывает мирную жизнь латышей, картины которой разворачиваются в описании вечера велей, праздника Лиго, свадьбы Лачплесиса и Лаймдоты, Кокпесиса и Спидалы. Лачплесис выходит на бой. Но и первые подвиги Лачплесиса, еще до начала борьбы с захватчиками, совершаются во имя улучшения мирной жизни земледельцев: герой очищает свою землю от диких зверей — волков, медведей и фантастических чудовищ, которые угрожали жизни людей, разоряли их дома, уничтожали посевы.

Сербский поход укрепил Пумпура в его дружественном расположении к славянским народам. Здесь он чаше среди русских офи-

¹ Там же, с. 226.

церов товарищей и друзей, освоил русский язык. Родственные черты ему чудились в сербском языке. В одном из писем он восторженно восклицает: «Язык сербского народа очень похож на русский и — латышский язык. Впервые его услышав, я понимал лучше, чем русский, к которому прислушивался уже некоторое время; особенно их акцент, интонация голоса при разговоре совсем как в латышском; если не обращать внимания на филологическую науку, можно подумать, что сербский язык произошел от смешения русского и латышского языков». ¹

Конечно, такие слова могут служить лишь свидетельством направления творческой фантазии, но в черногорских песнях, которые он слушал на привалах у костров, его поэтическому воображению чудились родственные звуки, о чем он писал в стихотворении «На Дунае». В пятом сказании «Лачплесиса» Пумпур использовал ритмические особенности этих песен.

После окончания сербской кампании Андрей Пумпур возвращается в Россию, но на этом его скитания не кончаются. По-прежнему нет средств к существованию на родине, и он пытается найти работу в Крыму. В поисках места он изъездил и исходил пешком почти весь полуостров, какое-то время работал в Симферополе и Севастополе на строительстве фортификационных сооружений. Накануне русско-турецкой войны Пумпур воспринимал эту деятельность с патриотической гордостью и даже писал в одном письме, что «на такой работе грудь вздымается выше». ²

В 1877 году он поступает в юнкерское училище в Одессе и после его окончания, в возрасте почти 40 лет, начинает служить в российской армии. Служба в армии открывала ему путь к более обеспеченному существованию, давала возможность содержать семью без унижающей его достоинство помощи со стороны тестя, который с самого начала был противником замужества дочери и в трудные для Пумпуров годы, давая деньги дочери, ревниво следил, чтобы она тайком не делилась с бедствующим мужем.

Дослужившись до штабс-капитана, Пумпур уходит в отставку и в 1895 году переходит в Даугавпилскую (Двинскую) военную интендантуру, в надежде заслужить пенсию, которая наконец-то дала бы ему возможность свободно заниматься творческим трудом. И этой надежде Пумпура не дано было сбыться: его жизнь оборвалась незадолго до наступления пенсионного срока.

До 1880 года он служит на юге России, а затем военное командование переводит его в Латвию, где он вновь оказывается в кругу друзей и единомышленников. Военная служба не давала ему долго

¹ Сочинения Андрея Пумпура, т. II, с. 260.

² Там же, с. 263.

удерживаться на одном месте: разные города Латвии, Литвы и Эстонии, длительные поездки по России. Как военный интендант, Пумпур побывал на Кавказе, в Средней Азии, по дороге на Дальний Восток пересек Индийский океан, повидал Цейлон и Китай. Однако не эти впечатления питали его художественное творчество. Ориенталистские мотивы, столь характерные для творчества первого периода, не нашли развития при соприкосновении с реальным Востоком. Парадокс романтического мировосприятия заключался в том, что абстрактная идея Востока была для поэта более плодотворной, чем раскрывшаяся перед ним жизнь.

Зато все более настойчиво встают перед Пумпуром дорогие образы родного фольклора. Как только его материальное положение несколько стабилизировалось, он снова возвращается к мысли о задуманной героической поэме. Работу над «Лачплесисом» он рассматривает как долг перед своим народом и прилагает немало упорства и усилий, чтобы в условиях кочевой жизни завершить свой грандиозный труд. Поэт спешил закончить произведение к третьему празднику песни, и оно увидело свет в 1888 году.

«Лачплесис» был порождением прогрессивного периода национально-освободительного движения латышского народа за его достоинство и культуру. Время опубликования «Лачплесиса» совпало уже с другим общественным периодом, когда идеи, порожденные энтузиазмом первых борцов, стали оправданием для деятельности латышской буржуазии, притеснявшей своих же братьев латышей под прикрытием лозунгов некоей несуществующей национальной общности. Долгая оторванность Пумпура от Латвии помогла ему во многом сохранить устремления, характерные для национально-освободительного движения, и закончить «Лачплесиса» на этой волне.

Однако произведение, которое так ждали в 60-е и в начале 70-х годов, в конце 80-х было встречено весьма сдержанно, и даже с равнодушием.

Сам Пумпур сознавал, что период подъема кончился, что настало время умеренности и холодного рассудка. В предисловии к первому изданию своих стихотворений в 1889 году он пишет, что жизнь каждого народа подобна морю, которое то вздымается волнами, то утихает. В периоды подъема оживает всеобщий энтузиазм, из народной среды выделяются могучие характеры, которые своим примером зажигают остальных, стремятся до конца выполнить свой долг перед народом. Такими могучими фигурами, писал он, были первые младолатыши, памяти которых он посвящает свои стихи. Таким могучим характером был и Пумпур и, заканчивая «Лачплесиса», он надеялся, что эпос не останется только памятником прошедших времен, а послужит толчком к новому этапу общественного развития.

При жизни Пумпур этого не дождался. Он умер в 1902 году,

накануне революции 1905 года, которая вновь всколыхнула море народной жизни, пробудила силы латышского пролетариата.

Но эпос Пумпура с течением времени стал занимать все более важное место в сознании латышского народа. В суровых бурях и огненных испытаниях XX века Лачплесис стал символом прогрессивных сил латышского народа, его жизнестойкости, самобытности, свободолюбия.

После создания «Лачплесиса» творчество Пумпура уже не достигает прежних вершин. Он пишет отдельные стихотворения, статьи на литературные темы, начинает роман «Крот» о полной приключений жизни латышского юноши в период после нашествия Наполеона. Главной заботой он считает издание своих произведений, рассеянных по газетным страницам и рукописям.

В 1889 году выходит первый том его сочинений — сборник «На родине и на чужбине», оставшийся единственным прижизненным собранием произведений Пумпура. Публикации второго тома, в который должны были войти его прозаические произведения, статьи и письма, он не дождался. Лишь в 1904 году было издано первое собрание сочинений поэта, однако далеко не полное и с очень большой самовольной правкой редактора.

Значение эпоса в народной культуре бесспорно и неопределимо. Эпос возник в глубинах ушедших веков, как обобщение неустанной духовной работы многих поколений, как свод многочисленных памятников народной поэзии, претворяющей в художественные образы события истории, картины быта, этические и эстетические представления народа. Вбирая в себя истоки народной культуры, эпос с течением времени сам становится неисчерпаемым источником духовного развития, стимулом для создания новых художественных явлений.

Жизнь эпоса в художественном сознании народа — важное звено той связи времен, которая лежит в основе культуры.

Тысячелетиями отдалена от нас древнейшая эпоха, когда человек впервые осознал себя в противопоставлении сложной космической общности природы, ее грозным, еще непознанным силам. В те мифотворческие времена синкретичное, нерасчлененное сознание человека населило землю и небо могущественными существами, от которых зависела жизнь его самого, его рода и племени. Многочисленные божества, олицетворяющие силы природы, наполняли мир древнего человека, безраздельно управляли его судьбами. Но духовная сущность человека, развивавшаяся на пути борьбы и труда, противостояла натиску враждебных сил, призывала к сопротивлению. Накапливая и обобщая свой опыт и опыт соплеменников, чело-

ник убеждался в необходимости борьбы и реальности одержанных побед.

Так синкретичное сознание древнего человека породило богов и героев, возникших в поэтической фантазии народа как обобщение и символ его исторического опыта.

Человеческая мечта опережала действительность, усиливала ее позитивные начала. В героях поэтического творчества народа, которое создавалось на протяжении долгих исторических эпох, воплощался гуманистический идеал могучего, отважного, самоотверженного борца, совершающего героические подвиги во имя жизни и свободы будущих поколений. Таковы эпические богатыри многих народов. Вокруг них концентрируются разнообразные фольклорные сюжеты, наслаиваются исторические события, растет «культурный слой» фольклора. Так образуются эпические циклы, сливающиеся затем в эпосы.

Исторические события, уклад жизни различных племен и народов, их этика, опоэтизированные представления о космогонии — все это нашло выражение в сложном художественном единстве народного эпоса. Синкретизм древнего искусства, включающего в себя, по нашим сегодняшним понятиям, зачатки философии, истории, религии и естественных знаний, объединенные в художественное целое на основе поэтической фантазии народа, оставил глубокие следы в содержании и поэтической форме древних эпосов. (Кстати, само слово «эпос» на греческом языке означает: слово, повествование, рассказ.)

Ученые-фольклористы отмечают, что «эпос в узком смысле — это именно героический эпос», первоначально он «возник в эпоху разложения первобытного строя. Создание образа богатыря требовало известной степени выделения личности из первобытной общины, а появление эпического фона было невозможно без преодоления родоплеменной замкнутости...».¹

Эпические песни и сказания создавались на протяжении многих веков. У одних народов сохранились и дошли до наших дней эпические сказания со следами древней, архаической жизни. Другие располагают эпическими песнями и преданиями, где отразилась более поздняя история. Есть и очень сложные по составу произведения эпической поэзии. Так, нартский эпос — общее духовное наследие народов Кавказа, по утверждению фольклористов, складывался на протяжении многих веков и запечатлел «приметы исторического времени огромной протяженности — от III в. до н. э. до XII—XV вв. н. э.».²

¹ Е. М. Мелетинский, Эпос. — Краткая литературная энциклопедия, т. 8, М., 1975, с. 928—929.

² А. А. Петросян, История народа и его эпос, М., 1982, с. 20.

Фольклористика как наука об устном художественном творчестве народа выдвинула ряд теорий происхождения и развития народных эпосов. Они отражали развитие фольклористики как области общественных наук, взаимосвязанных с развитием самого общества.

Советская фольклористика выработала свой подход к обширному наследию отечественной и мировой науки о фольклоре, свои концепции возникновения и исторического существования народных эпосов. Сложность существующих проблем эпосоведения в сегодняшней науке связана, в частности, с тем, что пути возникновения и исторические формы народных эпосов различны у разных народов. В основе этих различий — не только особенности жизни, истории и художественного сознания народов. Существуют еще и разные формы бытования эпосов в народной среде — в устной и письменной традиции, то есть исполняемых народными певцами и сказителями и записанных от них в позднейшее время и ставших литературным явлением. В такой «олитературенной» форме существуют сегодня как явления мировой культуры древнейший шумеро-аккадский эпос о Гильгамеше, греческие «Илиада» и «Одиссея», индийский эпос «Рамаяна», монгольский и бурятский «Гэсэр», армянский «Давид Сасунский», киргизский «Манас», калмыцкий «Джангар», азербайджанский героический эпос «Кёр-оглу».

На основе отдельных сказаний и песен, объединенных общими героями, популярные в народе певцы и сказители создавали свою цельную версию эпоса. Однако полностью охватить весь эпический материал, достигающий иногда нескольких сотен тысяч стихотворных строк (например, объем сказаний и песен о Манасе, бытующих в киргизском народе, в два-три раза превышает «Илиаду» и «Одиссею»), версия одного сказителя, естественно, не могла.

Начиная с XIX века такую роль нередко берут на себя ученые и писатели, занимающиеся сборанием и изучением национального фольклора. В то время была распространена теория, согласно которой эпосы у многих народов существовали в древности в целостном виде и лишь со временем утратили свою целостность, сохранившись в виде отдельных песен и циклов, связанных общей тематикой и героями. Поэтому первые собиратели фольклора были уверены, что, обобщая и систематизируя записанный эпический материал, а в ряде случаев восполняя «от себя» недостающие сюжетные звенья, они восстанавливают первоначальную целостность народных эпосов, возвращая своему народу и мировой культуре утраченные поэтические богатства. Так был реконструирован народный эпос «Калевала» на основе записанных финским ученым Элиасом Лёнротом карельских, ижорских и финских рун — древних эпических песен. Первое издание «Калевалы» (название, в переводе с финского, означает: «страна Калева» — эпического родоначальника карельских и финских

богатырей), выпущенное в свет Э. Лёнротом в 1835 году, включало в себя 32 руны, общим объемом 12 078 стихов. Через 14 лет, в 1849 году, Э. Лёнрот, продолжавший совместно с другим финским ученым, Д. Европеусом, собирать народные песни, выпустил второе издание, состоявшее из 50 рун (22 795 стихов).

Советский исследователь «Калевалы» Е. Г. Качаров еще в 1940 году писал о том, что история создания «Калевалы» «представляет крупный научный интерес: она показывает нам, как возникают народные эпосы вообще, в чем заключается процесс эпической кристаллизации. До Лёнрота никому не бросилось в глаза, что весь огромный песенный материал карело-финского народа обладает тенденцией к объединению, что многочисленные эпические песни начинают консолидироваться (группироваться, размещаться) вокруг популярных в народе героев: вековечного певца-заклинателя Вейнемейнена, его брата, искусного кузнеца Ильмаринена, выковавшего таинственное Сампо, любимца женщин, «бабьего пересмешника» Лемминкяйнена, отправляющихся порознь в мрачную Похьёлу сватать дочь хозяйки этой страны, прекрасную деву Радуги... В этих отдельных песнях и группах песен (спевах) ярко выступают центростремительные процессы: песни сливаются вместе, связанные единством действия. Мы на грани эпопеи, предполагающей уже индивидуальное мастерство.

Эпический материал ждет лишь поэта-редактора, который, избрав ряд циклов и эпизодов и придав эпосу завязку и развязку, претворил бы его в стройное и единое целое. Этим поэтом и стал Элиас Лёнрот. Так же возникли «Илиада» и «Одиссея», приписывавшиеся греками поэту-слепцу Гомеру, так же сложилась «Песнь о Нибелунгах» у немцев, «Эдда» у скандинавов, «Песнь о Роланде» у французов, поэма о Беовульфе у англосаксов и т. д. История создания «Калевалы» проливает свет на создание великих национальных эпопей.¹

Эта точка зрения близка позиции современных исследователей, относящих к числу народных эпосов ряд сходных явлений, возникших вслед за «Калевалой». Так, на основе эстонских народных сказаний о богатыре Калевипоэге (сыне Калева) и других произведений народной поэзии Фридрих Рейнгольд Крейцвальд опубликовал в 1857—1861 годах эстонский народный эпос «Калевипоэг». Он использовал для переработки прозаические сказания о Калевипоэге и значительно дополнил их новыми эпизодами, выстроившимися в сложный, законченный сюжет. Что же дает основание фольклори-

¹ Е. Г. Качаров, Калевала как памятник мировой культуры. — В кн.: Калевала. Карело-финский народный эпос, Петрозаводск, 1940, с. V—VI.

стам и литературоведам рассматривать «Калевипоэга» как произведение национального эпоса?

Причин — несколько, и о важнейших из них необходимо сказать потому, что они распространяются на близкие явления других национальных культур, в том числе и на «Лачплесиса» А. Пумпура, появившегося вслед за «Калевалой» и «Калевипоэгом».

Ф. Р. Крейцвальд — один из выдающихся деятелей эстонской культуры середины XIX века — эпохи «национального возрождения». Для латышского и эстонского народов это было время становления самостоятельной национальной литературы. Естественное развитие национальной культуры было нарушено многовековым чужеземным игом, тяготевшим над этими народами после захвата их земель в XIII веке немецкими крестоносцами. Экономическая и политическая экспансия сопровождалась экспансией духовной. Немецкая правящая верхушка — церковь и землевладельцы стремились держать коренное население Латвии и Эстонии в духовной зависимости, закрывая пути к развитию самостоятельной национальной культуры. Лишь к середине XIX века в жизни этих народов становится заметной общественно-культурная деятельность национальной интеллигенции — выходцев из крестьянства. На их долю выпали одновременно просветительские и национально-освободительные задачи. Один из важных путей становления и развития национальной культуры был связан с собиранием и изданием произведений национального фольклора. Как отмечают современные исследователи, первые национальные литераторы-просветители эстонцев и латышей справедливо считали, что «народная поэзия не является лишь романтическим отзвуком далекого прошлого, как это утверждали западноевропейские фольклористы того времени, но что она служит поэтическим выражением мировосприятия трудящихся масс и должна лечь в основание национальной литературы». ¹ Как и деятели младолатышского движения, Ф. Р. Крейцвальд был в числе основоположников эстонской фольклористики: «Он первый сказал народу о том, каким драгоценным национальным достоянием является самим народом созданная поэзия». ²

Выходец из среды эстонского крестьянства, с большим трудом, преодолевая материальные лишения, окончивший Тартуский университет, Ф. Р. Крейцвальд всю жизнь работал врачом в уездном городе Выру. «Я очень хорошо знаю все те пути, которые сковывают ноги молодого эстонца, пока ему не удастся с крестьянских лугов

¹ Э. Нирк, Эстонский народный эпос «Калевипоэг». — В кн.: Калевипоэг, Таллин, 1961, с. 352.

² Там же, с. 352—353.

нопасть в среду людей просвещенных»,¹ — писал Крейцвальд впоследствии, раскрывая на своем опыте типический путь первых интеллигентов из народа. Подобным путем шли и деятели младолатышского движения середины века. Не менее сложным, преисполненным препятствий, оказался и путь А. Пумпура, в числе других, тогда немногочисленных, культурных деятелей закладывавшего фундамент национальной литературы. Человек широких культурных интересов, подготовленный и как филолог (Крейцвальд в Тарту обучался и на филологическом факультете), глубоко понимающий общественные задачи формирующейся национальной интеллигенции, Крейцвальд вместе со своим другом и наставником, также врачом по профессии, Ф. Р. Фельманом еще в университете входил в кружок патристически настроенных молодых эстонцев. Их деятельность — литературная и общественная — была связана с задачами развития национальной культуры. Ф. Р. Фельман начал, а Крейцвальд, после его смерти, завершил работу по сбору и обработке народных сказаний о Калевипоэге, составивших основу будущего поэтического эпоса. Взгляд на создаваемый эпос, как реконструкцию издавна существовавшего, отвечал общественным задачам, стоящим перед молодыми национальными литературами и культурами народов Прибалтики.

Крейцвальд и вслед за ним Пумпур, каждый по-своему и независимо, стремились обнаружить в идеях и образах эпической поэзии доказательства того, что и латышский, и эстонский народы, вопреки утверждениям реакционных идеологов, имели до вторжения чужеземных захватчиков богатое историческое прошлое.

Этот комплекс национально-освободительных, демократических идей в полной мере выявляется и в создававшихся во второй половине XIX века, в период подъема освободительного движения, «авторских» эпосах.

Фольклорное наследие народов мира свидетельствует, что для появления народного эпоса необходимы определенная общественно-историческая ситуация (прежде всего — это общественная потребность в объединяющей духовные силы народа национально-патристической идее), определенный уровень развития народного творчества (так как эпос вбирает в себя уже накопленные фольклорные богатства) и значительная поэтическая индивидуальность. При создании устных вариантов — это не один, а множество народных певцов, которые объединяют отдельные сказания или циклы песен в стройное, сюжетно оформленное эпическое целое. Таковы, например, наиболее известные «манасчи» — певцы-сказители «Манаса» в среде киргизского народа, создавшие свои варианты многотомного (издан-

¹ Там же, с. 350.

ного лишь в советское время) народного эпоса, державшие в своей памяти десятки тысяч стихотворных строк.

В новое время, при наличии письменной литературы, эпические сказания издавались как целое в записях фольклористов, в обработке поэтов, ученых — знатоков народного творчества. Таким путем вошли в литературу широко известные народные эпосы «Гэсэр», «Манас», «Джангар», «Давид Сасунский», «Кёр-оглу» и многие другие. Одновременное сосуществование в народе многих версий широко известных эпосов и эпических циклов и исполнение отдельными певцами и сказителями своих, «авторизованных» вариантов доказывают естественность пути к созданию на основе народных мотивов «авторского эпоса» типа «Калевипозга» и «Лачплесиса».

В XIX веке, в период подъема национально-освободительного движения в Европе и Америке, эпоха романтизма (в молодых литературах народов Восточной Европы — в формах «народного романтизма») породила особый интерес к национальному фольклору и народной мифологии. Романтики видели в нем выражение вечных ценностей национального духа, воплощение идеалов свободолюбия и самобытности, отвечавших общественным задачам искусства. В этой атмосфере достоянием литературы стали эпические памятники многих народов. Возродился интерес к немецкому героическому эпосу «Песнь о Нибелунгах», известному в рукописных списках с XIII века. На основе древних эпических циклов немецкий поэт и ученый В. Иордан создал литературный вариант эпоса «Нибелунги», состоящий из двух частей — «Сага о Зигфриде» (1868) и «Возвращение Гильдебранта» (1874), а композитор Р. Вагнер — оперную тетралогия «Кольцо Нибелунгов». В Америке поэт-романтик и знаток фольклора Лонгфелло на основе индейских сказаний об историческом герое, вожде ирокезов XV века, объединившем в прочный союз несколько враждовавших племен, создал эпическую поэму «Песнь о Гайавате» (1855). В поэме, получившей мировую известность и переведенной на многие языки (русский перевод Д. Л. Михайлозского появился в 1868—1869, а перевод И. Бунина — в 1896—1903 годах), использован четырехстопный хорей с женскими (то есть безударными) окончаниями, заимствованный Лонгфелло из карело-финского эпоса «Калевала» в публикации Э. Лёнрота.

В Европе в середине прошлого века, в период освободительных Балканских войн, активно изучается и издается героический эпос Черногории. «История борьбы за свободу предстает для черногорцев преимущественно в эпических формах. При этом очень живо сознание преемственной связи с нею, и на этой почве проявляется редкостная для нового времени воспитывающая и агитационная сила эпического творчества. Факты исполнения юнацких песен в перерывах между

боями на передовой линии зафиксированы очевидцами в 1877 г.»¹

В России прошлого века народному творчеству уделяли особое внимание революционные демократы, начиная с В. Г. Белинского. Для них пропаганда народного искусства и его идеалов была одной из важных форм утверждения новой, революционной идеологии и эстетики, привлечения общественного внимания к жизни народа. Народная поэзия, утверждает Н. Г. Чернышевский, «полная жизни, энергии, простоты, искренности, дышит нравственным здоровьем».²

В Петербургской Академии наук велась большая работа по собиранию, изучению и изданию памятников фольклора разных народов. С помощью петербургских академиков А. А. Шифнера и Ф. И. Видемана было осуществлено издание «Калевипоэга», а Ф. Р. Крейцвальд удостоен Демидовской премии 1860 года.

По условиям своего появления, по творческой истории, идейной близости и, наконец, по той исключительной роли, которую суждено было сыграть «авторским эпосам» в истории национальной литературы Латвии и Эстонии и развитии общественного сознания, и «Лачплесис», и «Калевипоэг» удивительно близки. Различия национально-исторических, бытовых и художественных реалий, как и яркая индивидуальность поэтов, не могут заслонить глубокого внутреннего родства образов их героев — народных защитников, близости этических идеалов народа, общности исторической ситуации. Волна национально-освободительного движения, поддержанного народом, самосознание которого выражали в Эстонии представители первого поколения народной интеллигенции, а в Латвии — младолатыши, вдохновляла первые шаги молодого национального искусства. Эта волна породила и крупнейшие поэтические явления своего времени — народные эпосы, «воссозданные» А. Пумпуром и Ф. Р. Крейцвальдом.

В духе идеалов и представлений национально-освободительного движения сюжет обоих эпосов включает изображение счастливого свободного прошлого народов Прибалтики, нашествие «железных людей», отразившее в эпических ситуациях историю захвата латышских и эстонских земель в XIII веке чужеземными завоевателями, борьбу народа за освобождение, проявившуюся — в историческом плане — в многочисленных народных восстаниях против ига чужеземцев, и, наконец, символические картины свободного будущего, залогом которого в эпосах является бессмертие эпических героев.

Глубокий демократизм героических образов эпоса воплощает народный этический идеал правителя, вождя, выбранного народом, чтобы возглавить его освободительную борьбу. Крестьянский облик

¹ Б. Н. Путилов, Героический эпос черногорцев, Л., 1982, с. 14.

² Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., т. 2, М., 1953, с. 297—298.

народного героя, его высокое предназначение как вершителя подвигов во имя народа, стремление к постижению извечной мудрости предков, предопределенность его судьбы, избравшей героя для свершения великих подвигов, — все эти черты, свойственные героям народных эпосов, роднят и образы Лачплесиса и Калевипоэга. Их судьбы, как и сюжетные перипетии эпосов, близки в основном, в главном: чудесно рожденный герой, избранный богами, вырастает, пробует свои силы, совершает первые подвиги, обретает друзей-богатырей, затем вступает в противоборство с врагами родины, возглавив борьбу народа против чужеземцев, одерживает немало побед, но, подчиняясь предопределению, погибает в жестокой схватке с врагом или, как Калевипоэг, сраженный заговоренным мечом. Но так же, как жив народ, живы и его герои: придет время, и они вновь вернуться, чтобы бороться вместе с народом, одолеть темные силы, обрести свободу и счастье. Такова эпическая схема сюжета «Лачплесиса» и «Калевипоэга».

Опираясь на художественную фантазию народа, Пумпур и Крейцвальд обогатили и украсили эпический ствол многочисленными сюжетными ответвлениями, покрыли его кроной поэтических подробностей, украсили цветами народной поэзии, превратили в живое древо высокого и мощного национального искусства. Но, как непохожи друг на друга два дерева, так несходны и индивидуальные, личностные черты эпических героев.

Жизнь и подвиги эстонского богатыря Калевипоэга, крестьянский демократизм правления и самого нравственного облика этого трудолюбивого строителя и пахаря, морехода и воина, не знающего страха в борьбе с врагами, в самобытных формах эпической поэзии воплощают свободное прошлое эстонского народа. Борьба Калевипоэга с силами преисподней, ее хозяином — Рогатым, с его воинством и железными людьми, пришедшими на землю Эстонии, чтобы поработить свободный народ, в условных ситуациях и перипетиях эпического сюжета олицетворяет судьбу родной земли, героически сопротивлявшейся нашествию чужеземных захватчиков.

М. Горький, который был глубоким знатоком народного творчества, писал, что фольклору органически присуще чувство оптимизма, что народу свойственна уверенность «в его победе над всеми враждебными ему силами».¹ Сюжетные ситуации «Калевипоэга» — предопределенные судьбой гибель героя от заклятого волшебного меча, после битвы с чужеземцами, смерть его боевых соратников, народных героев и богатырей Алева и Сулева, возвращение героев на родную землю — художественно воплощали историческую судьбу народа.

¹ М. Горький, Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, М., 1953, с. 305.

В то же время индивидуальность Калевипоэга проявляется во всех этих сюжетных перипетиях богато и многообразно. Это индивидуальность человека горячего, искреннего, подверженного иной раз необдуманном порывам гнева, любви, раздражения, не чуждого «неско человеческого» и одновременно — человека героического склада, самоотверженного, трудолюбивого, верного в дружбе, бесстрашного, честного, стремящегося к знанию, к свершениям, отдавшего себя служению родной стране, своему народу. Крестьянский демократизм Калевипоэга, усиленный и подчеркнутый демократизмом эстонского фольклора, с присущим ему юмором, а иной раз — даже с иронией по отношению к своему любимому герою, в заметной мере определяет характер и судьбу Калевипоэга, придавая ему реальные, земные черты. Эта сторона художественного образа сына Калева позволила современному эстонскому прозаику Э. Ветемаа написать от лица героя «Записки Калевипоэга», где элемент автоиронии, как и свойственный эстонскому фольклору лиризм и юмор, определяют его облик и стиль повествования, несколько не ослабляя оптимистического и героического звучания эпоса Крейцвальда.

Облику Лачплесиса в гораздо большей степени присущи черты романтического героя, очищенные от земных, житейских наслоений. В значительной мере это определяется индивидуальностью Пумпура как яркого и крупнейшего представителя «народного романтизма» в латышской литературе той эпохи. Таинственно, окутано романтической тайной происхождение Лачплесиса, найденного мудрым прощателем Вайделотом в лесу, где малютка «мирно кормился» молоком дикой медведицы, и отданного им на воспитание владельцу Лиелвардского замка, главе славного героического рода — Лиелварду. Романтичны приключения Лачплесиса, посланного приемным отцом для получения знаний к старому Буртниеку, в замок Айзкрауклиса. Его прекрасная дочка Спидала, недобрая, колдовская красота которой произвела сильное впечатление на юношу, оказалась ведьмой: ночью, с помощью заклятий, она летала на деревянной колоде на таинственные сборища нечистой силы в Чертовой яме. Но герой преодолел колдовские чары и не отступил перед опасностью: спрятавшись в дупле колоды, он смог проследить за ночными похождениями черноокой красавицы. И поплатился бы за свою смелость жизнью, но, по велению Отца судеб, был спасен Стабурадзе, живущей в хрустальном замке на дне Даугавы, подле утеса Стабурагс. Здесь же, в ее хрустальных чертогах, герой встретил и полюбил прекрасную Лаймдоту — «дочку Стабурадзе», избранную ею для воспитания. (Становясь затем женами смертных людей, «дочки Стабурадзе» приносят им счастье.) Лаймдоту герой вновь увидел затем в замке Буртниека как его дочь. Светлая, верная Лаймдота, невеста Лачплесиса, и мстительная, коварная Спидала — два романтических

образа, два характера, две судьбы, сопровождающие Лачплесиса на протяжении всей его жизни. В противоборстве светлого и темного начал побеждает добро: сраженная великодушием Лачплесиса, Спидала становится его союзницей. Верность преданного друга Кокнесиса, победы над врагами отчизны, любовь Лаймдоты освещают первую половину жизненного пути героя. Но наступают черные времена: похищена Лаймдота, исчез верный Кокнесис, многочисленные враги напали на землю родины. Разоряются старые латышские замки, строятся новые крепости пришельцев-завоевателей. Предатель Кангар помогает врагам узнать тайну богатырской силы и непобедимости героя: Лачплесис погибнет, если обрубить его медвежьи уши. И Черный рыцарь, вызвавший Лачплесиса на поединок, предательски поражает его, лишая сказочной силы. Лачплесис гибнет не один: в жаркой схватке увлечает он за собой на дно Даугавы Черного рыцаря. Погибает от горя верная Лаймдота, народ разбит и поработен. Но Лачплесис не умер, свобода не погибла: каждую ночь вновь и вновь сражается он над обрывом Даугавы с Черным рыцарем, и люди верят — придет тот час, когда герой победит своего врага — «одного с утеса сбросит и утопит в омуте. И народ тогда воспрянет к новым дням, свободным дням!». Звучат мажорные аккорды «открытого» финала: Лачплесис — сильный, чистый, непобежденный — вернется к своему свободному народу.

В образе Лачплесиса отчетливо прослеживается его двойственная природа: эпическая, мифологическая основа и литературно-романтическое наполнение. Народная поэзия, создавшая идеал героя-освободителя, преобразуясь под пером Пумпура, «работает» на историческую ситуацию, откликаясь на события эпохи завоевания Латвии в XIII веке и подъема национально-освободительного движения 50—80-х годов прошлого века. Близкая таланту А. Пумпура поэтика романтизма, взаимодействуя с фольклорной, помогает поэту создать образ «рыцаря без страха и упрека», верного сына родной земли, олицетворяющего силу и бессмертие народа.

Основную идейно-художественную нагрузку в эпосе несут четыре главных образа: Лачплесис, Лаймдота, Кангар и Спидала. Благодаря живым, полнокровным образам, воплотившим разные стороны национального характера, эпос стал подлинной вершиной латышской культуры.

Наиболее значительными, художественно завершенными, типизированными целый комплекс таких характерных черт, которые подняли их на уровень символов, стали образы Лачплесиса и Кангара. Это антиподы, их противоборство образует одну из главных композиционных осей «Лачплесиса». Герои — защитник отчизны и коварный предатель выписаны крупно, ярко, это подлинно эпические образы. Противостояние Лачплесиса и Кангара в решающий пово-

ротный момент судьбы латышского народа отражает не только конкретную историческую ситуацию, но поднимается до проблем общечеловеческих. Противостоят два миропонимания, два способа человеческого существования на земле.

Лачплесис наделен чертами идеального героя — в нем воплотилось народное представление о мужестве, чести, верности, высокой нравственности. Он прекрасен и внешне и внутренне, все в нем соответствует высокому назначению, предначертанному богами. Как и подобает истинному герою, он смел и мужествен, благороден и добр. Он открыто идет навстречу опасностям, но умеет разоблачать и скрытые козни Кангара и Спидалы, проявляя при этом сметку и сообразительность. Но Лачплесис не стремится к любому столкновению с врагом. Его поведение определяется мудростью и дальновидностью вождя, прежде всего пекущегося о своем народе. Выразительна сцена его встречи с Калапуйсом — эстонским великаном. В предвидении грядущих битв с общим врагом Лачплесис протягивает руку дружбы поверженному сопернику. Герой не только защищает свой народ от врагов, но становится носителем его духовных богатств. Изучая в замке Буртниеков древние свитки, Лачплесис воспринимает заветы предков, чтобы отдать народу его духовные богатства, его историю. В его лице воплощается связь времен — от прошлого к будущему.

Прямой противоположностью Лачплесису в эпосе выглядит фигура Кангара, хитрого святоши и ханжи. Если доминантой образа Лачплесиса были верность и преданность народу, родине, то образ Кангара становится символом предательства. Зловеще звучит его клятва — бороться с Перконом, предавать родину, истреблять защитников народа, обманывать свой народ и обратить в рабство всю Балтию. Кангар алчен — его предательство оплачивается золотом, он копит добро, но это не единственный мотив его поведения. Когда он при помощи колдовства узнает тайну силы Лачплесиса, заключенной в его медвежьих ушах, и раскрывает ее врагам, он сознает всю тяжесть своей вины перед народом и даже отказывается от награды. Он предвидит, что будет проклят в веках, как черный злодей, но не в силах переступить через свою природу — зло и впредь, вовек будет творить только зло. Образ Кангара, при всей своей символической окраске, чрезвычайно емкий и многогранный. В отличие от Лачплесиса, Кангар свои истинные намерения держит в тайне, он носит личину целителя и святого — люди ходят к нему за советами в трудных житейских делах, за лекарствами от недугов. Он использует доверие и простодушие людей. Свой ум он направляет на то, чтобы замаскировать свою суть, но его неотступно преследует страх разоблачения. Он стремится делать свое черное дело чужими руками. Поняв, какая именно «дружба» с балтийскими народами надобна

завоевателям, почувствовав в Дитрихе близкую душу, Кангар сводит его с Каупо. Сам он не склоняет Каупо к предательству, а лишь поддакивает Дитриху, помогает тому использовать слабость и доверчивость турайдского вождя.

Если Лачплесис главным образом вышел из фольклорной стихии, то в обрисовке злодейской фигуры Кангара чувствуется решающее влияние романтических представлений. Но сила художественного обобщения в его обрисовке такова, что имя Кангара стало наиболее часто использоваться как нарицательное, стало понятием, не требующим никаких дополнительных разъяснений.

В художественном отношении женские образы эпоса слабее мужских. Лаймдота — буквально: «дающая счастье» — носительница самых высоких нравственных идеалов, заключенных в латышском фольклорном сознании, становится верной спутницей и опорой Лачплесиса. В эпосе подчеркнуты такие ее достоинства, как гордость, преданность, верность идеалам. Она говорит Лачплесису: «Вместе умрем за народ наш латышский» — и эти пророческие слова исполняются. Лаймдота — не только союзница и единомышленница Лачплесиса, она его вдохновительница. Ей вверена миссия хранительницы старых преданий, истории народа, с ее помощью Лачплесис приобщается к наставлениям Видуведа.

Как уже говорилось, и мужские, и женские образы эпоса выписаны контрастно. Антиподом Лаймдоты выступает Спидала — «сверкающая», «блистающая», наделенная необыкновенной, колдовской красотой: «Дивной красотою дева блистала, так и горели темные очи». Если красота Лаймдоты сравнивается с утренней зарей, с лунным светом, слитым с маковым цветом, то Спидалу в эпосе сопровождают эпитеты: огненноокая, несказанно прекрасная, чародейно-прелестная. Лаймдота — солнечный день, ясность, спокойствие; Спидала — огненная, ночная, пылающая недобрыми страстями. Это единственный образ эпоса, показанный в развитии, в движении. Осознав свою вину перед Лачплесисом и отчизной, она искупает ее и с таким же усердием, как делала зло, начинает служить добру. Получив прощение Лачплесиса, она зовет его на дальнейшие подвиги во имя отчизны. В эпосе образ Спидалы после раскаяния героини теряет свое значение и художественные функции. Спидала из солнца становится луной, начинает светиться отраженным светом Лаймдоты. Диалектический процесс превращений Спидалы гениально почувствовал и продолжил Райнис. В пьесе «Огонь и ночь» этот образ достиг такого художественного наполнения и философской глубины, что его можно поставить в один ряд с такими образами мировой литературы, как Фауст Гёте.

«Лачплесис», как авторский эпос, имеет ряд особенностей по сравнению с эпосами других народов и даже по сравнению с «Кале-

валлой» и «Калевипоэгом», которые несомненно послужили образцами для Пумпура (он был знаком с ними по немецким переводам). В отличие от Крейцвальда, труд которого был поддержан научными кругами России, Пумпур приступил к решению своей исторической задачи не как ученый, а как поэт.

Классик латышской реалистической литературы Андрей Упит, отмечая эти различия, писал: «Сила Пумпура в его лирике. Могучий лирический размах — конечно, на уровне поэзии того времени — проявляется в красочных описаниях эпизодов и обрисовке сказочных образов. Воодушевленные теплые описания родной природы, народа, жизни эпохи придают стихам Пумпура особый латышский колорит. Если сравнивать «Лачплесис» с «Калевалой» и «Калевипоэгом», видно яркое отличие: финский и эстонский народные эпосы создавали на основе богатого фольклорного материала замечательные эрудиты и тонко чувствующие ученые — нашу эпическую песнь написал поэт, у которого под руками было меньше только перерабатываемого и упорядочиваемого материала, но зато больше пылкого желания высказывать то, что, по его разумению, необходимо, чтобы воодушевить народную жизнь на пути восхождения».¹

Отдавая должное точности общей оценки эпоса А. Упитом, надо все же отметить, что знаток «Лачплесиса», ученый-фольклорист Я. Рудзитис, сравнивая оба эпоса, приходит к выводу, что в стиле «Калевипоэга», где использовано больше народного песенного материала и на который больше повлияла поэтика народных песен, «в художественном отображении мира и человека больше лирического элемента, нежели в „Лачплесисе“».²

В то же время принципы художественного изображения в обоих эпосах очень близки по своим фольклорным и литературно-романтическим ориентирам.

«Лачплесис» тысячами нитей связан с литературой и общественными идеалами своего времени, он был и остается крупнейшим литературным памятником народного романтизма. Сама интерпретация фольклора и народной мифологии в «Лачплесисе» связана именно с эпохой 50—80-х годов. Если рассматривать «Лачплесис» в контексте литературы того времени, можно заметить многочисленные переклички эпоса с поэзией Ю. Алунана, Ф. Малберга, Атиса Кронвалда и особенно Аусеклиса. Так, например, мотив затонувшего замка, распространенный в фольклоре, в «Лачплесисе», так же как и в знаменитом стихотворении Аусеклиса «Замок света», трактуется

¹ А. Упит, «Лачплесис» Пумпура. — В кн.: Лачплесис, Рига, 1947, с. 8 (на латышск. яз.).

² Тезисы XXII конференции «Дни Крейцвальда», Тарту, 1978, с. 78.

в просветительском духе, с ним связана идея возрождения культуры народа.

Язеп Рудзитис в своих исследованиях подчеркивает антифеодальную, демократическую сущность «Лачплесиса», его тесную связь с борьбой младолатышей за национальное возрождение.

Историзм эпоса особенно подчеркивал один из первых советских его исследователей, Ю. Виппер. «Историчны не только отдельные эпизоды и персонажи «Лачплесиса», — писал он, — исключительно глубока и верна общая историческая концепция произведения».¹ Этому во многом способствовало знакомство автора «Лачплесиса» с историческими источниками.

В частности, материалом для «Лачплесиса» послужила «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, написанная в начале XIII века и повествующая о покорении латышских племен. Наряду с многочисленными образами, почерпнутыми из фольклора, в эпосе действуют и исторические личности: вожди латышей и ливов Каупо, Дабрелис, Русиинь, а также немецкий епископ Альберт, монах Теодорих (в эпосе Дитрих) и другие. В характеристике этих исторических лиц А. Пумпур следовал традиции немецкого просветителя конца XVIII века, выходца из Лифляндии, Г. Меркеля, который в своих произведениях «Древние времена Лифляндии» (1798—1799) и «Ванем Иманта» (1802) первым дал оценку, противоположную пронемецкой версии хрониста. Влияние взглядов Г. Меркеля на латышскую старину, на завоевание Прибалтики просматривается во всей младолатышской литературе. Оно несомненно и в «Лачплесисе». Из произведений Г. Меркеля заимствован, в частности, мотив бури, случайно загнавшей немецкие корабли в устье Даугавы и тем самым способствовавшей завоеванию прибалтийских земель. С концепциями Г. Меркеля связана и мифологическая система эпоса — синклит богов, где наряду с языческими божествами древних латышей, такими, как Диев, Вели, Перкон, действуют боги, которых нет в латышской народной мифологии. Не случайны также параллели собрания богов в «Лачплесисе» с «Илиадой» и «Песнью о Нибелунгах», воссозданной Вильгельмом Иорданом.

Из авторского предисловия к «Лачплесису» видно, что одним из отправных моментов создания латышского эпоса послужило знакомство с трудами немецкого ученого и полемика с ним. А. Пумпур оспаривал мысль В. Иордана, что только некоторые избранные народы (греки, персы, индийские народы, немцы) могли иметь свой эпос, а другие уже неспособны его создать. А. Пумпур своим «Лачплесисом» доказывал возможность существования эпоса и у латышского народа.

¹ Ю. В и п п е р, Послесловие. — В кн.: А. Пумпур, Лачплесис, М., 1950, с. 171.

В предисловии к первому изданию «Лачплесиса», раскрывая источники эпоса, он писал: «Многие думают, что у латышского народа при всем богатстве мифологии природы и богов и обилии сказок нет ни одного героического предания и что поэтому его вовсе нельзя причислять к эпическим народам. Из-за недостатка героических преданий в нашем эпическом материале действительно есть большой пробел, но все же нельзя говорить об их отсутствии, особенно если учесть демократическое содержание народной старины и искать героев не среди сыновей принцев и королей, а среди сыновей богов и народа, — ведь почти все герои эпосов греков и индийцев были сыновьями богов. Имена героев тоже можно найти в тех местах, где они, по преданиям, жили и действовали. Такие места в Латвии — наименования усадеб и хуторов, большинство из которых значительно старше, чем те имена, которые давало христианство. Надо думать, что до прихода крестоносцев в Латвию по месту жительства называли и их жителей; так, например, в Лиелварде жил Лиелвардис, в Айзраукле — Айзрауклис, в Буртниеках — Буртниеки и т. д. Однако надо сказать, что в Латвии находятся предания, чьи герои названы своими особыми именами, как, например, «Лачплесис». Это предание было известно в Лиелвардской и Юмправмуйжской волости. . .»¹

«Привязывая» различные эпизоды эпоса, в ходе развития сюжетного действия, к определенным, реальным местам, А. Пумпур следовал фольклорной традиции, объясняющей на мифологической, сказочной основе происхождение названий, те или иные особенности различных местностей, явлений, наименований. Таков в эпосе эпизод происхождения Чертовой ямы, — народное предание связывает ее с местностью в Скривери, неподалеку от Даугавы. Таковы и употребляемые в эпосе названия некогда существовавших древних поселений — «замков» в Лиелварде, Айзраукле, Турайде. Таково место последнего подвига и гибели Лачплесиса — обрыв над Даугавой, неподалеку от Лиелвардского замка, и место, где покоится Лачплесис, ожидая часа своего возвращения к людям, — песчаный остров близ Лиелварде, намытый за одну ночь волнами Даугавы над могилой героя. Эти реалии связывают действие эпоса, отдаленное от нашего времени столетиями истории, с новой исторической эпохой, подчеркивая достоверность эпических событий, — прием, в равной мере присущий и поэтике фольклора, и поэтике романтизма.

Авторское поэтическое начало усиливается и тем обстоятельством, отмеченным Я. Рудзитисом, что сказания о Лачплесисе (как, впрочем, и сказания о Калевипоэге) в своих «первородных» фольк-

¹ А. Пумпур, Введение. — В кн.: Сочинения Андрея Пумпура, т. I, с. 357 (на латышск. яз.).

лорных источниках имели прозаическую форму и были полностью «пересозданы» поэтами в форме метрической.

Я. Рудзитис пишет: «„Лачплесис“ и „Калевипоэг“ отличаются от многих в международной науке известных народных эпосов, возникших на основе (или в рамках) жанра фольклорной эпической песни и связанных с образом ее героя. Как «Лачплесис», так и «Калевипоэг» в своей фольклорной основе опираются главным образом на произведения устной народной прозы. Сюжеты, мотивы прозаических фольклорных произведений Андреем Пумпуром и Фридрихом Рейнгольдом Крейцвальдом облечены в форму стихотворного размера. Центральные герои Лачплесис, Калевипоэг в одноименных эпосах целиком взяты из народной прозы».¹

Значение «Лачплесиса» в духовной жизни латышского народа, в развитии его литературы и искусства исключительно велико. Язеп Рудзитис указывает, что «своим произведением Пумпур более чем кто-либо другой в латышской литературе XIX века доказал, что народную поэзию можно использовать для решения актуальных идейно-художественных проблем, которые ставит перед литературой общественно-политическая борьба».²

Прямым наследником Пумпура в этом отношении стал великий латышский поэт и драматург конца XIX — начала XX века Ян Райнис. Он использовал фольклор в своих пьесах для решения художественных задач нового, пролетарского периода освободительной борьбы народа. Оценивая значение «Лачплесиса» в развитии латышской литературы, А. Упит писал: «Латышские буржуазные литературоведы характеризовали «Лачплесиса» исключительно как образец романтизма. Более глубокого содержания поэмы они не хотели видеть. Под силу это оказалось революционному поэту Райнису, который, по-новому озвучив старую песню, до конца развил поднятую Пумпуром тему в своей пьесе «Огонь и ночь», показав все идейное богатство, скрытое в произведении поэта национального пробуждения».³

Драму «Огонь и ночь», написанную Райнисом в 1903—1904 годах, автор назвал «старой песней на новый лад», подчеркивая этим ее связь с эпосом Пумпура. Пьеса сыграла огромную роль в идейной подготовке революции 1905 года, а после постановки в 1911 году стала подлинным знаменем всего латышского пролетарского движения.

¹ Я. Рудзитис, «Лачплесис» и «Калевипоэг» (сопоставительный анализ и характеристика). — Тезисы XXII конференции «Дни Крейцвальда», с. 77.

² Лачплесис, М., 1975, с. 58.

³ А. Упит, Лачплесис. — В кн.: Лачплесис, Рига, 1948, с. 9 (на латышск. яз.).

С течением времени меньше воспринимается связь пьесы с конкретной эпохой первой русской революции, на передний план выступает глубокий философский смысл драмы. Поэт заново пересказал сюжет пумпуровского эпоса, придав новый революционный смысл легендарной борьбе Лачплесиса. В произведении Райниса символические образы Лачплесиса, Спидалы, Лаймдоты, Кангара приобрели новое измерение, получили дополнительный, многозначный смысл, побрав в себя содержание духовной и политической борьбы новой эпохи. Райнис сам определял образы своего произведения как «органические символы». С одной стороны, он конкретизировал взаимоотношения героев, придал им более индивидуальные, человеческие черты, а с другой, отразив величие и историческую неизбежность победы пролетариата, вложил в них революционно-философскую идею непрерывного развития общества.

Если в эпосе Пумпура конечной целью Лачплесиса было освобождение народа от чужеземного ига, то цели, которые ставит перед Лачплесисом Райнис, не ограничиваются победой на каком-то одном историческом этапе. Символические герои Райниса живут в ту же эпоху, что и у Пумпура, но, в то же время, они проходят через все прошлые и будущие эпохи.

Главный герой эпоса Лачплесис становится символом народной силы, он борется за полное освобождение народа, уничтожение социального и духовного угнетения. Для решения этих задач он должен все время совершенствоваться, не довольствуясь достигнутым, не успокаиваясь достижением близких целей. В борьбе рядом с ним — Лаймдота и Спидола.¹ Лаймдота, невеста Лачплесиса, так же как у Пумпура, помогает герою проникнуть в духовное наследие народа. Нежная, любящая Лаймдота, символизирующая вечную женственность, одновременно является и символом свободной Латвии. Борьба Лачплесиса за Лаймдоту — одна из основных его целей, однако этот идеал ограничен. Соединение с Лаймдотой грозит Лачплесису успокоением, самодовольством.

Размах революционной философской мысли Райниса ярче всего проявляется в новаторском решении образа Спидолы — дочери змеи и огня, символа вечной неудовлетворенности, вечного стремления вперед. Она не дает Лачплесису успокоиться: за каждой новой победой ставит перед ним новую цель, зовет изменять жизнь и самому изменяться к лучшему. Райнис писал: «Спидола — это противодействие, которое заставляет стремиться дальше идеала (Лаймдота), борьба Спидолы и Лаймдоты ведет к идеалу в следующем витке».²

¹ У Райниса имя героини Спидола, а не Спидала, как у Пумпура.

² Я н Р а й н и с, Собр. соч., т. 21, Рига, 1985, с. 126.

В то же время Спидола — носительница красоты, олицетворяющая духовное начало развития. Единение Лачплесиса и Спидолы — единение физической и духовной жизни народа.

Образы-символы «Огня и ночи» Райниса, развившие и философски углубившие идеи Пумпура, способствовали внедрению образов эпоса в народное сознание на новом витке истории. Теперь, когда имена героев эпоса — Лачплесис, Кангар, Спидола — стали нарицательными, олицетворяя целый комплекс идей национальной истории и народного характера, уже трудно отделить, что в этих идеях и образах идет от Пумпура, а что — от Райниса.

По пьесе Райниса создана опера Яниса Медыня «Огонь и ночь» (1913—1919), также ставшая неотъемлемой частью многообразия и богатства национальной культуры народа.

Образы «Лачплесиса» неоднократно использовались в латышской литературе поэтами различных направлений. С новой силой героический пафос их образов ожил в латышской поэзии в годы Великой Отечественной войны в стихах Яниса Судрабкална, когда Лачплесис вновь звал в бой латышей «за правду и честь».

Латышская советская литература и на современном этапе продолжает традицию использования образов эпоса в новых художественных формах.

Изображение освободительной борьбы народа в «Лачплесисе» и мотив предательства Каупо косвенно отразились в пьесе латышского советского драматурга Ария Гейкина «Легенда о Каупо». В 1967 году Лаймон Пурс создал пьесу для театра кукол по мотивам эпоса «Лачплесис», поставленную Государственным театром кукол Латвийской ССР. В 1975 году поэт И. Ласманис опубликовал пересказ эпоса для детей. Героические подвиги Лачплесиса и сегодня служат воспитанию новых поколений.

Не прерывается в латышской поэзии традиция использования фольклора, заложенная Пумпуром. Она проявляется не только в прямом использовании и развитии тем, мотивов, образов самого эпоса. В последние десятилетия латышская литература все чаще обращается к фольклору как неисчерпаемому источнику народной мудрости, помогающему ставить и разрешать самые серьезные и актуальные проблемы современного мира. Почти все современные латышские поэты — будь это Имант Зиедонис или Арвид Скалбе, Визма Белшевица или Ария Элксне, Улдис Берзиньш или Мара Залите — в той или иной степени идут от фольклора, обращаются к народному творчеству и по-своему, порой очень неожиданно осмыслив старые песни на новый лад, напоминают о преемственности духовного развития народа.

Латышская литература не забывает и человека, создавшего героический эпос. В 1964 году вышел из печати биографический роман

Яниса Калниня «Андрей Пумпур»,¹ где образ поэта показан в его связях со временем, эпохой, раскрыт его индивидуальный мир, зримо представлен его творческий подвиг — создание «Лачплесиса». Символичны последние страницы романа, где умирающему поэту видится, что его перевозит в царство мертвых не Харон, а берет в свою лодку Лачплесис, чтобы вместе с ним по волнам Даугавы плыть навстречу новому дню, навстречу будущему.

Пумпур оживает и в другом романе Я. Калниня — «Аусеклис» (1981), отразившем дружбу и общую борьбу двух крупнейших поэтов «народного романтизма», накрепко связавшего письменную поэзию с традициями фольклора.

И сегодня поэты, близко стоящие к народному творчеству, ощущают бессмертную силу этого живого источника, обращаются к Пумпуру и Аусеклису не как к теням далеких предков, а как к живым современникам. Духом близости к живому Пумпуру пронизан цикл «Семь стихотворений памяти Андрея Пумпура» (1973—1974) Яниса Петерса; Андрис Веянс в поэме «Три сказания одной ночи» (1974) обращается к живой традиции интернационализма, заложенной в латышской поэзии Пумпуром. Мотивы «Лачплесиса» возникают в стихах молодых поэтов Латвии — Мары Залите и других.

На интересный и до сих пор еще не осмысленный аспект значения эпоса А. Пумпура указывает Я. Курсите, исследовавшая метрику «Лачплесиса». Она пришла к заключению о сознательной полиметричности эпоса. Я. Курсите пишет, что Пумпур, создавая эпос, стремился показать возможности различных метрических решений. Метрическое многообразие «Лачплесиса» служит тем источником, которым питается латышская эпическая поэзия последующих эпох (произведения Райниса, Плудониса, Медениса).²

Можно перечислить и множество других фактов обращения к эпосу и его создателю в латышской литературе, музыке, скульптуре, живописи. Но важнее, очевидно, указать на непрекращающуюся живую связь, импульсы которой идут от «Лачплесиса» в наше настоящее и помогают утверждаться в историческом оптимизме на пути к будущему.

И сегодня, приехав в Лиелварде, что в 60-ти километрах от Риги, люди с трепетом ходят по местам, овеянным легендами. Над широкой Даугавой, в замке Лиелварде, по народным преданиям, прошло детство и юность Лачплесиса. Отсюда отправился он совершать свои богатырские подвиги. Здесь, над высоким обрывом, бился герой

¹ Я. Калнинь, Андрей Пумпур. Биографический роман, Рига, 1964 (на латышск. яз.).

² Я. Курсите, Метрика «Лачплесиса» А. Пумпура. — Изв. АН Латв. ССР, 1983, № 1, с. 46—51 (на латышск. яз.).

с Черным рыцарем, а из окна замка смотрела на битву, замерев от волнения, верная Лаймдота. С этого обрыва, подмытого водами Даугавы, Лачплесис сбросил поверженного противника, но и сам упал вслед за ним, увлеченный тяжестью закованного в броню рыцаря. Здесь, в волнах Даугавы, его могила.

Столетия прошли с тех легендарных событий над зеленой латышской землей. Народ Советской Латвии в борьбе и труде обрел новую судьбу. После строительства Кегумской и Плявиньской ГЭС скрылись в водах Даугавы остров Лачплесиса и утес Стабурагс, воспетые в народных песнях и преданиях. На родине Лачплесиса, в Лиелварде, раскинулись сегодня земли колхоза «Лачплесис» — одного из лучших коллективных хозяйств Латвии. Его основатель и первый председатель, Герой Социалистического Труда Эдуард Каулинь, руководивший колхозом более 30-ти лет, автор книги «Будни не повторяются», участвовал в создании в Лиелварде народного музея Андрея Пумпура.

Память земляков бережно хранит рассказы и реликвии, связанные с юностью поэта. В музее Андрея Пумпура, занимающем старинное каменное здание с открытой сводчатой галереей и современной деревянной надстройкой, собраны экспонаты, рассказывающие о жизни А. Пумпура и судьбе народного эпоса в последующих поколениях. Посетителей встречает портрет Пумпура: одухотворенное лицо, глубокий, сосредоточенный взгляд. Рядом — витрины с фотографиями и гравюрами старинных зданий и пейзажей Лиелварде: приходская школа, где учился А. Пумпур, виды лиелвардской усадьбы, где он работал. Публикации первых поэтических опытов А. Пумпура — стихотворений, написанных в духе народных песен и сразу вошедших в песенный репертуар народа, и тут же — первое издание «Лачплесиса» на латышском языке — скромная книга в бумажной зеленой обложке. Один из экземпляров этого издания А. Пумпур впоследствии дополнял рукописными вставками текста, исключенного цензурой.

Последующие издания, собранные в музее, иллюстрированные ведущими латышскими художниками, говорят о той выдающейся роли, которую сыграл «Лачплесис» в национальной культуре. Эпос вошел в сознание народа как его исконное достояние, обрел долгую творческую жизнь.

Музей располагает и изданиями переводов «Лачплесиса» на литовский, русский, эстонский и другие языки. Интереснейший факт — перевод «Лачплесиса» в Японии: в 1954 году появилось его издание в серии «Библиотеки шедевров мировой литературы» (том 65; перевел на японский язык Фукуро Иппэй). В иллюстрациях к японскому изданию использованы мотивы и образы рисунков латышских изданий, интересно и своеобразно, с внесением своего национального ко

лорита интерпретированные японскими художниками. Некоторые рисунки полностью оригинальны: по-своему увидел японский иллюстратор полет ведьм над Даугавой; чудовища, с которыми сражался Лачплесис, неуловимо превращаются в грозные маски японских драконов. Так неожиданно и симптоматично реализуется в наше время ощущавшаяся Пумпуром связь восточной и западной культур в судьбах народов мира.

За недолгие годы своего существования музей, основанный в 1970 году, стал одним из самых популярных в Латвии. Ежедневно в нем бывает до четырехсот посетителей, приезжающих из разных мест республики. Школьники, студенты, колхозники, горожане, гости Латвии из разных концов Советского Союза и из-за рубежа проходят под сводами колхозного музея, приобщаясь к живой традиции народной памяти, к истории и сегодняшнему дню латышской культуры.

Директор музея, один из самых активных его основателей, научный сотрудник, хранитель и бессменный экскурсовод — все в одном лице, — Анастасия Алоизовна Неретнисце встречает очередную группу, проводит по музею, находя заинтересованных слушателей в посетителях разного возраста и профессий. «Бывают и неожиданные экскурсанты со своими вопросами, — улыбаясь, рассказывает она. — Недавно пришли в музей несколько ребятишек-дошкольников, спрашивают: правда ли, что нужно, стоя на берегу Даугавы, два раза позвать Лачплесиса, — тогда он придет и поможет каждому? — Приходится объяснять: Лачплесис помогает тому, кто этого хочет. Он помогает нам стать лучше, чем мы есть; мы его не видим, но он — с нами». В этом рассказе — правда живого народного предания, правда народной поэзии.

На зеленой поляне перед музеем лежит огромная глыба с плоским верхом — «ложе Лачплесиса». Камень этот привезли сюда, на родину Лачплесиса, издалека, за сотни километров; колхоз «Лачплесис» организовал его перевозку, и сам председатель, Эдуард Каулинь, руководил сложной работой по транспортировке тяжелой гранитной глыбы. Другой камень, поменьше — «гранитное одеяло» Лачплесиса, — лежит тут же рядом. Подальше, у реки — огромный, неохватный ствол старого дерева с большим дуплом внутри, извлеченный из пучины Даугавы, — «колода Спидалы», в которой прятался Лачплесис. И правда, вид у нее колдовской — поросшая мхом, почерневшая от времени, а в дупле могли бы поместиться и два Лачплесиса.

Возникла новая традиция: в день свадьбы молодые приезжают к музею Лачплесиса и кладут цветы на гранитную глыбу.

Ежегодно здесь же 22 сентября, в день рождения Пумпура, проходит Праздник музея, собирающий большую аудиторию. Гале-

рся превращается в импровизированную сцену. Над Даугавой звучат песни в исполнении лучших хоров республики, сюда приезжают писатели, артисты, художники, чтобы вести серьезный, откровенный разговор о судьбах народной культуры, ее традициях, ее будущем. В программу праздника входят и научные конференции, посвященные вопросам баллистики, в которых участвуют выдающиеся советские ученые.

Жизнь народного эпоса продолжается в современной культуре народа Советской Латвии. «Лачплесис» перешагнул границы республики, эпос Пумпура звучит сегодня на языках разных народов. Его гуманистические идеи живут в современном мире, объединяя людей в борьбе за свободу, мир, против насилия и зла.

*В. Вавере,
Н. Воробьева*

**ЛАЧПЛЕСИС —
ЛАТЫШСКИЙ НАРОДНЫЙ
ГЕРОЙ**

СМЕРЬ
ИЗЪЯТЫЕ ПИЩЕВЫЕ
ПОСЫЛКИ

1. ЛАЧПЛЕСИС — ЛАТЫШСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Собрание богов

В своде небесном лазурном,
В сказочном Перкона замке,
Где вечный свет пребывает,
Где радость царит и веселье —
Балтии боги собрались
Слушать Властителя судеб,
Кто дни удач и несчастий
Дарует народам и людям.

Перкона серые кони
¹⁰ В седлах у замка стояли.
Заря на уздах горела,
На сбруях солнце сверкало.
Патримпа-бога повозка
Из золотистых колосьев,
Спицы из спелой соломы,
Желты, как воск, его кони.

Пакола черные кони
Впряжены в санки из кости,
Из ребер — полозья и перед,
²⁰ Оглобли — из кости берцовой.
Антримпа бурные кони
Влажной блестят чешуею,
Из раковин драгоценных
Сиденье в его колеснице.

Лиго и Пушкайтис — оба,
Стоя в цветных колесницах,

На быстрых конях крылатых
Летели сквозь радуг ворота.
Всех небожителей дети
³⁰ К замку примчались верхами;
У них — золоченые седла,
Алмазы горят на уздечках.

Аустра, и Лайма, и Тикла,
И светлые дочери Солнца
В повозках из роз багряных
Неслись на сияющих конях.
Юные дочери Солнца
Вожжи держали золотые,
Сыпались из-под колес их
⁴⁰ Влажно-сребристые блески.

Судеб отец седовласый
Сидел на троне алмазном;
Направо — Перкон и Патримп,
Налево — Пакол и Антримп.
Пушкайтис дальше, и Лиго,
И небожителей дети,
Аустра, и Лайма, и Тикла,
И светлые дочери Солнца.

С большими богами и малых
⁵⁰ Множество там восседало;
Сюда все добрые духи
Могли собираться, чтоб слушать.
Судеб отец седовласый
С алмазного трона поднялся,
В мрачных словах возвестил он
Собранью о том, что случилось:

«Чудо свершилось в завечности!
Девушка-Свет породила.
Дивный сын бога явился
⁶⁰ В день, что Судьбою назначен.
Мудро, прекрасно учил он
Смертных познанию бога,
Как жить им в правде, бессмертным
Подобясь величием духа,

Злые восстали — и смерти
Предали этого бога;
Но пекло не удержало
Его в своей власти ужасной.
Вышел могучий из пекла,
70 На небо в славе вознесся.
Имя его вам известно:
В подлунной зовется он Крестус.

Доброе вскоре ученье
Приняли мира народы.
Но злые в новом ученье
Всё доброе в зло обернули.
Судьбы решили, что будет
В Балтии новая вера.
Но могут старые боги
80 Над волею смертных владычить».

Перкон поднялся и молвил:
«Даже мы — боги — не властны
Противиться Судеб веленью,
Но клятвенно я обещаю
Хранить народ мой латышский.
Слушайте, что я скажу вам:
Христово ученье не ново —
Возникло оно на Востоке.

Но веры носители этой
90 Умысел тайный имеют:
Забрать балтийские земли
И в рабство народ мой повергнуть.
Я на пришельцев восстану,
Не уступлю ненавистным!
Как я раскалывал скалы,
Дубы разбивал вековые,

Так сокрушать не устану
Молниями и громами
Всех, кто народ мой латышский
100 Начнет утеснять и бездолить.
Я на балтийские нивы
Дождик пошлю благодатный,
Днем ветер свежий навею,
А ночью звезды затеплю.

Всюду всегда неотлучен
Буду с народом в природе,
Пусть же он слышит мой голос,
Пусть мое имя запомнит!
Всем вам велю я примеру
110 Этому следовать твердо —
Каждому в свою долю
И чередом своим строгим».

Патримп поднялся и молвил:
«Балтия — край урожайный.
Дам я селяням латышским
Под осень богатое жито.
Пусть урожаем богатым
Дарят их Балтии нивы,
Но пусть враги свои сохи
120 О пни новины поломают!»

Антримп поднялся и молвил:
«В том море белом, Балтийском,
Где ветры Севера дуют,
Где волны о скалы дробятся,
Я корабли чужеземцев
Стану топить неустанно,
Пока от вражеских весел
Балтии волн не очищу!»

Пакол поднялся и молвил:
130 «В пекле есть место незваным,
Но души наших героев
Будут над Балтией реять
В сполохах ярких — и страхом
Оледенять чужеземцев,
А приходя в Ночь умерших,
Благословлять своих внуков!»

Когда же клятву такую
Перкону дали все боги,
Лиго поднялся и молвил
140 Слово такое собранью:
«Я средь богов почитаюсь
Младшим в латышском народе,
Но Судьбы предуказали
И мне не последнее место:

В сердце народном храню я
Песенный дар драгоценный,
Сладостно душу тревожа
Радостью и печалью.
И вечно жить будет имя
¹⁶⁰ Лиго в латышском народе.
И если старые боги
Забудутся через столетья —

Всё же в песнях прекрасных
Будете вы прославляться —
Перкон, и Лайма, и Тикла,
И светлые дочери Солнца.
Все имена эти в песнях
Вновь оживут и воспрянут,
Душу народа разбудят,
¹⁶³ В бой поведут за свободу».

Кончилось сходбище вечных,
Боги к домам собирались,
Тут Стабурадзе явилась
И слова себе попросила.
Молвила: «Из дому шла я
Поведать совету бессмертных
О том, что со мной этой ночью
У омута врат приключилось.

Пряла туманы я ночью
¹⁷⁰ На Стабурагском утесе.
Уж Солнцево веретенце
Всю пряжу мою намотало.
Петь петухам было время.
Вдруг вижу двух ведьм, высоко
Над Даугавою летящих
Верхом на колодах корявых.

Тут обе ведьмы внезапно
На одну колоду уселись,
Другую бросили в омут,
¹⁸⁰ И быстро обе умчались.
Я разузнать захотела,
Зачем они так поступили,
В омут на дно опустилась,
К себе притащила колоду.

И удивилась, увидя
В дупле дубовой колоды
Юношу прелести дивной.
Лежал он без чувств, недвижимо.
На руки взяв, отнесла я
¹⁹⁰ Юношу в замок хрустальный.
Переодев, положила
На ложе из раковин нежных.

В юноше признаки жизни
Приметив едва, я помчалась
К тебе, о Перкон могучий,
А ты укажи, что мне делать.
Знаю, что в омут упавший
Смертный становится камнем;
Из тех камней вырастает
²⁰⁰ Мой Стабураг выше и выше.

Юношу в мир я могла бы
Вывести чрез замка ворота,
Но там окуют его чары,
И станет он камнем навеки.
Думаю, было бы лучше,
Чтоб у меня он остался,
В моем хрустальном чертоге,
И там бы зажил счастливо».

Выслушав Стабрадзе вести,
²¹⁰ Молвила строгая Тикла:
«Верно, тебе надоело,
Стабрадзе, плакать о милом,
Устала ты мертвые скалы
Векá орошать слезами.
Сын человеческий нужен
Тебе для любовной утехи».

Стабрадзе так и зарделась,
Выслушав Тиклы упреки.
«Нет, Строгая, не затем я
²²⁰ Спасти его захотела!
Ныне, я знаю, всё в мире
Стало иным, чем бывало;
Благословенный богами
В бой с темными силами вышел!»

В распрю их Лайма вмешалась:
«Судьбами я управляю,
И я сама позабочусь,
Что мне для юноши сделать!»
— «Женщины, спор прекратите! —
²³⁰ Перкон в сердцах им воскликнул. —
Юноша этот прекрасный
Назначен для цели высокой.

Ведьмы забросили в омут
Лачплесиса молодого.
Стабурадзе, спасибо!
Ты доброе сделала дело.
К гостю домой возвращайся,
Уход ему нужен и отдых;
Потом, не боясь превращений,
²⁴⁰ Веди его сквозь ворота.

Лайма, а ты позаботься,
Чтоб он невредимым остался,
Покуда свое назначенье
Великое он не исполнит».
Тут завершилось собрание,
Разъехались Балтии боги,
Вместе их вновь соберет ли
Судеб отец седовласый?

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

*Первый подвиг Лачплесиса. — Лачплесис отправляется
в замок Буртниеков. — Дочь Айзрауклиса. — Чертова яма. —
Стабурадзе и ее дочка. — Кокнесис*

В землях балтийских в древнее время,
Где льется Даугава в русле узорном,
Где новь под лен и ячмень выжигали, —
В счастье латышский народ жил, в довольстве,
Там, где под брегом пенится Кегум,
Где Румба, в Даугаву шумно впадая,
Ущелья в скалах прогрызла глубоко, —
Высился славных Лиелвардов замок.

В солнечный, яркий день это было,
10 Когда земле улыбается Зиедон,
Когда, от зимнего сна пробудившись,
Весело звери резвятся на воле.
Юношей, девушек смех, ликование
Утром сливаются с пением птичьим,
Радостью жизни сердца их трепещут
Бурно, привольно в Зиедона пору.

Лиелварды куниг с юношей сыном
В поле гулял, теплым днем утешаясь.
Шел восемнадцатый год его сыну,
20 Отпрыску древнего славного рода.
И поучал старик молодого,
Как близко боги себя нам являют
В чудесных силах щедрой природы,
В долах, лесах, в небесах и на водах.

Так говоря, потихоньку добрались
Они до опушки тенистого леса.
Уселся старый, усталость почувяв,
На мураве под раскидистым дубом.
Выбежал вдруг медведь из дубравы,
30 На старца бросился с ревом сердитым.
Поздно уж было тому защищаться,
Смерть свою видел он пред глазами.

Но подбежал к ним юноша быстро,
Отважно он разъяренного зверя
Схватил за челюсти пасти раскрытой
И разорвал его, словно козленка.
Видя, какая мощная сила
Таилась в юноше, куниг воскликнул:
«И впрямь ты избранным витязем станешь,
40 Как про тебя напорочено было!

Лет восемнадцать с тех пор миновало...
К берегу челн одинокий причалил.
Вышел оттуда старец почтенный,
Бережно нес на руках он ребенка.
Юной походкой направился к замку
И мне Судьбы объявил повеленье,
Что должен этого мальчика взять я
И воспитать, словно сына родного.

Вайделот был мой гость благодатный.
60 Сказывал он, что в лесу был им найден
Малютка этот, кормящийся мирно
Грудью молочной медведицы дикой.
Сказывал он, что волей бессмертных
Ребенок станет героем народным,
Чье имя ужас посеет повсюду
Средь супостатов края родного.

«Мощные духи с Запада встали, —
Молвил он, — Перкона власть ненавидя,
Словно сполохи крестоподобные,
60 В небе Востоку грозят. . .
Боги сразятся. Выживут боги!
А наш народ потеряет свободу,
Полягут славные витязи наши
В бранях неравных с врагом чужеземным.

Вайделем бывши, прожил я долго
У Крива — в Ромовой роще священной.
Много вестей, и отрадных и скорбных,
Я приносил вождям и народу.
Ныне с последней горестной вестью
70 К тебе пришел я, Лиелварды куниг!
Не приходилось вестей тяжелее
Мне приносить на веку моем долгом.

Но не печалься, славный в народе!
Пройдут столетья — народ наш проснется
И вновь свободу себе завоюет,
Подвиги предков своих вспоминая.
Судьбы решили: я не увижу
Ярма на шее народа родного.
Садится солнце, меня призывает,
80 Балтии солнце золотое заходит».

Высказав это, он в челн свой уселся
И вдаль умчался вниз по теченью.
В глубоких думах, взволнованный сердцем,
Вслед ему с берега долго глядел я.
Глухо гремел в отдалении Кегум,
И челн швыряли свирепые волны;
Лучи последние солнца померкли,
Скрылись и челн, и пловец за стремниной. . .

Канули в вечность быстрые годы,
90 Свято исполнил я Судеб веленье.
Прекрасным юношей вырос младенец,
Вайделем данный мне. Ты — этот юноша!
Лачплесис будешь ты зваться отныне,
О дне великом сегодняшнем в память,
Когда отца от погибели спас ты,
Когда свершил ты первый свой подвиг.

Конь быстроногий в бранном убранстве
И ратный меч тебе подобают.
Копье, и щит, и блестящие шпоры,
100 И кунью шапку в цветах дам тебе я.
Так снаряженный, в путь отправляйся
К нашему славному Буртниека замку,
К доброму другу лет моих юных,
К старому кунигу в Буртниека замке.

Ты поклонись ему! Ты ему молви,
Что, дескать, Лиелварда ты наследник,
Что ты отцом сюда послан учиться
Разуму в школе премудрости древней.
Буртниека любовно там тебя примет,
110 Откроет он сундуки пред тобою,
Где наши древние свитки хранятся, —
Вести в них есть о судьбе сокровенной.

Древние свитки правде научат,
Восточных стран расскажут преданья,
Споют про наших латышских героев,
Вечного неба раскроют глубины.
Ты, семилетье там пребывая,
Обогатишь свой разум наукой,
Как войны надо вести, ты узнаешь,
120 Как побеждать супостата в сраженьях».

Убран, оседлан, конь на рассвете
Ржал у ворот высокого замка.
Тяжким мечом опоясался Лачплесис,
Принял свой щит и копье боевое.
Куньего меха шапку надел он
И, перед старцем, отцом своим, вставши,
Молвил ему: «Да хранят тебя боги!»
Было коротким, сердечным прощанье.

«Лиелвардов племя славно в народе, —
130 Сыну отец говорил, поучая, —
Героями наши прадеды были,
Никто о них слова дурного не скажет.
Лачплесис, сын мой, эту же участь
Вершитель судеб тебе уготовил.
К великой цели стремись неуклонно,
Боги тебя охранят и поддержат.

Мира соблазны юношей губят,
Но сами они в том бывают повинны:
Живи не так, чтоб тебя поучали,
140 А чтоб ходили к тебе за советом.
Ведать всю правду — трудное дело,
Но высказать правду еще труднее.
Кто эти трудности преодолест —
Всех выше будет великой душою.

Чти неизменно обычай народа,
Храни ревниво отцовскую веру.
Лести лжецов коварных не слушай,
Помни — они ненавидят свободу.
Только корысти низкой алкая,
150 С именем бога в устах выбирают
Жертву они, — приблизятся тайно
И адским зельем смертельно отравят.

В вольной отчизне вольный народ наш
Досель владык наследных не знает;
В пору войны вождей выбирает,
Мудрых старейшин — в мирное время,
Лучших венчая этою честью,
Кто заслужил уваженье народа.
Твердых мужей народ выбирает,
160 Славу поет им в песнях прекрасных».

Выслушал молча Лачплесис старца,
От этих слов, вдохновенно-сердечных,
Мужеством сердце его наполнялось.
Чуял: растут в нем дивные силы,
Обнял отца, пожал ему руку,
Блюсти поклялся отцовы заветы.
Прыгнул в седло он, шапку приподнял,
Щитом помахал отцу и умчался.

Айзкрауклис за столом в своем замке
 170 Сидел угрюмый, в думах глубоких.
 Спидала, старца юная дочка,
 Перебирала бусы и кольца.
 Дивной красою дева блистала,
 Так и горели темные очи.

Всё ж ей той нежной красоты не хватало,
 Что привлекает юношей сердце:
 Скоро обманут знойные очи,
 Смотреть в такие — опасное дело.
 «Спидала! — старый дочку окликнул,
 180 Голову медленно приподымая. —

Всё собираюсь спросить у тебя я,
 Где ты взяла ожерелья и кольца?
 Что они так тебе полюбились?»
 Вспыхнула Спидала, разом смутилась, —
 Этот вопрос ей был неожидан.
 Но отвечала отцу она быстро:

«Всё это дарит мне старая кума,
 Что в гости ходит к нам. А у ней дома
 Много сокровищ в ларцах золоченых».
 190 — «Доченька, — тихо старец промолвил, —
 Я тебе, милая, не позволяю
 Впредь принимать от старухи подарки.

Люди толкуют, что старая кума —
 Ведьма и пукиса в дом свой пускает,
 Кормит его человеческим мясом.
 Всяким добром ее тот одаряет.
 Все украшенья у ней колдовские;
 Дочке моей их носить не пристало».

Спидала быстро к окну обернулась,
 200 Спрятав свои заалевшие щеки,
 Словно не слыша отцовское слово,
 Речи такие к нему обратила:
 «Гость у нас будет, видно, сегодня
 Юный тот воин, что въехал в ворота!»

Айзкраукла замок стоял одиноко,
Вдали от Даугавы, в чаще дремучей.
Были медведи — замка соседи,
Волки и филины были ночами.
К замку вели потаенные тропы.
210 Путники редко туда заходили.

Вот почему удивилась дева,
Всадника видя, что, из лесу выехав,
Прямо к их замку коня направляет.
И Айзкрауклис тоже встал у оконца,
Гостя нежданного видеть желая.
Въехав во двор, осадил коня Лачплес.

Юноша вежливо им поклонился;
Сказывал он, что, в дороге замешкав,
Просит теперь у соседа ночлега.
220 Вышел хозяин гостю навстречу,
Молвил, что рад он в дому своем видеть
Славного кунига Лиелварды сына.

Лачплесис, ловко с коня соскочивши,
Старца приветствовал, как подобает,
Коня усталого отрокам отдал,
Вошел с хозяином в горницу замка
И на мгновенье замер неволью,
Спидалу увидав пред собою.

Красы такой никогда не встречал он.
230 Смело глядели Спидалы очи,
Пламя пылало в них колдовское.
Витязю руку она протянула:
«Здравствуй, храбрец, разорвавший медведя!
Будущего я вижу героя».

Слова не вымолвил гость от смущенья.
Дева, с улыбкой, ловко и быстро
Гибкою змейкой пред ним повернувшись,
Смело ему в глаза поглядела.
И только тут разглядел ее витязь,
240 Стан ее стройный, наряд драгоценный.

Девушки облик необычайный
Витязя ошеломил молодого.

Когда ж старик наконец своей дочке
Ужин обильный велел приготовить,
Спидала вышла. И юному гостю
Сразу на сердце стало полегче.

И за столом он беседовал весело,
Спидале метко, остро отвечая.
Уж миновало смущенья мгновенье.
260 Вспомнил он все наставленья отцовы,
И не боялся стрел он горящих,
Как ни метали их Спидалы очи.

Ночь приближалась. Полна беспокойства,
Огненноокая Спидала встала,
Молвила, что она, мол, привыкла
До наступления ночи ложиться.
Верно, и гость утомился в дороге,
Спальню ему она тотчас укажет.

Айзрауклу пожелав доброй ночи,
260 Следом за девой направился витязь,
И в отдаленные замка покои —
В опочивальню — она привела его,
Молвя: «Герой, разорвавший медведя,
Спать будешь, как у богинь на коленях».

Лачплесис был изумлен несказанно:
Постель, как снежный сугроб, возвышалась;
Застлана пурпурным покрывалом,
Кроваво-ало она пламенела.
Благоуханье по горнице веяло,
270 Голову юноше сладко дурманя.

Спидала столь несказанно прекрасной,
Столь чародейно-прелестной казалась,
Что, позабыв наставленья отцовы,
Лачплесис руки в пылу протянул к ней.
Тень пронеслась за окном темно-синим. . .
Девушка, словно виденье, исчезла. . .

Полночью полчища звезд пламенели,
Месяц катился над лесом дремучим,
Бледным серебром затопляя долины.

280 В горнице душной дышать стало нечем,
Витязь окно распахнул, и холодный
Воздух полуночи жадно впивал он.

Тут показалось ему, будто тени
К небу взлетели под полной луною.
«Черти и ведьмы гуляют, наверно,
В полночь, делами тьмы занимаясь. . . —
Лачплесис думал. — И как же так быстро
Спидала, словно растаяв, исчезла?»

Старому Айзкрауклу утром сказал он,
290 Что хорошо отдохнул в его доме,
Что погостил бы охотно неделю
В замке большом дорогого соседа.
Айзкраукл гостя радушно приветил
И пригласил отдыхать, сколько хочет.

Спидала вечером тихо сказала:
«Горницу гость наш сам уже знает.
Спать может лечь он, как только захочет,
Сладкого сна я ему пожелаю!»
Лачплесис, всем пожелав доброй ночи,
300 Тут же отправился в опочивальню.

Но не уснул он. Вышел тихонько,
В темном углу на дворе притаился
И стал смотреть, никем не замечен,
Кто это ночью бродит у замка.
В полночь без скрипа дверь отворилась,
Спидала вышла неслышно из двери.

В черном была она одеянье
И в золоченых сапожках на ножках.
Длинные косы распущены были,
610 Темные очи сияли, как свечи.
Длинные брови земли доставали.
Вышла она с колдовскою клюкою. . .

Там под забором колода лежала. . .
Спидала села на эту колоду,
Пробормотала слова колдовские,
Хлопнула трижды колоду клюкою;
В небо взвилась кривая колода. . .
Ведьма, шипя и свистя, улетела.

Лачплесис долго стоял у забора,
320 Долго глядел вослед улетевшей.
Он бы и сам умчался за нею,
Чтобы проникнуть в ведьмины тайны.
Только не знал он, как это сделать.
Так он ни с чем к себе и вернулся.

Поутру Лачплесис, из дому выйдя,
На прежнем месте увидел колоду.
Он разглядел, подошедши поближе,
Дупло большое в стволе ее древнем.
Мог человек в том дупле поместиться.
330 Сразу решенье созрело в герое.

Вечером, только от ужина встали,
Гость поспешил в свою опочивальню.
Куньего меха шапку надел он,
Вышел из замка, мечом опоясан,
В дупло колоды влез, притаился,
Спидалу там поджидая спокойно.

Спидала снова в полночь явилась,
В черное платье ведьмы одета,
Села, ударила трижды клюкою,
340 В воздух взвилась на огромной колоде
И полетела над дебрями бора,
Куда и ворон костей не заносит.

* * *

Звери да птицы в старину умели
Говорить по-нашему; сошлись, зашумели,
По приказу Перкона все собрались в стаи —
Даугаву великую рыть вместе стали.
Лапами копали, клювами клевали,
Рылами рвали, клыками ковыряли.
Только пава не копала, на горе сидела.
350 И спросил у павы Черт, бродивший без дела:
«Где же остальные звери-птицы пропадают?»
— «Птицы все и звери Даугаву копают».
— «А чего ж тебе идти копать не хочется?»
— «Да боюсь — сапожки желтые замочатся».
Столковались Черт и пава и под Даугавой прямо
Стали рыть — и вырыли бездонную яму.

А как воды Даугавы в яму покатились,
Звери с перепугу говорить разучились,
Стали разбегаться, начали бодаться,
³⁶⁰ И кусаться, и лягаться в свалке, и клеваться.
Кони ржали, кошки жалобно мяукали,
Каркали вороны, совы гукали,
Волки и собаки выли, а волы мычали,
Свиньи хрюкали, визжали, медведи рычали.
Филины ухали, кукушки куковали,
Мелкие птахи песни распевали!
Поглядел на землю Перкон в изумленье,
Видит суматоху, драку и смятение.
Он ударил Черта громовой стрелой,
³⁷⁰ Даугаву заставил течь стороною.
Яму окружил крутыми берегами,
А павлин с тех пор гуляет с черными ногами.
Люди этой местности до сих пор чураются,
Ночью там виденья путникам являются.
Расплодилась нечисть разная в пучине,
Ямой Чертовой зовется местность та доньне.

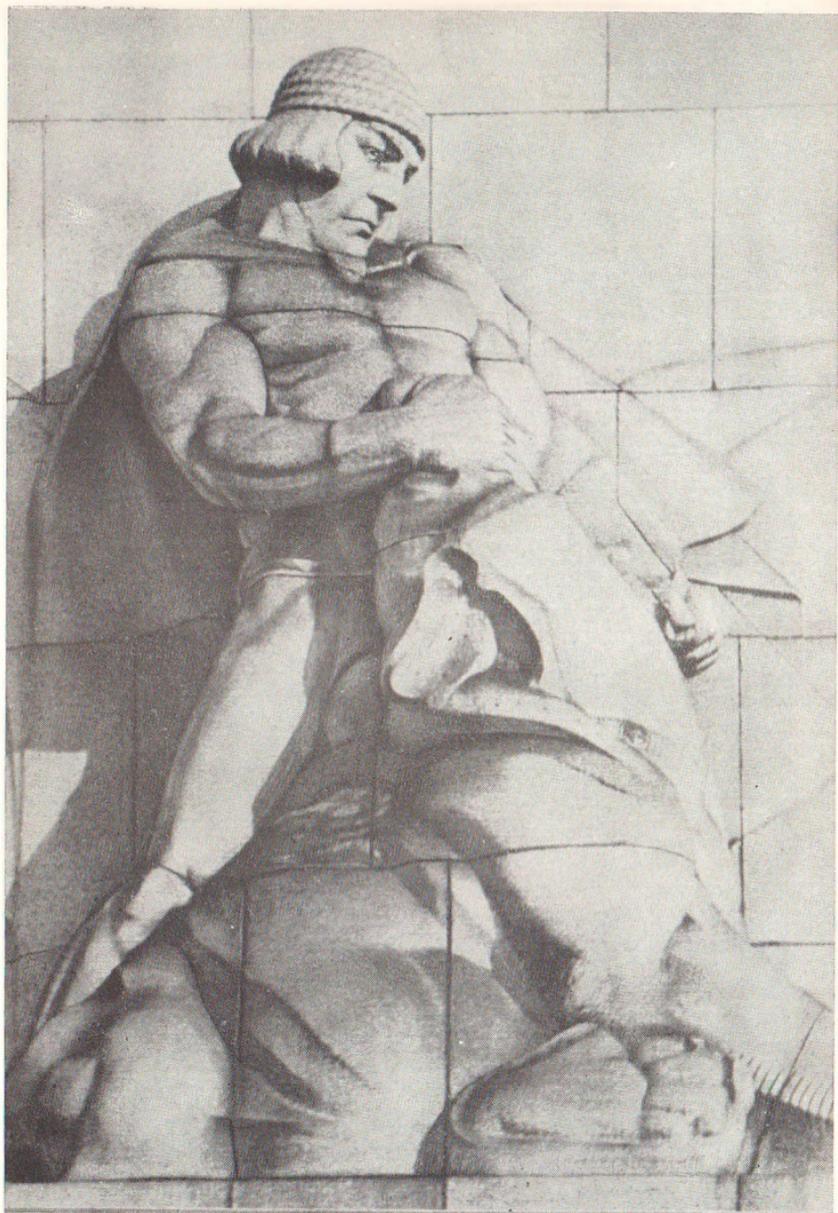
В этом самом месте Спидала спустилась,
Долго среди ясных звезд она носилась.
Задыхался Лачплесис в колоде той пузатой,
³⁸⁰ А вокруг метались пукисы хвостатые
И несли на крыльях мешки большие денег,
А за ними искры рассыпались веником.
За витязем ведьмы мчатся, визжат, догоняют, —
Голова его кружится, дыханье спирает.
Если б он в колоде хоть раз пошевелился —
Был бы он замечен, — с жизнью бы простился.
Дюжина колод летучих наземь опустилась,
Дюжина наездниц в темной яме скрылась.
Огляделся Лачплесис — край ему неведом,
³⁹⁰ И спускаться в яму стал за ними следом.
В яме тьму густую, как смолу, колыша,
Реяли огромные летучие мыши.
Слабым огоньком блеснула пропасть черная,
Лачплесис пещеру увидал просторную.
Грудами диковинные там лежали вещи:
Черепя и кости, кочерги и клещи,
Оборотней шкуры, личины, крючья ржавые,
Ступы, корчаги, коробья дырявые,
Битые горшки и прочие пожитки,

400 Черные книги, скоробленные свитки,
Древнее оружие в дорогой оправе;
А углы завалены колдовскими травами.
А стенные полки полны туесками,
Коробьями, склянками, горшками, котелками.
А среди пещеры яркое блестело
Пламя, озаряя купол закоптелый.
Над огнем котел кипел, на крюке подвешенный,
Кочергою черный кот уголья помешивал.
Жабы и гадюки ползали по полу,
410 Совы от стены к стене шарахались сослепу.
В ворох трав сушеных Лачплесис зарылся,
Но невольно всё же он устранился,
Как заворошились груды этой нечисти,
Зашипели, дух учуяв человеческий.
Тут из дверцы низенькой старушонка скрюченная
Выскочила, крикнула: «Ах вы, мразь ползучая!
Кто чужой вошел сюда — шею сам свернет себе!»
Черпаком мешать в котле стала ведьма старая,
Приговаривая: «Дочки, время ужинать», —
420 Трижды черпаком она о котел ударила,
И двенадцать девушек из темной боковухи
С ложками и плошками вышли к старухе.
Получили варево. Витязь разглядел его —
Черной колбасы кусок, малость мяса белого,
Словно поросенок, показалось юноше;
Тут в пещеру новую двери отворили,
Стены той пещеры цвета крови были.
И стояла средь пещеры кровавая плаха,
И торчал топор в ней, вогнанный с размаха.
430 В той пещере двери новые открылись,
И туда с горшками мяса ведьмы удалились.
Лачплесис за ними прокрался незаметно.
Там столы и стулья были все беленые,
Своды и стены были белым-белые.
Две большие печи по углам стояли.
Был горох в одной, в другой — уголья пылали.
Ведьмы молча сели, занялись едою,
За едой не молвили слова меж собою.
Дальше дверь открылась в новые покои,
440 Желтыми там были стены, свод, устои.
Там двенадцать пышных постелей стояли,
Ведьмы поели, косточки прибрали,

«Ну-ка, все на кухню, — старая сказала, —
Чтобы я глаза вам зрячими сделала.
Женишки-молодчики вскорости появятся,
И пора красавицам к встрече приготовиться».
Лачплесис поспешно на кухню воротился,
В груди трав сушеных с головой зарылся.
Тут на полку старая за горшочком слазила,
450 Веки птичьим перышком девушкам помазала,
И опять ушли они безмолвной вереницей.
Витязь этим перышком мазнул себе ресницы —
Будто пелена в тот миг слетела с вежд его,
Всё он начал видеть иначе, чем прежде.
Он в котле, где стыли ужина подонки,
С ужасом увидел детские ручонки.
И не колбасы там кровавые плавали,
А змеи черные в подливе кровавой.
Ведьмам вслед пошел он — в первые двери, —
400 Всё из красной меди было в той пещере.
В плахе топор торчал с медной рукоятью,
А на что он нужен, было непонятно.
Всё в другой пещере серебром блестело:
Стол и подсвечники, стулья и стены.
То же, что казалось белыми печами,
Стало вдруг серебряными шкафами.
Серьги и перстни в одном как жар горели,
А в другом — мерцали груды ожерелий,
В третьей пещере всё было золотое —
410 Стены, и своды, и сводов устои.
Меж колонн сияли золотом постели,
На постелях красные покрывала рдели.
Во второй пещере ведьмы стали раздеваться
Донага, как будто собрались купаться.
Из шкафов старуха достала украшенья,
Девушкам надела их на руки и шеи,
Пышные их волосы жемчугом опутала.
Лачплесис дивился, что не только Спидала —
И другие девушки казались знакомы.
420 В золоте и жемчуге они по-другому
Стали вдруг невиданно, дьявольски красивы,
В медную пещеру, нарядясь, пошли они,
Вкруг кровавой плахи рядышком встали.
Спидала одеждою плаху накрыла,
Взяв топор в руки, ударила с силой
И при том злорадно так проговорила:

«Вот я первая рублю, завтра — не признаю».
И молодой некий выскочил из плахи,
Спидалу обнял, и оба улетели
490 В тот покой, где были постланы постели.
И другие девушки, сделав то же самое,
Вслед за нею скрылись со своими молодцами.
Были на молодчиках черные кафтаны,
Шляпы треугольные сбиты на затылки,
На кривых ногах — блестящие сапожки,
Из-под шляп торчали маленькие рожки.
После всех старуха рубила, восклицая:
«Вот я рублю последняя, завтра — не признаю».
И тотчас, шипя, из плахи выполз Ликцепур,
600 Или, как народ зовет, хромоногий Нагцепур,
Набольший над ведьмами, нечисти начальник,
По кривой высокой шапке отличаемый,
С козырьком сработанным из ногтей остриженных.
«Всё ль у вас готово?» — спросил он ведьму старую.
«Всё готово!» — пропищала, кланяясь, старуха.
Ликцепур по плахе тяпнул с размаха.
Пламенем серным пещера озарилась,
Плаха в золотую повозку превратилась,
А топор стал пукисом, пышущим яро.
610 Ликцепур поехал с ведьмой старой.
В золотой пещере он остановился,
На полу блестящем пукис развалился,
Выдохнул из пасти искры, дым и пламя.
Из постелей выскочили ведьмы с молодцами
И перед Ликцепуром заплясали.
И опять на кухню ведьмы убежали,
Острые вилы из кухни притащили,
У пукиса в пасти вилы раскалили.
Поднялась тогда в повозке ведьма старая,
620 Кликнула: «Входите!» — и клюкой ударила.
Расступились стены, задрожали своды,
Вышли из пролома косматые уроды,
Выволокли человека, белого от страха,
На пол перед пукисом бросили с размаха.
И, узнавши пленника, испугался Лачплесис.
Это был сам Кангар, живущий в одиночестве
В Кангарских горах, в лесу густом, дремучем, —
Хитренький ханжа, богомольное чучело.
Голосом ужасным Ликцепур воскликнул:
630 «Срок твой окончился, грешник несчастный.

Ты сторишь у пукиса в огненной пасти». Ужаснулся Кангар казни неминуемой, Жалобно взмолился: «Пощади, могучий, Дай отсрочку! Я ж тебе послужу по-прежнему». И, подумав, молвил Кангару Ликцепур: «Не мольба твоя, другие причины смогли бы В этот час спасти тебя и отсрочить гибель. Среде подвластных Перкону изменников мало. С Перконом бороться нам очень трудно стало.

⁵⁴⁰ Но на счастье наше, в Балтию вскоре Люди чужеземные придут из-за моря, Будут завоевывать землю балтийскую, Новую веру навязывать силою.

Власть их новой веры хочу я видеть в Балтии, Принести должна она мне много прибыли. Веры той носители моими стали слугами.

В этом деле помощи от тебя я требую, Тридцать лет за это дам тебе я жизни.

Пукиса пастью, злодей, поклянись мне,

⁵⁵⁰ Поклянись бороться с нами против Перкона».

— «Я клянусь бороться с вами против Перкона».

— «Поклянись, что будешь родины предателем».

— «Я клянусь, что буду родины предателем».

— «Истреблять клянись защитников народа».

— «Истреблять клянусь защитников народа».

— «Ради пользы пришлых свой народ обманывать!»

— «Ради пользы пришлых свой народ обманывать».

— «Приводить слугителей чужеземной веры!»

— «Приводить слугителей чужеземной веры».

⁵⁶⁰ — «Убивать клянись всех, кто сопротивляется».

— «Убивать клянусь всех, кто сопротивляется».

— «В рабство обратить в конце концов всю Балтию».

— «В рабство обратить в конце концов всю Балтию».

— «Встань же и живи назначенное время».

Кангар встал, любезно приветствуемый всеми.

Ликцепур сказал, что уезжать пора ему.

И поехал, всеми с почетом провожаемый,

С ведьмою старой в ту пещеру медную.

Черные молодчики из повозки ведьму

⁵⁷⁰ Высадили, сами в повозку повскакали.

Ведьмы щеками к полу припали.

Вспыхнул вновь огонь удушливый, как сера.

С громом скрылся Ликцепур под пол пещеры.

Поспешил и Лачплесис выбраться на волю.

Но, пробравшись в кухню, прихватил с собою
Свиток, колдовскими покрытый письменами,
В знак, что побывал он в Чертовой яме
И что был свидетелем мерзостных деяний.
В воздухе студеном ночном отдышался он,
580 Но горело сердце в нем, жалостью терзаясь.
Влез в дупло колоды он, притих, дожидаясь,
Чтобы вышла Спидала, домой полетела.
Провожая девушек, старуха говорила:
«Спидала, скажу тебе нечто нехорошее:
Лачплесис тайком был здесь во время ужина.
Видел, как с подругами ты тут веселилась».
Спидала то бледной, то красной становилась,
Первая любовь в ее сердце превратилась
В яростную ненависть. Ведьма ж говорила:
590 «Дерзкий, он нашел бы гибель в пасти пукиса,
Только повелителю не хотелось вмешиваться. . .
Решено однако: жить не должен Лачплесис.
Он тебя в дупле колоды дожидается.
Вы сейчас домой летите вместе с Серничкой
Вверх по Даугаве, до утеса Стабурага.
Ты над самым омутом прыгай на колоду к ней,
А свою колоду вниз бросай с заклятьем.
Пусть с колодой Лачплесис рухнет в бездну омота,
А живым оттоль не выходил никто еще!»

* * *

600 Неба величьем овеянная,
Прекрасным убранством сияя,
Вернулась грустная Стабурадзе
В свой замок с собранья бессмертных.
Долго ль ей, долго ль грустящей века
В объятой дремотой громаде
Скорби копящего Стабурага
Средь вечных богов, одинокой,
Долго ль ей, долго ли плакать еще
О горестных Балтии судьбах?
610 Иль никогда не забудет она
Умолкшую древнюю славу?
Там, где обычаи прадедовы
Живы донныне, любовно
Она по утрам от заморозков
Туманом поля укрывает.

В темную ночь она лодочников
Отводит от водоворота,
В полдень водой родниковую
Поит пастухов и прохожих.
Есть у ней дело излюбленное:
Средь девушек доброго нрава
Лучших порой выбирает она,
В особое время рожденных,
И под свои адамантовые
Подводные своды уводит.
Девушек многому учит, затем
Замуж сама отдает их.
Зовут их дочками Стабурадзе.
И тот, кому Лайма назначит
В жены такую избранницу,
Счастливым считается в мире.

Витязь очнулся от смертного сна
В постели из раковин нежных,
Он изумлялся, оглядываясь,
Не помня, не ведая, где он.
Ложе под ним, словно зыблемое
Потоком, слегка колыхалось.
Волны сиянья лазоревого
Лились сквозь хрустальные стены.
Утварь золотая, серебряная
Высокий чертог украшала,
В дивном порядке расставленная,
Ласкала она его взоры.
Только что Лачплесис стал вспоминать,
Как с ведьмами ездил вчера он,
Дверь отворилась в хрустальной стене
И девушка в ней появилась.
И так была она с виду мила,
Что каждый сказал бы невольно:
Лунному свету подобна она,
Слитому с маковым цветом.
А темно-синие очи ее
Сияли, как день на рассвете,
Но если глубже вступишь в них,
Двух омутов бездны темнели.
В складках обильных наряд голубой
Охватывал стан ее стройный,

Волосы, блестками перевиты,
Волной до колен ниспадали.
660 И пораженному Лачплесису
Казалось — богиня явилась.
Встать он хотел, избавительницу
Поблагодарить за спасенье.
Та же ему не позволила встать,
Дескать, беречь надо силы,
Ведь после всех приключений своих
Еще не оправился витязь.
«Дай мне ответ, где я нахожусь?
Как эти чертоги зовутся?»
670 Дай мне ответ, созданье небес,
Как мне величать тебя можно?»
— «Зовут меня дочкою Стабурадзе,
И ты в ее замке хрустальном.
Она из бездонного омута
Тебя принесла в этот замок».
Сильно забилося исполненное
Радости сердце героя,
Узнал он, что лишь человеческое
Дитя — эта девушка-диво.
680 Завтрак ему предложила она:
Мед, молоко и лепешки.
И, попросив подкрепиться его,
Дочь Стабурадзе удалилась.
Тут облачась, как приличествует,
Он сел к приготовленной снеди.
Дверь отворилась, и Стабурадзе
Сама перед ним появилась,
Ласково гостя приветствовала
И спрашивала о здоровье.
690 Лачплесис, кланяясь, благодарил,
Сказал, что он в добром здоровье,
Вечно бы жил в адамантовом он
Дворце у богинь благосклонных.
С видом загадочным Стабурадзе
Лачплесису отвечала:
«Может быть, позже встретимся вновь,
И вечность не будет столь долгой.
Ныне же боги судили тебе
На жизненный путь возвратиться
700 И богатырскими подвигами
Стране послужить и народу.

Славу в народе себе завоюй
 И счастье у сердца любимой!»
 Пламя во взоре у Лачплесиса
 Блеснуло. Он пылко ответил:
 «Мудрым богам благодарствую,
 Рад послужить я отчизне!
 Всё совершу, что завещано мне,
 И счастлив, что вижу в лицо я
 710 Светлую, вечную Стабурадзе
 С прекрасною дочкою своею!
 Обе великой опорой мне
 Вы будете в жизни отныне».
 Стабурадзе отвечала ему:
 «Успеха тебе мы желаем!
 Трудно придется, витязь, тебе
 Бороться со злыми врагами,
 Что подползают исподтишка,
 Как Спидала-ведьма и Кангар.
 720 Некое зеркальце маленькое
 Я дам тебе, витязь, на счастье,
 И, как начнут тебя одолевать
 Враги твои, ты покажи им
 Зеркальце это, и мигом они
 Рассеются перед тобою!»
 Зеркальце из сундучка своего
 Стабурадзе доставала
 И Лачплесису отдавала его
 С наказом беречь пуще глаза.
 730 Витязь с поклоном благодарил
 Ее за подарок чудесный,
 Девушку также просил что-нибудь
 Ему подарить на прощанье.
 Девушка, с кос своих бисерную
 Сняв ленту, украсила ею
 Шапку высокую Лачплесиса
 И так, заалевшись, сказала:
 «Дара чудесного нет у меня,
 Но, шапку твою украшая,
 740 Другом отныне считаю тебя
 И счастья тебе я желаю!»
 Витязь был тронут подарком ее,
 Не знал, что сказать в благодарность.
 Тут ему добрая Стабурадзе
 Молвит: «Спешить надо, витязь!»

Вверх, на скалу я тебя поведу,
Как Перкон великий велел мне.
Лаймдотой девушку эту зовут,
И скоро ее ты увидишь,
750 Лента же девушки бисерная,
С волос ее снятая русых,
Тебе еще лучше, чем зеркальце,
В опасное время послужит».
Снова у выхода Лачплесис
На них поглядел, обернувшись.
Свет из бездонно глубоких очей
Лаймдоты мягко струился.
Но в то ж мгновенье сознание его
Затмилось в воротах чертога,
760 И мертвою глыбою каменную
Упал он на влажную землю,

* * *

Даугавы крутообрывистое
Прибрежье заря осветила.
Небо сияло безоблачное
И ведренный день обещало.
Но вот из-за леса окрестного
Тучка взошла небольшая.
Ехал старик перед тучей, с бичом,
Верхом на коне длинногривом.
770 В воздухе прямо над Стабурагом
Коня осадил он седого,
Щелкнул бичом, и сверкающие
Ударили молнии в землю.
Гром загремел, перекатываясь
По небу от края до края.
Камни посыпались с кручи скалы.
Встал к жизни разбуженный Лачплесис.
Всё им недавно испытанное
С трудом, словно сон, вспоминал он.
780 Но, всё припомнив, уверился он,
Что явь, а не сон это было.
В памяти женских два образа
Ярко запечатлелись:
Спидала — злобно-коварная
И Лаймдота — чистое сердце.
Клятву себе он крепкую дал:

От первой подалше держаться,
А заслужить уваженъе второй
Достойными славы делами.
790 Видит он, к Персе-реке подойдя, —
Люди стоят у парома.
Переправляться хотели они,
Да взяться за весла боялись.
Надобно было и Лачплесису
На тот переправиться берег.
Людам он выгрестъ один посулил
На быстрине близ порогов.
Люди, поверив, взошли на паром,
А Лачплесис взялся за весла.
800 Но, словно прутья, в руках у него
Тяжелые весла сломались.
И подхватило их яростное
Теченье, к порогам помчалю.
Путники перепугались,
Гибель свою ожидали.
Не до того было Лачплесису,
Грести он ладонями начал.
Сильно, глубоко взбуrowя волну,
Он плот удержал на стремнине.
810 Был он могучей стремнины сильней
И вскорости к берегу выгрел.
И удивлялись спасенные им
Столь дивной, неслыханной силе.

Юноша, видом величественный,
Десяток огромнейших бревен,
Словно тростинки, держа на плече,
На подвиг глядел с крутояра.
Ношу оставя свою, он сошел
С обрыва и витязю молвил:
820 «Люди зовут меня Кокнесис,
И здесь я считаюсь сильнейшим.
Бревна таскаю для крепости я
Из близ растущего леса.
Рою я рвы, насыпаю валы,
Бревенчатый тын воздвигаю, —
Надобна крепость надежная нам
Укрыться от бед и напастей».
Лачплесис поклонился ему
И также назвал свое имя,

⁸³⁰ Молвил, что, к Буртниека замку спеша,
Он в старом лесу заблудился.
И заключили они меж собой
Дружбу и вместе решили
Путь продолжать, чтобы выучиться
Премудрости в Буртниеком замке.

Спидала. . . Можно ли ужас ее
Представить, когда на рассвете
Витязя в добром здоровье она
В воротах своих увидала.

⁸⁴⁰ И попросила колдунья отца,
Чтоб сам он двух юношей принял,
На сердце тяжко, мол, нынче у ней,
Мол, в спальню пойдет она, ляжет.
Старый же Айзкрауклис радовался,
Увидев живым и здоровым
Гостя. Сбирался он весть посылать
Тревожную в Лиелвардский замок.
Но не хотелось и Лачплесису
Со Спидалой встретиться снова,
⁸⁵⁰ И он прощенья у Айзкраукла
Просил, что остаться не может,
Что, мол, и так задержался он здесь
И дальше пора ему ехать;
Молвил, что он заблудился в лесу,
А Кокнесис из леса вывел.
Айзкрауклис покрутил головой
В недоуменье, но всё же
Витязю вывести коня он велел.
И тронулись други в дорогу.
⁸⁶⁰ Спидала вслед им глядела в окно,
Глаза ее гневом пылали.
«Скачи хоть до солнца! — шептала она. —
Тебя я настигну повсюду!»

Юноши сутки в пути провели
И славного замка достигли.
Буртниека приветливо встретил гостей.
Спросил, кто они и откуда.
Передал витязь поклон от отца,
Сказал, что учиться он прибыл.
⁸⁷⁰ Буртниека любезно их принял тогда
Учениками в свой замок.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

¹ Кангар и Дитрих. — Великан Калапуйсис. — Война с эстами. —
Потонувший замок Буртниеков. — Легенды и поучения в свитках
Буртниековского замка. — Ночь велей. — Лаймдота исчезла

Мрачно шумящим бором покрыты Кангара горы,
Недра болотные дышат туманами между холмами,
Рыскают в дебрях дикие звери, гады и змеи
Ползают в топях, филины воют и плачут ночами.
Страх и тоску наводила угрюмая эта округа.
Возле тропиночки узкой, у самого края болота,
Кангара уединенная в чаще усадьба стояла.
Только что Кангар простился с последним из

приходивших

Нынче к нему за советом или за помощью в разных
¹⁰ Жизненных трудных делах, за лекарством от всяких
недугов;

Только стемнело — двери он запер, факел зажег свой,
Пересчитал все подарки, что днем принесли ему люди,
Всё уволок в кладовую, к добру, запасенному прежде.
Там сундуки и лари стояли, до крышек набиты
Золотом и серебром, жемчугом, ценной пушшиной.
«М-да! — святоша бурчал, на свои богатства

любуюсь. —

Впрочем, не слишком ли дорого я от них откупился?
Нацепур требует страшного... Впрочем, что ж я?

Об этом

Больше никто не узнает. Ведьмы, боясь наказания,
²⁰ Слова не скажут. И почитать по-прежнему люди
Будут меня за святого. А в глупости их и в доверье
Выгода скрыта моя. Дурачки мне нужнее, чем эти,
Как там их? .. — родина, совесть, народ! Не хочу

быть героем,

Ради народа и родины всякие беды терпящим...»
Так бормотал негодяй, любуюсь своей кладовою,
Кутаясь в теплый кафтан. Ветер выл и шумел над
горами.

Глухо на западе слышался Перкона гром отдаленный.
Кто-то в наружную дверь постучал. В удивлении

Кангар —

Кто мог так поздно стучать? — снял с дверей крючки
и засовы.

³⁰ Спидала быстро вошла, но не в образе ведьмы, а в
милом

Женском обличье, в наряде обычном всех девушек скромных,
«Здравствуй! — сказала она. — Ты гостей, наверно, так поздно

Нынче не ждал?» — «Не ждал, — ответил ей Кангар, — тем боле
Рад я соседку прекрасную видеть! Ну, как живется?»
— «Плохо живется! — ответила гостья. — Похоже, что сами

Мощные боги орудуют против меня! И решила
Я у тебя совета просить; может быть, если вместе
Действовать будем, скорей своих целей достигнем». Спидала тут рассказала ему, что Лачплесис-витязь
40 Ночью недавно тайком пробрался в Чертову яму
И свидетелем был всех их мерзостей. После же, в омут
Брошенный, чудом каким-то остался в живых и доньше
Жив и здоров, а теперь обитает он в Буртниеком замке.

Сумрачно Кангар слушал ее, охваченный страхом.
Вот он, свидетель живой, в его тайну проникший;
отсюда

Слава дурная о нем в народе пойдет. И сказал он Спидале: «Ты поступила умно, сообщив мне об этом!
Вижу, судя по всему, что боги его охраняют.
Витязь, хранимый богами, опасным противником
будет.

60 Хитрые средства должны мы придумать, так, чтобы сам он,
Славы ища, на себя навлекал смертельные беды.
Есть у меня на уме два способа, очень пригодных,
Чтобы его погубить! Вот один: много лет уже не был
Калапуйс, эст-великан, во владеньях латышских.

Пошлю я
Весть великану на озеро Пейпус, что время настало
Очень удобное, чтобы напасть на наши селенья,
А латышей подговаривать буду ответно на эстов
Выйти войною. Понятно, что Лачплесис — витязь
отважный —

Дома не высидит, а на войну отправится вместе
60 С Буртниеком. Тут-то его и смерть ожидает. Ведь если
Встретится он с великаном — конец ему. Нет для эстонца

В землях латышских противника». Спидала уж
 собиралась
 Кангара благодарить, как внезапно слепящею
 вспышкой
 Молнии всё озарилось и оглушительный грохот
 Грома раздался над самую крышей, земля задрожала,
 Вмиг налетела ужасная буря. Всё небо гремело,
 Ливень хлестал потоками, падали с треском деревья,
 В чаще ревели медведи, совы и филины выли,
 Плакали и хохотали. Ужас, казалось, природу
 70 Всю охватил, когда Перкон слепящие молнии с
 громом
 Наземь бросал со всей своей мощью. Дрожа,
 замирая,
 Бледные, как мертвецы, злодей и колдунья стояли,
 Словно преступники пойманные. Они знали, что
 Перкон
 Ведьм, колдунов и нечистых стрелою своей убивает.
 «Ну и гроза! — прошептал Кангар, трясаясь. — Ты
 сегодня
 Не доберешься к себе! Грозу пережди в моем доме!»
 Так говоря, он оконце прикрыл, погасил свой
 светильник
 И дрожащую гостью увел в боковую каморку.
 Там, забравшись в постель и подушками уши
 закрывши,
 80 Ждали они, от страха трясаясь, когда буря утихнет.
 Но — удар за ударом — гром грохотал. Колебались
 Горы окрестные. Дубы столетние с треском валялись.
 Мнилось, что Балтии боги, бушуя с неслыханной
 силой,
 Небо решили свалить и землю скрыть под водою.
 Перкон как будто раскалывал в ярости купол
 небесный,
 Антримп горы воды громоздил на клокочущем море,
 Волнами туч доставая, море и тучи сливая.

В Даугавы устье корабль без мачт и ветрил был
 брошен
 Бурею. Мог потонуть он в любое мгновенье. Кричали
 90 Люди на палубе. Перкон и Антримп на смерть
 обрекли их.
 Но человек свободен в поступках своих. Чужеземцев
 Ливы спасли. А спасли они своих беспощадных

Будущих порабощителей. Буря утихла к рассвету,
Солнце багровое встало над мертвою зыбью морскою.
Кангар, поднявшись, взглянул на подругу. Спала она
крепко.

«Брр... ну и жутко же было! Добро, что ночь
миновала.

Думал я, Перкон решил уничтожить всех йодов.

Отроду
Страсти такой я не видел!» — кряхтел он, кафтан
надевая

И на крыльцо выходя. Видит: крыша сворочена с
дома,

¹⁰⁰ Посередине двора повалились крест-накрест деревья,
Изгородь сломана. Тут он заметил на узкой тропинке,
К дому ведущей, двух незнакомцев: когда же к

калитке
Дома они подошли, узнал в одном из них Кангар
Ридзиньского рыбака, а другой был ему неизвестен:
В длинной белой одежде с крестом на груди,

изнуренным
Выглядел он. Рыбак рассказал, что в Даугавы устье
Ночью разбился корабль и что этот — в белой

одежде —
Был одним из спасенных, что он увидеться хочет
С кем-нибудь из старейшин, а Кангар, мол, ведаёт
лучше,

¹¹⁰ Как поступить, потому и привел он к нему чужеземца.
Пристально Кангар и пришлый друг другу в глаза
поглядели.

Близкие души друг друга и за морем, видно, отыщут.
Здесьним наречьем с трудом, но всё же владел
чужеземец.

Молвил он: «Дитрих зовут меня. Жрец я великого
бога,

Сына на землю пославшего, чтобы весь мир
осчастливить.

Прибыл сюда я с людьми, что хотят здесь торговлей
заняться.

Буря расстроила замыслы наши. Но мы благодарны
Богу за наше спасенье! Приходится нам задержаться,
Здесь, пока на помощь немецкий корабль не

прибудет.

¹²⁰ Я же хотел бы с вождями племен познакомиться!»

Кангар

Гостю ответил: «Привет тебе, Дитрих, в землях
балтийских!

Знаю, зачем ты пришел сюда! Но меня ты не бойся,
Нет, я не буду мешать твоему могучему богу.

И хоть ты мне не веришь и я тебе тоже не верю,
Но отведу тебя к славному Каупо в Турайды замок.
Там для посевов своих ты найдешь благодатную

почву,
Если возьмешься за дело с умом. А сегодня останься
Здесь, у меня; отдохни день, другой поразмысли, что
боги

Балтии тоже сильны!..» Рыбака отпустив восвояси,
130 В горницу Дитриха Кангар повел. Уж Спидала

встала.
Вскоре меж ними тремя завязалась живая беседа,
Дальше да больше, покамест дружбою не
завершилась.

* * *

Годы текли. Многие в мире события свершились

И необычно Балтии мирной жизнь изменили.

В Буртниеком замке два друга усердно учились
Делу военному, всякой премудрости, разным наукам.

В буртниеких древних свитках священных юноши
сами

Уж разбирались. И особенно Лачплесис жадно

В них углубился. Тайны великие в них

раскрывались —

140 Были правдивые о человеческих странствиях в мире,
О совершенстве первоначальном, и о позднейшем
Горьком паденье, и о великом новом подъеме.

Но и особую Лачплесис также имел здесь причину
В знаниях и в благородных деяниях цели достигнуть.

Шитая бисером лента, которую Лаймдота, дочка
Стабурадзе, ему подарила, чудо свершила.

Стабурадзе ученицу, Лаймдоту, Лачплесис встретил
В Буртниеком замке. Она оказалась дочкой родною

Старого Буртниека. Пылкой любовью ее полюбил он.
150 Лаймдота тем же ему в глубине души отвечала.

По вечерам они часто над озером вместе гуляли.

О затонувшем в озере замке она рассказала

И говорила преданья чудесные Буртниеков древних.
Он же у Буртниека Лаймдоты руку просить

собирался,

Но в это время распространились вести, что снова
В Кангарских чащах Калапуйс лютей обосновался,
Грабит селеня и беспощадно людей убивает,
Ужасом люди были объаты. Не находилось
Храброго, кто бы осмелился против насильника

выйти.

160 Буртниец кликнул тогда клич по стране, что, мол,
если
Калапуйса кто-нибудь из Кангарских дебрей изгонит
Или убьет, то он, Буртниец, ни пред какою наградой
Не остановится, дочь свою выдаст за витязя замуж.
Это услышав, Лачплесис и Кокнес с жаром просили
Старого Буртниека, чтобы позволил им с эстом
сразиться.

Буртниец вначале не соглашался, боясь за питомцев.
Но наконец он, зная обоих дивную силу,
Всё ж отпустил их, доброй удачи им пожелавши.
Вот на конях боевых, в богатырских военных

доспехах,

170 Вооруженные, двинулись юноши к Кангарским
дебрям,
Сопровождаемы сверстниц и сверстников звонкою
песней.

На полдороге витязи встретили вестников конных,
К кунигу Буртниецкому торопившихся с вестью о
том, что

Сильные полчища эстов, переваливши границу,
Грабят и жгут беззащитные села и просят селяне
Мудрого Буртниека, чтобы послал им войско на
помощь.

Посоветались юноши, как поступить им разумней,
Буртниеку тоже надобны будут добрые руки
В битвах с лютым врагом. Всё обсудив, порешили,

180 Что одному из них надо с гонцами назад воротиться.
Вызвался Кокнесис ехать обратно. Так говорил он:
«Лачплесис, друг! Пускай ты заслужишь Лаймдоты
руку!

Видя любовь вашу, я отрекаюсь от спора с тобою».

Калапуйс полдничал, сидя на склоне горы над
обрывом,
Близ шалаша своего из поставленных стоймя
деревьев,

Съев молодого быка, кабана он на вертеле жарил,
К склону горы прислонив свою палицу из суковатой
Цельной сосны, с насаженным крепко до корня
огромным

Мельничным жерновом. Но, увидавши, что едет
190 Из лесу Лачплесис, эст за оружие немедля схватился.
Страшную палицу начал крутить он над головою
Так, что вихрь загудел. Великан хохотал, издеваясь:
Как, мол, такого птенца мать на верную смерть
отпустила?

Витязь ответил ему: великанов пора миновала,
Ныне последнего он отправит к Паколу в пекло.
С яростным хохотом грозную палицу Калапуйс

бросил,
Вышиб коня из-под Лачплесиса с седлом и уздечкой.
С палицей конь залетели в болото. На ноги Лачплес
Встал, не шатнувшись, выхватил меч и в бедро
великана

200 С силой ударил, и тот как подрубленный рухнул на
землю.

Падая, он за сосну вековую схватился, и, с корнем
Вывернув дерево, грузным стволом себе грудь
придавил он.

Юноша освободиться ему не позволил: мечом
замахнувшись,

Голову он уж хотел отрубить великану. Взмолился
Калапуйс, громко вопя: «Помедли, витязь могучий!
Дай перед смертью слово сказать мне! Ты, вероятно,
Лачаусис будешь? Мне еще в юности мать

предсказала,

Что из-за Даугавы явится некогда Лачаусис-витязь,
Что одного его надо мне в будущем остерегаться;

210 Пусть берегутся тогда здесь народы, — море

извергнет
Неких чудовищ в железной броне, с ненасытной
пастью.

Всё пожрут они: хлеб, и людей, и животных, и
землю...

Мир заключим! Пред угрозой всеобщей было б нелепо
Нам убивать друг друга, народы свои без защиты
Бросив в опасности. Я же, мой витязь, тебе обещаю,
Выйдя отсюда, поддерживать вечный мир между
нами.

Буду в дальнейшем оберегать я наши морские
Все острова, и, покамест я жив, чужаки на родную
Землю не ступят! А умирая, лягу я в Зунде».

²²⁰ Лачплесис спешно на ноги встать помог великану,
Руку ему протянул, говоря: «Да будет меж нами
Мир навсегда! Пойдем и разнимем наши народы.
Там, под горой, на равнине, они уж, должно быть,
дерутся,

Пусть эта битва будет последнею меж латышами
И между эстами!» Перевязав бедро великану,
Двинулись оба они на равнину и остановили
Бой начинавшийся... Там, где упал великан, меж
горами

Кангарскими, и доньне видна широкая яма;
Люди ее посегодня зовут Великаново ложе.

²³⁰ А его палица будто б лежит и поныне в болоте.

«Пышноветвистые, узорнолистые
Еще красуются в Балтии дубы.
Стражи отчизны, герои отважные
Еще не вывелись в нашем народе.
Сестры, сплетайте венки им зеленые!
В песнях прекрасных их воспевайте!

Дочери Латвии, Лачплесиса пойте!
Лачплесис ударил, и падает Калапуйс,
В диких горах победил его Лачплесис,
²⁴⁰ Мира просить великана заставил он.
Эсты к нам больше прийти не посмеют
Грабить добро и пугать наших девушек.

Братья! Корчуйте новины лесные!
Матери! Осенью пиво варите!
Весело будет на дружеских свадьбах
Петь, пировать и плясать поезжанам.
Первому — Лачплесису — пожелаем
Милую по сердцу выбрать невесту!»

С песней такую Лаймдота с девушками выходила
²⁵⁰ В поле из Буртниека замка навстречу отцовскому
войску.

Мир заключив, с ликованием Буртниека домой
возвращался,
И украшали венками из свежих листьев дубовых

Девушки воинов, Лаймдота Лачплесиса увенчала;
Он же и воины девушкам песней такой отвечали:

«Где есть дубы, там и липы красуются.
Где есть герои, есть девушки милые.
С радостью жизнь отдадут наши воины,
Родину оберегая от недругов
И охраняя сестер своих, девушек.

²⁶⁰ Ярче пусть блещут веночки расшитые,
Пусть этот блеск никогда не туманится!
Лайминя-мать их растила для Латвии —
Милых, усердных, разумных, приветливых,
И, если мне ниспошлет тебя Лайминя,
Лаймдота, милая дочь моей Латвии,
Жить для тебя поклянусь я, любимая!»

Буртниец, восторженно глядя на них, сам петь с ними
начал.

Радость великая сердце у каждого переполняла.

²⁷⁰ Лаймдота в замок всех пригласила и там угощала
Воинов славных. Буртниец велел для них выкатить
меду.

Лачплесис был счастливее всех: сама обносила
Лаймдота медом гостей и пила за здоровье героя.
И прокатилась витязя слава по землям балтийским.
Так превратился умысел злой — уничтожить героя —
Волей бессмертных в удачу высокую, в громкую
славу.

Лачплесис вечером как-то один спустился под своды
Замка, в покой сокровенный, где древние свитки
хранились.

Он увидал в углубленье стены приоткрытые двери.
Раньше дверей этих не замечал он. Факел поднявши,
²⁸⁰ В дверь заглянул он и ход потайной за дверью
увидел.

Узкие камни стертых ступеней вели в подземелье.
Лачплесис долго спускался и вот очутился
В замке старинном. И скоро по звуку шагов
догадался

Он, что в замок попал затонувший, что над крутыми
Сводами замка глубокого озера высятся воды.

Много покоев, наполненных разным добром, миновал
он,

Древним оружием, какого дотолем нигде он не видел.
Тут он заметил свет, исходящий из дальней палаты.

Медленно витязь в палату вошел. Там лари

громоздились.

Бирками, свитками древними, досками и письменами
Полки забиты. Каменный стол стоял средь палаты.
Тускло горящий светильник чадил на столе, и сидела
Девушка там со свитком в руках, погруженная в
чтение

Так глубоко, что вошедшего юноши не замечала.

И лишь когда подошел он, звуком шагов его будто
Пробуждена ото сна, подняла она голову тихо.

«Лаймдота, ты не сердись, что я покой твой

нарушил!

Мне благосклонная Лайминя встретиться здесь

предсказала,

В этом чудесном чертоге, с тобою, как с доброю
феей.

Дверь потайную нечаянно я наверху обнаружил

И в подземелье спустился, пришел в этот замок

волшебный.

Здесь ты сегодня; позволь хоть мгновенье побыть мне
с тобою!

В тайные древние свитки позволь заглянуть! Мне
сдается,

Этот чертог затонувший тот замок и есть, о котором
Ты мне рассказывала...» — «Да, тот самый! — ему

отвечала

Лаймдота. — Как это дверь я сегодня закрыть

позабыла?

Только отец ее ведал да я. Но уж раз обнаружил
Ты затонувший наш замок, останься! Читать будем

вместе

Праотцев наших преданья и их прекрасные песни».

«Ах, как хотелось бы мне с такой подругой

прекрасной

Вместе остаться навек у наших преданий великих!»

— «О, никогда сгоряча не высказывай сильных

желаний! —

Лаймдота отвечала. — А то подслушают боги

И неожиданно наше желанье мгновенно исполнят, —

Так чтоб потом не раскаяться! Знай: с околдованным
замком

Связано счастье мое. Последняя Буртниеков дочка

Сужена в жены герою тому, кто в замке пробудет

Ночь и останется жив. Тогда рассеются чары,

И на поверхность озерную вместе с отважным героем
 820 Замок поднимется». Взяв ее за руку, юноша с жаром
 Вымолвил: «Лаймдота! Буртниеков славных
 последняя дочка!
 Здесь, в сокровенном чертоге отцов твоих, правду
 скажи мне:
 Можешь ли ты полюбить всем сердцем Лиелварда
 сына?
 О, если бы так!.. Я найду в себе силы на дело
 любое!
 В замке остаться и чары разрушить горю я
 желаньем!»
 Лаймдота молвила тихо: «Могу! И жить будем
 вместе
 И, если надо, вместе умрем за народ наш
 латышский».
 Лачплесис милую обнял; она головой русокудрой
 Тихо склонилась к нему на плечо, и два сердца
 горячих —
 830 Два благородные сердца, полные славных
 достоинств, —
 Сладко слились, как два редко встающих над миром
 светила.
 Волны шумели над кровлями древнего Буртниеков
 замка.
 Месяц мерцал сквозь высокую воду. Легкие тени
 Роем скользили по горницам замка и улыбались
 Радостно, видя влюбленных чету. Но не замечали
 Те ничего, ничего, не слышали, чистым, огромным
 Полные счастьем. Раз только в юности первой
 любовью
 Счастье такое даруется людям в обманчивой жизни.
 О быстрокрылое, краткое счастье! Зачем ты так рано
 840 Прочь улетаешь? Ты рай на земле созидашь
 мгновенно
 И в то же мгновенье из рая избранных прочь
 изгоняешь.
 Но неужели мгновение счастья не перевесит
 Века трудов и мучений? Да! Перевесит! Мгновенье
 Яркого счастья любви и долгие годы страданий —
 И наконец всезабвение смерти, когда безразлично,
 Счастлив ты был, человек, иль несчастен за век свой
 короткий,

Не отпустил его витязь, сказал: «Не пущу тебя,
прежде
Чем этот замок со дна наверх не поднимется к
свету!»

С грохотом дверь распахнулась, и с дьявольским
визгом вбежали

³⁸⁰ Спидала-ведьма и прежние с нею семь эфиопов.
Были у них в руках докрасна раскаленные вилы,
И налетели на витязя все, заколоть угрожая.

Спидала яростней всех нападала, сверкая глазами.
Трудно стало герою нечисти сопротивляться.

Зеркальце Стабрадзе вытащил он из-за пазухи мигом,
Выставил перед врагами. Отчаянный вой прокатился
Гулко по замку. Чудовища в страхе попадали на пол
И мгновенно вскочили и, пыль поднимая, удрали.
И всё утихло. Пыль улеглась. Дуновением свежим

³⁹⁰ Влажного ветра очистился воздух. Свет показался
В дальней палате, и вышел оттуда старец почтенный.
Лачплесиса он приветствовал: «Витязь мой! Счастья
желаю

Я и тебе и народу латышскому! Выгнал ты нечисть,
Освободил из-под дьявольской власти Буртниекий
замок.

Завтра, чуть свет, он к свету дневному подымется
снова.

Свет принесет он народу в духовных сокровищах
предков.

Есть среди них и законы, данные некогда мною,
Мною полученные от бессмертных зиждителей мира.
Видувед я! От меня народ происходит латышский.

⁴⁰⁰ Будь же счастлив, мой сын! Усни сегодня спокойно!
Дочки мои до утра тебя песнями будут баюкать». Видувед
смолк и как облако белое мягко растаял.
Тихо вошли три прекрасные девы. В руках у них
были

Простыни, и покрывала, и травяная подушка.

Девы постель постелили и, пожелав доброй ночи,
Тоже как будто растаяли. Сильную чуя усталость,
Лачплесис лег. Издалека прекрасные песни звучали.
Грудь поднималась легко, невольно веки смыкались.
Снилось ему, что постель его кверху легко

⁴¹⁰ Вместе с ларями и свитками, вместе с чертогом
подымалась
высоким. . .

И поутру удивлялись чуду окрестные люди,
Видя на озере, там, где вчера еще волны катились,
На островке горделиво стоящий замок старинный.
Лаймдота всё рассказала отцу, как витязь остался
На ночь вчера в заколдованном замке; и, радостный,

Буртниец, что снова свободен древний отеческий
замок.
В лодку он с дочерью сел, в нетерпенье отправился
к замку.

Витязя спящим еще нашли они в светлой палате.
Лаймдота, тихо окликнув, его разбудила. Открыл он
420 Веки и видит, что в окнах узорчатых солнце сверкает.
Быстро поднялся Лачплесис с ложа, Лаймдоту обнял
И, целуя ее, говорил ей: «Моя ты отныне!
Ныне разбиты преграды, которые нам не давали
Соединиться!» И Буртниец сказал: «Отныне тебе

лишь
Лаймдота принадлежит. Прими мое благословенье
Отеческое! Да сольются навеки два славные рода,
Коем дано просвещать и хранить народ наш
латышский!»

С этой поры каждый день посещали замок старинный
Витязь и Лаймдота и сокровенные свитки читали,
430 И с удивленьем немалым герой наш узнал, как
глубоко

Лаймдота вникла в премудрость, сокрытую в свитках
старинных,
Как хорошо рассказать умела она о высоких
Судьбах богов, и о нравах людских, и о древнем
величье.

Вечером как-то, когда они вместе в замке сидели,
Лаймдота, свиток один развернув, сказала: «Сегодня
Я прочитаю тебе о нашем давно затонувшем
И из пучины тобою снова поднятом замке.
Так началось: на Востоке, из-за семи отдаленных
Царств семи королей, с края света, где солнце
восходит,

440 Облако белое в небе, как белый конь, появилось.
Перкон сидел на облаке, как на коне, и огромным
Щелкал бичом, и молнии сыпал кругом, так что
скалы

В щель раскалывались и долины и горы дрожали.
С облака Перкон воззвал, потрясая просторы земные:

«Кто пожелает за мною последовать и подчиниться
Мне, тех на Запад с собой поведу я, на новую
землю!»

Люди молчали внизу, испугавшись грозного бога.
Буртниеков род отозвался один, род могучих и
храбрых
Воинов и мудрецов, говоря: «Мы пойдем за тобою,
460 Перкон великий, и будем служить тебе, слушаться
будем

Голоса мы твоего. Веди нас на новую землю!»
Перкон поплыл впереди на облаке, Буртниеки следом
Шли по земле. По дороге немало врагов им
встречалось.

Оборотни, людоеды, и змеи, и всякая нечисть
Злобно на них нападали; Перкон разил их громами,
Буртниеки били мечами, покамест над Западным
морем

Перкон не остановился; и стали там люди на отдых.
Там их никто не тревожил; и Запада море назвали
Белым они. Посреди той страны плодородные земли
460 Вскоре открыли они и навеки там обосновались.

Крепкий построили замок в долине, леса корчевали,
Сеяли лен и ячмень. Перкон вовремя дождик давал
им,

Солнышко им наливало колосья, а Узинь под осень
Медом одаривал. Дети богов научили их делать
Хмельную брагу и пенное пиво. Буртниеки пили
И веселились. Юноши их выбирали прекрасных
Девушек в жены. Разросся народ на балтийских
просторах.

Зиедон сходил к ним, Лиго слетал с золотыми
куокле.

Песни веселья беспечно звенели в лесах и долинах.
470 Светлые то времена, золотые для Буртниеков были.
Йоду, завистнику Перкона, это пришлось не по нраву.
Вихорь послал он на Белое море, и Вихрю велел он
Смерч водяной исполинский скрутить и, поднявши на
воздух,

Целое бурное озеро вод опрокинуть в долину
Буртниеков, чтобы утопить их. Увидели люди —
огромный

Смерч водяной, шумя и крутясь, к ним от моря
несется

И, налетев, над землей завертелся и остановился.

Некий старик, видя это, решил со смерчем сразиться.
Вилы он взял, обошел вокруг смерча, шепча

заклинанья,

⁴⁸⁰ И размахнулся, прицелясь вилами в смерчево сердце.
Рядом стоящий сказал: «Подожди! Я сейчас водяное
Слово шепну. Мне сдается, что целое озеро, Вихрем
Поднятое, ищет места себе, чтобы наземь пролиться».
Но не послушался старый! Вилы метнул. И мгновенно
Вихорь утих. И озеро с шумом ужасным упало
На землю и затопило долину и Буртнииков замок.
Буртниики все бы погибли, если бы Лиго случайно
Не оказался поблизости. Петь и играть на куокле
Лиго на дне озерном принялся, да так сладко, что
камни

⁴⁹⁰ Мягкими стали, скала расступилась, и Буртниики
вскоре
Из затонувшего замка пещерой и ходом подземным,
Здравы и невредимы, вышли к солнцу, на волю».
Лачплесису на другой день Лаймдота снова читала:

«Не было ничего вначале. Лишь в беспредельных
Далях витал изначальный свет, из которого после
Всё появилось. И был этот свет без конца и начала —
Мира душа, прародитель духов, старый, предвечный
Бог. А с ним рядом жил Черт. Он еще был послушен
Богу в то время, еще не отпал по злобе от Бога,

⁵⁰⁰ Хоть и тогда уж терзали его корыстные думы.
Мир сотворить наконец надумал Бог, и сказал он
Черту: «Поди отыщи на дне болотной трясины
Твердо слежавшийся ил, горсть его загреби и

проворно
Мне притащи!» Черт нырнул в болото и, черного ила
Горсть ухватив, подумал: «Зачем он надобен Богу?
Ну-ка и я прихвачу, чтоб мне в дураках не
остаться!»

И запихнул себе за щеку первую горсть, а вторую
Богу наверх притащил. А Бог, эту горсть
разбросавши,

Молвил: «Да будет земля!» — и в просторах земля
появилась

⁵¹⁰ Ровная. Стал разрастаться спрятанный в пасти у
Черта

Ил. Не выдержал Черт и его выплевывать начал.
И наплевал на гладкую землю высокие горы.

Бог захватил своего сияния горсть и, рассеяв,
Молвил: «Да будет солнце! Да будет луна!» — и над
миром
Солнце взошло золотое, а следом серебряный Месяц.
Солнце в те дни и Земля были девушками и
настолько
Были прекрасны, что Бог полюбил их и женами
сделал.
В те времена родились дети Бога и дочери Солнца.
Солнцеву старшую дочку Месяц взял себе в жены.
Тысячи звездочек ясных от брака их народились,
Боги-сыны были дивно сильны и сами богами
Стали они. Мирозданье они меж собой поделили.
Первый был Перкон средь них, с пятью сыновьями
своими
Свод над землей он воздвиг — обиталище духов
бессмертных.
Солнышку дали коней золотых, чтоб легко ему было
За день успеть всё небо объехать и запыленных
Жарких коней своих выкупать в море. Море же
Антримп
Взял во владычество. Вечером Антримп Солнце
встречает
И перевозит его через море в ладье золоченой
Вместе с конями к восточному берегу, к месту
восхода.
Патримп землю избрал. Ее он с Зиедоном вместе
Шелком зеленым, парчой золотой, серебром одевает.
Пакол дорогу мостит от земли до высокого неба.
Всё ж из-за Черта многое стало другим, чем вначале.
Много напортил он. Камни вначале мягкими были.
Черт наказывал Бог, чтоб тот не топтал их,
покамест
Сами не станут они рассыпчатой, мягкой землею.
Но любопытствовал Черт: что же будет, если он
камни
Станет ногами топтать? И много камней навалил он
И наступил на них. Сразу все камни твердыми стали.
Есть над Даугавой камень один, на котором доньше
Виден ступни отпечаток; зовут его Чертовым камнем.
Не было в те времена у деревьев ветвей и развилин.
Черт косою владел и сам сенокосничал ею,
Бог же имел долото, что ковали Перкона дети.

Раз, когда Черт задремал, взял Бог его косу и ею
 Много себе накопил травы. Черт проснулся и очень
 Был удивлен: как Бог накопил долотом столько сена?
 Сено косить долотом он решил испробовать тоже.
 660 Бросил в траву долото, а оно ненароком вонзилось
 В дерево. И с той поры пошли на деревьях развилья,
 Ветви и сучья. В ту пору водились у Черта коровы
 С нераз dvoенным копытом, комолые, с синею
 шерстью.
 Бог же настроил хлевов. Черт спросил: «Какую
 скотину
 В эти хлева ты загонишь? Ведь ты коров не имеешь».
 Бог отвечал ему: «Были б хлева, а коровы найдутся!»
 И только ночь наступила, из Чертовых стойл
 перегнал он
 Чертовых синих коров к себе, рога им приделал,
 Синюю шерсть их раскрасил пестро, раздвоил им
 копыта.
 670 Черт проснулся с зарей, чтоб коров на пастбище
 выгнать,
 Видит он: стойла его пустые стоят, а у Бога
 Много коров, но совсем незнакомой, новой породы,
 Все — с кривыми рогами на лбу, с раздвоенным
 копытом,
 Все — разномастные — дымчатые, буренки, пеструхи,
 Черные, рыжие. И не признал свою он скотину.
 Вскорости бог завести собаку решил. И сказал он
 Черту: «Возьми посошок, выйди в поле и сделай из
 глины
 Четвероногого зверя с двумя глазами, с ушами,
 С шерстью, с хвостом; а потом посошком ударь его
 трижды,
 670 Молвив: «Бог тебя сотворил!» — и станет живой он».
 Черт из глины собаку слепил, ударил клюкою,
 Трижды сказав: «Бог тебя сотворил!» Собака
 вскочила
 И побежала за Богом, виляя хвостом. Захотелось
 Черту и для себя завести собаку. Слепил он
 Нового зверя, но телом крупнее и шерстью пышнее.
 Выдрав пучок из бровей своих, сделал зверю он
 брови.
 Трижды ударил клюкою и молвил: «Черт тебя
 создал!»

Но не вставало животное. Нечего делать. И Черту
Трижды пришлось повторить: «Бог тебя сотворил!»

Мигом ожил

⁵⁵⁰ Зверь и кинулся Черту на грудь с оскаленной пастью.
Черт закричал: «Ишь-ты, волк!» Зверь отпрянул и в
поле умчался.

Бог наконец человека решил сотворить. Из чистой Глины
слепил он его; две руки, две ноги ему сделал,
Но один только глаз и ухо одно, и промолвил:

«Доброе только должен ты видеть, доброе слышать,
Доброе делать вдвойне и путями добра неуклонно,
Прямо ходить!» И одну ноздрю в носу человека

Бог просверлил и дунул в ноздрю и молвил: «Ты
будешь

Вечным богам подобен, рожденный из глины и духа!»

⁶⁰⁰ Начал дышать человек. Еще спал он первым
спокойным

Сном. «Спи пока до утра! — Бог сказал. —

А солнышко утром,

Встав над землею, тебя к счастливой жизни

разбудит!»

Только что Бог на ночлег удалился, Черт появился.
Сделал он ухо второе и глаз второй человеку,

Молвил: «Зло да увидишь, зло да услышишь, да
будешь

Делать и зло, и добро!» — и вторую ноздрю человеку

Черт просверлил и дунул в нее. А поутру солнце,

Встав, разбудило самое дивное в мире создание.

Вольным божественным духом полно и дерзанием
смелым,

⁶⁵⁰ К дивной цели — к добру — стремится оно и к
познанию.

Жизнь отдает свою самоотверженно, неустрашимо,
Только б достичь совершенства! Даны ему от

природы

Ум величавый и воля железная; в мире подлунном
Нет сильней никого — ему сами боги покорны! . .

Может, однако, оно страшным стать: дыша

вероломством,

Смерть и гибель нести добру и красе во всем мире.

Бог, увидав, что работа его испорчена Чертом,

Вечным проклятием проклял Черта и вверг его в
пекло.

Черт наплодил там несметное множество нечисти
всякой,
610 Вверх затем поднялся и войну против Бога затеял.
Боги и дети богов — все пошли воевать. Грохотала
Буря, земля колебалась, качалась. Высокие горы
В бездну проваливались, а море, вздымаясь до неба,
Материки затопляло. . . Но вот вся нечисть обратно
Загнана в пекло была, где она предается донныне
Мерзостям всяким и, на землю ночью тайком
выползая,
Ткет свои гнусные сети и слабых людей соблазняет,
Перкон же, адскую нечисть заметив, гонит обратно».
Вечером как-то затем некий свиток старинный
620 Лаймдота развернула и молвила: «Лачплес,
послушай,
Буду читать я премудрого Видуведа наставленья,
Писанные лишь для тех, кто их может понять и
исполнить:
«Время уходит, время приходит, но не иссякает;
Время безбрежное — вечность, и вне его вечного
круга
Вечность иную искать неразумное будет стремленье.
Солнцу, земле и богам на вечную жизнь его хватит;
Лишь человеку его не хватает, и за короткий
Миг бытия лишь каплю от вечности он испивает.
Но человечеству в мире дано безграничное время.
630 Кто сосчитает минувшие годы с тех пор, когда
первый
В мире открыл глаза человек? Кто сегодня
предскажет
День, когда смертный последний навеки закроет
зеницы?
И человек умирает, и могут народы исчезнуть —
Лишь человеческий род будет жить, пока мир
существует.
Ради великого, ради бессмертного рода людского
Жить, и трудиться, и совершенствоваться неустанно,
И умереть за него — вот достойные в жизни задачи
Каждого, кто человека высокое звание носит.
И человек, и целый народ благородством высоких
640 Нравов и мудростью может подняться вровень с
богами.
Но с той поры человек в богов своих старых не
верит,

Низкими старые боги мнятся ему, создает он
Новых высоких богов, прекрасную новую веру;
Первая же, одряхлев, становится уж суеверьем.
Поприще здесь для работы друзьям народов открыто:
Освободить народы от лживой веры, чье иго
Дух свободы теснит — на пользу известным

сословьям.

Воля народов — воля богов. Народ полновластен
Сам для себя избирать правителей правдолюбивых.

⁶⁶⁰ Если же волю народа избранник народа нарушит,
Ради корысти своей сословия некие станут

Или народ угнетать, народ тогда полновластен,
Как негодяя-слугу, правителя выгнать за двери.

Поприще здесь открывается новое свобододолюбцам:
Дать народу закон, который, как щит, охранял бы
Каждому право, свободу, жизнь его и достоянье, —
Мудрый, великий закон, неизменный закон во

вселенной.

И вот, когда все народы богам уподобятся в мире,
Ненависть, горе, вражда и нужда без следа

расточатся.

⁶⁶⁰ Тайны миров раскрывая, себе покоряя природу,
Мглистый незнания покров с седого бывшего срывая,
Люди, поняв свое прошлое, смогут без горьких
блужданий

Правильный путь в настоящем найти и согласно
устроить

Будущее — золотое, прекрасное, полное счастья.
Каждый, трудясь для высокой всечеловеческой цели,
У своего народа родного и рода людского

Добрую славу заслужит и благодарность потомков,
Дух же его будет жить средь богов, в обители света».
Лаймдота чтение закончила, свиток свернула,

связала

⁶⁷⁰ И, убирая в ларец его, молвила: «Здесь еще много
Повестей и наставлений хранится в ларцах

заповедных;

Чтобы их все прочесть, нужны будут многие годы.

В будущие времена, быть может, народа сыны их
Вынесут к солнцу, пыль отряхнут с них и пред

народом

Скрытые в них возгласят поученья, преданья и
знанья».

Велей пора наступила. Лаймдота захопоталась,
 Для долгожданных гостей угощение готова. Сам
 Буртние́к
 Спать не хотел в эту ночь, чтобы встретить достойно,
 с почетом
 Души людей дорогих, могилую с ним разлученных.
 60: Лачплес и Кокнес работали оба. В риге просторной
 Сдвинули плотно шести для снопов, и вымели чисто
 Пол земляной, и белым песком и нарубленной мелко
 Хвоей посыпали, листьями дуба украсили стены.
 Рига всегда была местом любимым всяких домашних
 Духов. В яме под печкой гномы гнездились. За
 печкой
 Жил Домовой. А у злых и скупых соседей под
 крышей
 Прятался огненный пу́кис. Зимой, как овсы
 обмо́лотят,
 В ригах пустых привиденья являлись и черти гуляли,
 Ночью же велей все духи и черти бросаются в
 бегство, —
 65: Место они отдают почитаемым душам усопших.
 Лачплесис с другом, убрав и украсив внутри
 помещенье,
 В ригу столы принесли и вокруг них расставили
 стулья,
 Лаймдота тут же столы скатертями льняными
 накрыла
 И на столах разложила мед, молоко и лепешки,
 Блюда поставила с мясом и с ячменем разваренным.
 Буртние́к раздвинул на окнах щиты, прислонив
 лубяные
 Скаты, чтоб вели могли легко, как на санках,
 скатиться.
 Все домочадцы сошлись уже в риге. И Лаймдота
 вместе
 С девушками под столами расставила с шерстью
 корзины,
 70: Тонко расчесанный лен положила. И девушки пели:

«Аугшлеците, Землеците!
 Закатись в корзиночку,
 Отдохни в корзинке с шерстью,
 В камышовом креслице!

Велей мать, лети, родная,
Прямо в ригу батюшки,
Чтоб следочков не осталось
На песке серебряном.

Просим мы тебя, отведай
710 Наше угощеньице,
Наших кушаний попробуй,
Для тебя состряпанных!

Береги меня, чтоб вечно
Я была красоткою,
Чтобы весь свой век со мною
Счастлив был мой суженый».

Вот темнота наступила. Зажгли факела и лучины.
Все оставались до полночи в сборе. А в полночь
поднялся
Буртниец и молвил: «Дети, идите и спите спокойно!
720 Я здесь останусь один дожидаться милых умерших».
Все разошлись, чтоб молчание ночи святой не
нарушить.
Поутру Буртниец и Лачплесис вместе Лаймдоту
ждали.
Кушанье велей она должна была утром из риги
В дом принести, чтобы все освященную пищу
вкусили.
Буртниец, в глубоком раздумье сидевший, витязю
молвил:
«Сын мой! Минувшею ночью явились мне вещие
знаки,
Нам и стране испытаний тяжелых сулящие много.
Дочке они и тебе обещают нелегкие судьбы,
Только бы Перкон и боги к добру это всё обернули!
730 Где же замешкалась Лаймдота наша? Взгляни-ка,
быть может,
Всё еще спит она?» Витязь пошел и видит: закрыта
Лаймдоты дверь. На зов и на стук не услышав ответа,
Он воротился, сказал, что, должно быть, Лаймдота
вышла.
Всех домочадцев и слуг спросить они в замке велели,
Но ни один в это утро девушку дома не видел.
Дверь ее горницы Буртниец и Лачплесис быстро
взломали,

Постланное, как вчера, там несмятое ложе стояло.
Лаймдота, значит, и спать не ложилась. Страх обуял
их.

Все обитатели замка встревожились. Мигом

окрестность
740 Замка обрыскали тщетно. И Кокнес исчез в это утро.
Кокнес и Лаймдота оба пропали, куда — неизвестно.
Горем убитый Буртниекек вернулся домой после долгих
Поисков. «Сын мой! — сказал он Лачплесу. — Значит,
угодно

Стало богам тяжело испытать нас. Но сокрушаться
Нынче не время. Я думаю, дочь оказалась во власти
Вражьего умысла. Быстро поэтому действовать надо!
Всех моих воинов ты созови и, не медля ни часу,
Вслед злодеям скачи. Может быть, ты их и

догонишь».

Лачплесис молвил: «Нет, мой отец! Твои ратные

люди

750 Сами пусть ищут, особо: меня они только задержат.
Я же отправлюсь один и свято тебе обещаю:

Или вернуться обратно с Лаймдотой в Буртниекекский
замок,

Или же вы никогда меня не увидите больше!»

Лачплесис вооружился, с Буртниекеком старым

простился

И покинул места, где так много счастья изведал.

* * *

В Турайдском замке, в зале большом, за беседой
сидели

Қангар и Дитрих и замка хозяин, Қаупо славный.
Немец пронырливый, Дитрих быстро сумел незаметно
Властно-горячего Қаупо сетью своею опутать.

760 Много рассказывал Дитрих ему о землях немецких,
О городах, о науках, о славе князей иноземных
И о единственно праведной вере, которая в жизни
Святость дает, а по смерти — бессмертье и вечную
радость.

Дальше рассказывал Дитрих о римском великом

владыке,

Как он с общиной рыцарей верных решил всем

народам,

Мир населяющим, преподнести свою правую веру.

Дитриху Кангар поддакивал, а простодушный их
слушал
Каупо, и сомневался он в силе богов своих древних.
Дитрих ему рассказал, что прибыл корабль из
немецких

770 Стран, что заморские люди хотели бы обосноваться
Здесь — при слиянии Ридзини с Даугавой город
построить;

И говорил, что большая была бы для Балтии польза,
Если бы город построить куниг позволил пришельцам.
Дальше читал ему Дитрих послание римского папы:
Тот, мол, приветствует Каупо, шлет ему

благословенье

И приглашает его погостить в прославленном Риме.
Дитрих еще говорил, что Каупо сам тогда сможет
Видеть воочию дальних земель чудеса и навеки
Дружба святого отца в честь ему будет и в славу.

780 Каупо думал: «Не худо б немецкие земли увидеть».
Так посланье святого отца его сердцу польстило,
Что обещал разрешить иноземцам он город

построить,

Сам же на их корабле плыть решил в заморские
земли,

Дитрих ему обещал сопутствовать всюду и в Риме
К папе его отвести самолично. Они после ночи
Велей решили, не мешкая, сразу же в путь

отправляться.

Минула велей ночь, и наутро у Ридзини устья
Много народу в большом оживленьи шумно

толпилось.

Грузный немецкий корабль у причала качался на
пенных

790 Даугавы волнах. Купцы, отплывавшие спешно,
меняли

Разный немецкий товар на мед, на меха дорогие,
А остававшиеся иноземцы уже нанимали
Ливов и латышей строить город у Ридзини устья.

Вскоре подъехал старейшина Каупо. Сопровождает
Дитрихом, сел на корабль он под громкие крики
приветствий.

Став на высокой корме, обратился Каупо к народу:

«Братья мои дорогие! Дошли ко мне дивные слухи
О несказанно богатых, прославленных землях

немецких.

С немцами дружбу поэтому я заключить предлагаю

⁸⁰⁰ И разрешить им на нашей земле новый город

построить,

Чтобы отныне торговые здесь пролегали дороги,

Чтобы цвела наша родина, множилось наше

богатство!

Дабы проверить чудесные слухи о Западе, сам я

Еду в неметчину и обо всем расскажу вам,

вернувшись,

Что я там видел и что нам потребно для нашего

блага.

Ждите меня терпеливо и с немцами дружно живите!»

— «Славный да здравствует Каупо! Пускай живут

иноземцы,

Если с намереньем добрым они нашей дружбы

желают!» —

Так восклицая, народ отвечал старейшине Каупо.

⁸¹⁰ Поднял якорь корабль, подгоняемый ветром

попутным,

Двинулся. Вслед ему шапками с берега люди махали.

Кангар-святоша остался на суше. Он-то всех лучше

Знал, что за дружба с балтийским народом надобна

немцам.

Кангар и Спидала, — Спидала тоже корабль

проводжала, —

Оба с коварной усмешкой глядели вслед

уплывавшим.

Всё ж был один человек, что зловерный их замысл

проведал. . .

«Калапуйса победитель — Лачплесис тут!» — среди

народа

Слышались возгласы. Дружно толпа раздалась,

пропуская

Витязя. Он осадил скакуна, покрытого пеной,

⁸²⁰ На землю спрыгнув, направился к Кангару он и

угрюмо,

Грозно спросил его: «Старый злодей! Отвечай мне

немедля:

Где моя Лаймдота, Буртниека дочь, или череп

Я раздроблю тебе; знаю я хорошо, кто виновен

В исчезновенье ее!» Не успел еще Кангар придумать,

Что бы ответить ему, как Спидала, вдаль указавши
рукою

На уплывающий быстро корабль, ехидно сказала:
«Там она! Вместе с парнями немецкими за море
едет!»

Юноша гневно воскликнул: «Злодеи! Убийцы народа!
Люди, не слушайте этих обманщиков! Я-то их знаю!
830 Кангар бесчестный и Спидала адовой нечисти

служат,
Ради корысти своей продают и народ свой, и веру!
Также не верьте и этим пришельцам — немцам
коварным,

Если вам дорога свобода и прадедов вера!»
Но пока обвинение страшное это в безмолвье
Слушали люди, Кангар с духом собрался и быстро
В этот опасный решительный миг, — ибо мог

потерять он
Сразу всю добрую славу свою, что нажил годами, —
Заговорил: «Юный витязь мой! Будь в твоём
обвиненье

Истины сотая доля, пускай меня Перкон раздавит
840 Здесь же на месте. Но ведомо мне, что тебя
обманули.

Верь мне: за благополучье сородичей наших ответит
Каупо, который и сам плывет с ними в дальние
страны,

Чтоб самолично рассказы людей чужеземных
проверить.

Слушай, и сам ты свое обвиненье признаешь
напрасным:

Лаймдоту не похищали, нет! Сама захотела
С Кокнесисом — его она втайне и раньше любила —
Сесть на этот корабль. А тот ведь давно уж
проведал,

Что собирается Каупо ехать в немецкую землю
И из дружины своей взять юношей самых толковых,
850 Чтобы премудростям всяким заморским они
обучались.

Кокнесис очень хотел с ними за море ехать учиться.
Прошлою ночью обоим им с Лаймдотой выпал
удачный

Час, чтобы, старого Буртниека дом незаметно
покинув,

С Каупо вместе уплыть в немецкие дальние земли.

Но успокойся, мой витязь! Теперь не терзайся
напрасно!

Правду узнай: тебя никогда она не любила,
Лишь уважала она твои подвиги и не хотела
Горя тебе причинять, на любовь отвечая отказом.
Сердце же требует прав своих тоже! И Лаймдота
нынче

⁸⁶⁰ Счастлива, соединясь со своим настоящим
любимым!»

Если бы Перкон ударил над ним средь ясного неба,
Лачплесис не был бы так потрясен, как он потрясен
был

Словом злодея. Бледен, убит, уронил он бессильно
Руку с мечом, что занес над злодеем. Мука терзала
Невыносимая душу его; лезвия иступленной

Боли изрезали сердце. Что ж это? Кокнесис, первый
Друг, его так обманул? . . . А Лаймдота, ради которой
Отдал бы он сто жизней, лгала ему? Да неужели
Всё это правда? Хотя в глубине души не поверил

⁸⁷⁰ Витязь обманщику, всё ж не нашел иных
объяснений

Исчезновению невесты и друга. Такие же мысли
Прежде его обступали, но он от себя отгонял их,
Думая: «Нет, подожду, пока не воротится Каупо
Или другой чей-нибудь корабль мне вестей не
доставит.

И берегитесь тогда вы, лукавые, если налгали!»

И, уж не слушая их и не глядя на них, на коня он
Сел и уехал прочь горделиво вдоль Даугавы синей.
Полная радости злобной, Спидала вслед поглядела,
Думалось ей, что она вожделенной цели достигла.

⁸⁸⁰ Витязя участь была, в самом деле, гибели горше. . .
В скорби глубокой приехал он в Лиелварде, в замок
отцовский.

Радостно старый отец приветствовал милого сына.
С первого взгляда заметил старик, что витязь
несчастен.

Спрашивать стал осторожно. И всё ему витязь
поведал.

Молвил старик: «Не отчаивайся прежде времени,
сын мой!

Дивны дороги Судьбы! Не теряй же надежды! Хоть с
виду

Все против Лаймдоты, но, я уверен, она невиновна,

Любит тебя одного и верной тебе остается!»
Лачплесис, выслушав слово отца, стал немного
спокойней.

«⁹⁰⁰ Старому Буртниеку весть послал обо всем, что
разведал

Он по дороге. А сам решил на некое время
В доме отцовском остаться, раздумать в тиши о
дальнейшем.

Но нестерпимую мукой витязя сердце томилось.
Целые дни по крутым берегам он бродил одиноко,
Даугавы волнам вспененным горе свое поверяя.
Вместе с волнами седыми хотел он отправиться в
море,

С северным ветром поспорить, на Севера Дочь
подивиться,
Может быть, Севера Дочь, владычица бурь и
сполохов,

Рану души уврачует, остудит горящее сердце.

«⁹⁰⁰ Так протомился он несколько дней. И внезапно не
стало

Юноши в замке. Никто не видал, когда он уехал.
Также не ведал никто, куда он путь свой направил.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Каупо у святого отца в Риме. — Основание Риги. — Лаймдота
в монастыре. — Бегство Кокнесиса и Лаймдоты из монастыря. —
Лачплесис в Северном море. — Дочь Зимы. — Псоглавцы. — Край
земли. — Алмазная гора. — Зачарованный остров в море*

В Риме старом, вечном Риме,
Где святой отец живет,
Войско рыцарей сзывали
Для похода в Балтию.
Балтию Марии-деве
Посвятил отец святой,
Кровопийцам и убийцам
Дал он отпущение
Всех грехов; чтоб к правой вере
¹⁰ Обратить могли они
Балтии народ несчастный,
Гибнущий в язычестве.
Им на новые убийства
Дал благословение,

Строить каменные замки
Он велел им в Балтии.
Много всяческого сброду
На призыв откликнулось,
Много нищей, безземельной,
²⁰ Хищной рвани рыцарской,
Всюду ужас наводящей,
По дорогам грабящей.

Сам святой отец сегодня
Принял войско рыцарей,
Полководцев им назначил,
Дал своих епископов.
Под конец отцу святому
Двух людей представили.
Это Дитрих был и Каупо,
³⁰ Что пришли из Балтии.
К целованью туфли папа
Допустил паломников,
Через толмачей любезно
С Каупо он беседовал.
Спрашивал его о нравах
И о людях Балтии,
Захотят ли христианства
Благодать принять они.
«Люди нашей веры — братья
⁴⁰ Меж собой! — он сказывал, —
Так и новообращенным
Братьям предоставлено
Будет, наравне со всеми,
Пользованье благами
И щедротами земными,
Что увидел в Риме ты
И в других местах обширной
Западной империи.
Но все эти блага мира —
⁵⁰ Прах, пустяк, ничтожество
Пред блаженством, после смерти
Верных ожидающим! . . .»

Каупо и на самом деле
Ослеплен был сказочным
Блеском и великолепьем,
В Риме им увиденным.

Слабыми ему казаться
Стали боги прадедов
Пред могучим, щедро льющим
60 Миру счастье господом.
И душой пред чуждым блеском
Славный лив не выстоял.
С племенем своим креститься
Дал он обещание.
И святой отец за это
Щедро одарил его;
Милостиво князя ливов
Посвятил он в рыцари;
И к себе его приблизил —
70 В свиту знати избранной.
Наконец, отца святого
Выслушав напутствие,
Рыцарское ополченье
В край балтийский двинулось.
Юношей, что в Рим с собою
Вывез Каупо-вирсайтис,
По монастырям монахам
В обученье отдала,
Был меж ними — ставший позже
80 Знаменитым — Индрикис.

Зиедон вновь пришел. Оделись
Горы, доли зеленью.
Бурно ожила природа,
Славя бога щедрого.
Но с природой не делили
Люди ликования,
Не видали, не слышали,
Как цветет, шумит земля.
Их желанья иные
90 И иные страсти жгли:
Обирать народ несчастный,
Праздно жить и пьянствовать.

Там, где Ридзиня впадала
В Даугаву, там тьмы людей
Рыли, сваи забивали,
Новый город строили,
Окружали крепким валом.

Посредине каменный
Встал собор, покрытый круглым
¹⁰⁰ И тяжелым куполом.
Был у Ридзини возникший
Город назван Ригою.
Под броней соборных черных
Стен епископ Альберт там
Властвовал. Попов с войсками
Рассылал оттуда он.
Убивать, крестить и грабить
Начали в стране они.
Замок Икшкиле и замок
¹¹⁰ Саласпилс построили.
Ужасом объята были
Жители окрестные.
Люди поняли, да поздно,
Что они обмануты
И оплотом стала Рига
Чужаков и хищников.
Не тогда ль о ней сложили
Песню эту горькую:

«Рига, сколько ты убила
¹²⁰ Наших юных сыновей!
Рига, сколько породила
Ты рыданий, стонов, слез!
Рига, сколько потравила
Ты зеленых наших нив!
Рига, сколько ты спалила
Наших гумен и домов!
Рига, сколько осушила
Бочек нашей браги ты!
Рига, сколько истребила
¹³⁰ Ты богатства нашего!
Рига, сколько погубила
Ты народу нашего!
Так скажи: чего же больше
Пожелать могла бы ты?»

А пока над Даугавой
Новый город строился,
Далеко, в земле немецкой,
В некоей обители
Лаймдота в плену томилась,

¹⁴⁰ Ложью из родной страны
Увлеченная и силой
К немцам привезенная.
Ведьма Спидала и Кангар
Злое дело сделали:
Тихой ночью велел к замку
Буртниека пришли они.
Деве Спидала явилась
В виде мертвой матери
И в засаду за собою
¹⁵⁰ Ночью завела ее.
Взяли Лаймдоту, связали
И умчали в Турайду,
А оттуда прямо к морю
Той же ночью вывезли.
И не помогли ни просьбы,
И ни слезы Лаймдоте —
На корабль ее втащили,
Увезли в неметчину.

Приходил в пути к ней Дитрих
¹⁶⁰ Утешать хотел ее.
Говорил, чтоб не боялась,
Что вреда не будет ей,
Что на корабле с ней едут
Многие сородичи
Добровольно и что с ними
Едет Каупо-вирсайтис,
Что на жизнь в немецких землях
Поглядеть хотят они. . .
И что там предreshена ей
¹⁷⁰ Слава несказанная,
Что ее себе в невесты
Избрал Крестус — бога сын.
Но с презрением глядела
Лаймдота на Дитриха.
Гордо дева отвечала,
Коротко, с достоинством:
«Если Крестус твой насильно
Может брать невест себе, —
Хоть была бы я свободна,
¹⁸⁰ Не могла б любить его.
Я обещана в отчизне
Молодому витязю,

На союз любви отец мой
Дал благословение.
Отпусти меня на волю,
Не томи, не мучь меня,
Иначе жених мой, витязь,
Страшно отомстит тебе!
Я же человеческая

¹⁹⁰ Дочь, людьми рожденная,
Никакому сыну бога
Не гоюсь в невесты я!»
Совесьь вытравивший в сердце,
Дитрих, лжец испытанный,
Весь побагровел от злобы,
Услыхав ответ ее,
И, оставя уговоры,
Он покинул Лаймдоту.

Но не облегчилась доля

²⁰⁰ Горемычной пленницы.
Умоляла о защите
Вирсайтиса Лаймдота.
Тот сказал: «Никто не будет
Над тобой насильничать,
Но уж если в край немецкий
Занесла судьба тебя,
Ты останься здесь, покамест
Не вернусь из Рима я»,
По лукавому совету
²¹⁰ Дитриха решил он
Лаймдоту оставить в некоей
Девичьей обители.
Но, ошеломленный Римом,
Ослепленный виденным,
На корабль свой возвратившись,
Он забыл про Лаймдоту.
Дитрих словом не напомнил,
Ибо видел ясно он,
Что за жемчуг драгоценный
²²⁰ Им подарен Западу
И что будут благодарны
Там ему за пленницу.

Настоятельница с нею
Ласкова сперва была,

Лишь надоедала часто,
Муча уговорами
Позабыть богов латышских,
Поклониться Кристусу.
Видя тщетность уговоров,
230 Начала запугивать
Лаймдоту. Отдать грозила
Пленницу какому-то
Графу, он ее своей, мол,
Сделает наложницей.
И, угрозы эти слыша,
Испугалась Лаймдота.
Стало ей к тому ж известно,
Что беспутный родственник
Настоятельница — некий
240 Рыцарь — был в обители,
Что ее он мельком видел
И, пленясь красой ее,
Очень сильно захотел он
Завладеть красавицей.
Ибо, думал граф, для этой
Некрещеной грешницы
Нет защиты и закона
В просвещенном мире их,
Обращаться с нею можно
250 Как бы им ни вздумалось.
Лаймдота просила дать ей
Срок на размышления:
На чудесное спасенье
Узница надеялась.
Минул данный срок. Напрасно
Чуда прождала она.
Поутру она ответ свой
Дать должна игуменье,
От богов родных отречься,
260 Позабыть великие
Книги, что она читала
В древнем замке Буртниеков.
Нет, отрадней смерть, чем это
Страшное решение!
Пала вечером на ложе
Лаймдота в рыданиях,
Умоляла добрых духов
Прилететь на помощь к ней.

В полночь в монастырском замке
270 Страшный шум послышался,
Топот, крики, лязг оружия,
Треск ворот ломаемых.
Ближе гул шагов тяжелых,
Распахнулась дверь ее.
На пороге кельи стали
Люди, в сталь одетые.
Старые монахи, слуги
Замка окружали их,
И один, заплывший жиром,
280 Обратился к рыцарям:
«Если только вы хотите
Взять у нас язычницу,
Отдаем ее с охотой
И благословляем вас.
Много дней она священный
Монастырь поганила!
Забирайте! Увозите!
Только нас не трогайте!»
Настоятельница вызвать
290 Попросила Лаймдота,
Ибо под ее защитой
Здесь она находится.
Но монахи отвечали,
Что сейчас нельзя ее
Вызвать, ибо затворилась,
Устрашась насилия,
В алтаре она со всеми
Остальными сестрами.
Тут железными руками
300 Ухватили Лаймдоту,
Вынесли за стены замка,
Подняли в седло ее
И с добычей поскакали
К лесу похитители.
Но внезапно некий рыцарь
Преградил дорогу им.
Палицей в шипах железных
Тяжко замахнувшись, он
Прогремел им: «Отпустите
310 Девушку, разбойники,
Или палицей своею
Размозжу вам головы!»

Те от неожиданности
В первый миг опешили
И обрушились тотчас же
Все на неизвестного.
Но с неслыханною силой
Он в толпу их врезался,
Отражая град ударов
320 Кованым щитом своим,
Страшной палицей дробил он
Скорлупы железные.
Череп в стальных покрывках
Разлетались вдребезги.
Всех побив, свалил с коня он
И того, кто Лаймдоту
На руках держал. Чеканный,
Тяжкий шлем сорвал с него.
Нечестивца, сына графа,
330 Он узнал в разбойнике.
Грозно молвил: «Пес немецкий!
Знаешь ли, что гордая
Дочь свободного народа
Стольких совершенств полна,
Что любой из ваших графов
Недостоин воду ей
Подавать! Умом высоким,
Красотою светлую
Ни одна в немецких землях
340 Дева не сравнится с ней!
Расскажи своим, бездельник,
Подлецам приятелям,
Что, когда они посмеют
К нам явиться в Балтию,
Так же, как теперь я с вами,
С ними там расправятся!
В этот раз, до новой встречи,
Отпущу живым тебя».
А когда он смолк, очнулась
350 Лаймдота, пришла в себя.
Тяжкий шлем ее спаситель
Скинул с головы своей.
Радости своей не веря,
Под луною полною
Кокнеса перед собою
Лаймдота увидела.

«О, спасибо добрым духам,
Что поспел я вовремя, —
Говорил отважный Кокнес,
³⁶⁰ Девушку приветствуя. —
Но теперь бежим отсюда,
Лучше здесь не мешкать нам.
О своей судьбе тебе я
Расскажу дорогою».

И на двух коней уселись
Кокнесис и Лаймдота.
По лесной тропе поспешно
Поскакали прочь они.
Глубоко в горах, в избушке
³⁷⁰ Бедной кров нашли они.
Там радушно дровосеки
Беглецов приветили.
Отдохнули день и дальше
В путь они отправились.
Молодым оруженосцем
Нарядилась Лаймдота,
Кокнес ехал перед нею
В одеянье рыцарском.
Так они достичь хотели
³⁸⁰ Самой ближней гавани,
Чтоб на корабле попутном
Воротиться в Балтию.
Всё, что с ним случилось, Кокнес
Рассказал дорогою.

Перед ночью велей Кангар
Повстречался с Кокнесом,
Рассказал ему, что Каупо
Едет в земли римские
И перед отъездом важной
³⁹⁰ Вестью должен с Буртниеком
Поделиться. Если ж Буртниеком
Занят встречей с велями,
Кокнес пусть пойдет с ним, чтобы
Весть принять от Каупо.
И пошел, доверья полный,
Кокнес вместе с Кангаром.

В Турайду прибыв, он встретил
Там знакомых юношей,
Что поехать собирались
400 Вместе с Каупо за море.
Проводить до корабля их
Друга звали юноши.
Согласился он охотно.
Сообщил уж после им
Кангар, что, мол, весть от Каупо
Будет только завтра лишь.
На корабль прибывши, гости
Мирно сели завтракать.
Подносил вино им Кангар,
410 Дитрихом даренное.
Пили молодцы напиток,
Прежде им неведомый,
До тех пор, пока глубокий
Сон не пересилил их.
Кокнес, пробудясь, увидел,
Что корабль качается
Средь взволнованного моря.
Небо да вода кругом.
С тяжкой головой, сердитый,
420 Сам себя стыдился он.
Что беспечно, без опаски
Пил вино немецкое.
Против воли на чужбину
Плыть пришлось теперь ему,
А другие утешали,
Говоря, что может он
Сам воочию увидеть
Чудеса заморские.
Кокнес тем был успокоен.
430 С юношами прочими
Он в монастыре старинном
Предался учению.
На досуге посещал он
Ближний замок рыцарский,
И, участвуя в турнирах
И в забавах рыцарских,
Местных витязей дивил он
Силою и ловкостью.
А что здесь, в земле немецкой,
440 Лаймдота, не ведал он.

Но прослышал, что в соседней
Девичьей обители
Плэнница есть молодая,
Девушка из Балтии,
И что графский сын задумал
Тайно увезти ее.
Зная же, какая злая
Доля ждет несчастную,
Он ее решился вырвать
450 Из когтей насильника.
И когда у монастырских
Стен узнал он Лаймдоту,
Гневу не было предела,
Милосердья не было.
Потому он так свирепо
Перебил разбойников
И унизил сына графа,
Оскорбив пощадою.

* * *

«Сколотил отец мне лодку,
460 Мать мне парус выткала,
Чтобы я искать поехал
Дочь Зимы прекрасную.

День я ехал, ночь я ехал,
Дочь Зимы не повстречал.
Гору увидал. Там трое
Великанов мелют снег.

«Добрый день вам, снегомолы!
Где найти нам Дочь Зимы?»
— «Дальше, к северу плывите,
470 Мореходы. Добрый путь!»

День я ехал, ночь я ехал,
Дочь Зимы не повстречал,
Гору увидал. Там трое
Великанов лед куют.

«Добрый день вам, ледоковы!
Где найти нам Дочь Зимы?»
— „Дальше к северу плывите,
Мореходы. Добрый путь!“» —

Так в студеное Белое море
480 Пели корабельщики,
Но сказал им старый кормщик,
Что пути не знает он.
А на этом корабле
Вышел в море Лачплесис,
Чтоб достичь земель немецких,
Чтоб найти там Лаймдоту.
Но по воле урагана,
Их в пути застигнутого,
Лачплесиса корабль вслепую
490 Плавал в море Северном.
Мнилось, будто злые силы
Брали в плен корабль его,
Корабельщиков пугали
Бездн кипящих чудища.
Мгла густая, снеговая
Муть неслась над палубой,
Зерна града, хлопья снега
В паруса хлестали им.

Но однажды там, где небо
500 С морем слито, зарево
Засияло, и ветрило
Из сияния выплыло.
То была на самом деле
Лодка с белым парусом,
И прекрасная сидела
У руля в ней девушка.
К кораблю подплыв, с улыбкой
Девушка промолвила:
«Вы к себе своей прекрасной
510 Песней привлекли меня.
Вот я — Дочь Зимы! А что же
От меня вам надобно?»
Не могли сказать ни слова
Люди потрясенные
И на Дочь Зимы глядели
Молча, в изумлении.
Лик ее снежно-румяный
Словно отсвет сполохов,
А глаза — как свод небесный
520 В ясный день на севере.

Ниже плеч переливались
Косы цвета золота.
Стан ее, высокий, стройный,
В одеянье радужном.
Виллайне белее снега
На плечи накинута.
Не веноч, а шлем блестящий
Был на голове ее.
А на дне ладьи лежало
630 Доброе оружие:
Меч, и щит, и лук, и стрелы
С остриями медными.
В песнях прославляемая,
Такова была она,
Та, что, как гласит преданье,
Управляет бурями,
Та, что, в небо подымаясь
Далеко на севере,
Водит воинов убитых
640 Полчища великие.
И когда они мечами
Блещут, забавляясь,
Люди на земле страшатся:
Мор, война, чума идут...

Лачплесис ей молвил слово.
Рассказал он девушке,
Что они в студеном море,
Заплутавшись, кружатся,
Что хотят они дорогу
650 Отыскать на родину
И что Дочь Зимы могла бы
Дать им помощь в бедствии.
Отвечала та, что трудно
Это будет выполнить,
Ибо редко, очень редко
Удавалось путникам
Выйти из пределов страшных,
Где царит отец ее.
Но теперь ее родитель
660 В ледяном чертоге спит
И еще, пожалуй, с месяц
Будет спать без просыпу,

И пока в ее владеньях
Могут отдохнуть они,
А она для их спасенья
Что возможно сделает.
Выбора не оставалось,
Как совету следовать.
Дочь Зимы плыла на север,
670 Вслед ей — судно Лачплесиса.
Далеко, у края неба,
Где играло зарево,
Высился крутой, скалистый
Остров, льдом заваленный.
И, корабль вкатив на отмель,
Здесь они причалили.
Вышли на берег высокий
Моряки за девушкой.
Замок сказочно роскошный
680 Там они увидели.
Башни, стены замка были
Изо льда прозрачного,
Мимо замка ледяного
Провела их девушка.
Страшной стужею оттуда
Путников обвеяло,
А вдали, за снежным полем,
Дым клубился до неба.
Молча их, маня рукою,
690 Повела туда она.
Долго шли они. Им в щеки
Теплым ветром дунуло.
Поле снежное сменилось
Вешней яркой зеленью,
В зеленеющий, цветущий,
Свежий сад вошли они.
Среди сада был колодец,
В пекло опускавшийся.
Из колодца вечно пламя
700 Извергалось до неба.
Это было пламя сердца
Мира, и одно оно
В сад прекрасный превращало
Середину острова.
Отягченные плодами,
Там стояли яблони.

Под ветвями их журчали
Речки светлоструйные.
Меж деревьев мелькали звери,
610 Птицы пели, щелкали;
Златорогие олени
Мирно на лугах паслись.
Вот ударила хозяйка
В звонкий щит мечом своим —
Отовсюду к ней сбежались
Человечки малые,
Жители предела мира,
Сказочного Севера.
Накрывать столы для пира
620 Дочь Зимы велела им.
Мигом был шатер воздвигнут
И столы дубовые
Сплошь уставлены ковшами,
Блюдами и кружками.
За столы гостей сажала
Дочь Зимы приветливо,
Крепким пивом, старым медом,
Брагой обносила их.
Мягкие в шатре соседнем
630 Ложа были постланы,
Чтоб с дороги отдохнули
Люди утомленные.
В том саду они немало
Дней в довольстве прожили,
Всё, чего душа желала,
В том саду нашли они,
И никто из них не думал
Об отплытье с острова.
Ночь от дня не отличали,
640 Солнышка не видели,
Но давал довольно света
Столп в саду им огненный,
Так что днем одним огромным
День и ночь казались им,

Устоял пред обольщеньем
Славный витязь Лачплесис,
Дочь Зимы просил он к дому
Указать дорогу им.

Дочь Зимы пообещала
650 Указать дорогу им,
Но хотела, чтобы витязь
Выслушал совет ее:
Пусть своей дорогой старой
Он не возвращается,
Так как там подстерегают
Лютые враги его,
И теперь его, наверно,
Погубить удастся им.
Но она ему укажет
660 Новый путь на родину.
Долгий этот путь, опасный,
Но врагам неведомый:
Пусть он землю ту, где злые
Обитают сumpurни,
Всю объедет и по краю
Света выйдет к Балтии.
Сumpurни подобны людям
С мордами собачьими, —
Мясо лишь едят сырое,
670 Пьют лишь кровь горячую.
Эти звери — людоеды,
Злые, кровожадные,
Путников подстерегают
И живьем съедают их.
Но спастись от них возможно,
Только надо задником
Наперед обуь в дорогу
Постолы ременные. . .
А на самом крае света,
680 В глубине пещер, живут
Маленькие человечки.
Зла они не сделают.
И растет там сад, откуда
Солнце поднимается. . .
Небо там стоит так низко,
Что рукой дотянешься.
При восходе солнца надо
Там в пещеры прятаться,
Чтобы не истлеть от жара
690 Солнца восходящего. . .
Полок, вешалок, укладок
В той земле не ведают.

Пообедав, ложки, плошки
Там суют за облако.
На небо вальки бросают,
Отстиравшись, девушки.
Едущим по краю света
Небеса не видимы,
Только океан безбрежный
И безбрежный мрак над ним.
700 А средь океана мрака
Есть гора алмазная,
Ярким светом блещущая, —
Далеко видна она.
Мимо той горы придется
Проплывать им по морю.
Только пусть не пробуют
Подыматься на гору!
Дальше будет снова небо,
710 Снова будет свет дневной,
Там увидят мореходы
Некий остров на море,
Он заманчиво прекрасным
Издали покажется.
Но пускай корабль их близко
Не подходит к острову,
Так как обладает свойством
Остров тот притягивать
Корабли к себе и лодки,
720 По морю плывущие.
Много путников беспечных
Гибель там нашло себе.
Если он в пути со всеми
Справится преградами,
То с другого края мира
В край родной воротится,
Поблагодарил сердечно
Лачплесис хозяйшку
И велел скорей к отплытью
730 Спутникам готовиться.
Те же ехать не хотели
С острова прекрасного,
Но хозяйка им сказала,
Что вот-вот отец ее
Встанет и своим дыханьем
Грозным заморозит их,

Устрашились мореходы,
Поспешили на берег;
В целости нашли корабль свой,
740 Где его оставили,
Но внезапно прокатился
Гром глухой над островом,
С грозным треском откололись
Горы льда от берега.
«Уезжайте прочь! Спасайтесь! —
Дочь Зимы им крикнула. —
Просыпается отец мой!
Буря подымается!»
Тут свои ветрила быстро
750 Мореходы подняли
И умчались с первым свежим
Ветром прочь от острова.
Только скоро этот ветер
Вырос в бурю грозную,
Бушевала вьюга, смерчи
Подымались до неба.
И пловцы в смертельном страхе
Веслами работали,
Чтоб скорее из пределов
760 Урагана выбраться.
Так и этак их швыряли
Волны разъяренные,
Наконец, когда корабль их
К потопленью близок был,
В бухту некую нежданно
Буря их забросила.
Но хотя они покамест
Избежали гибели,
Злополучных ожидали
770 Новые несчастья,
Ибо к области псоглавцев
Волей волн прибило их.

Вот утихли ветры. Море
Зыбь качала мертвая.
Моряки в угрюмый берег
Вглядываться начали.
Их кораблик очень тяжко
Был изранен бурей;

Воду вычерпать, заделать
780 Бреши было надобно.
Та земля была пустынна,
Хмуро-неприветлива,
Лишь паслось оленей диких
Стадо под утесами.
Моряки чинить корабль свой
Принялись не мешкая.
Лачплесис людей с собою
Взял, чтоб поохотиться, —
Вскоре к стаду незаметно
790 Подошли охотники.
Подстрелить двух-трех оленей
Тут им посчастливилось.
Только свежевать собрались
Дичь они убитую,
Как из-за горы внезапно
Гнусный вой послышался.
Волчьей стаей из пещеры
Выбежали сумпурни,
С лаем, с визгом окружили
800 Вмиг они охотников
И в мгновенье ока, в клочья
Разорвав, сожрали их.
Но от них оборонялся
Лачплесис мечом своим.
Сталью острою махая,
Много порубил он их,
А они, как волки, ловко
На него набросились
И жестоко искусили
810 Бедро и бока его.
И едва ли смог бы витязь
Долго им противиться,
Если бы его догадка
Не спасла счастливая, —
К той пещере он, в которой
Жили псоголовые,
Кинулся в мгновенье ока,
Им не дав опомниться;
Там, в пещерном устье узком,
820 Встав, он мог мечом своим
Без труда обороняться
Против стаи яростной.

Сумпурни, увидя это,
Взвыли громче прежнего
И взялись за труд, которым
Устрашили витязя, —
Скалами жерло пещеры
Завалили наглухо,
Замурованным в пещере
830 Оказался Лачплесис.
Долго-долго ожидали
Моряки охотников,
На берег они боялись
Выйти их разыскивать.
Починили, снарядили
К плаванию корабль они,
С берега ж не возвращались
К кораблю охотники.
Вдруг воскликнул старший кормщик:
840 «Вот он! Вот он — Лачплесис!»
На корабль взобрался витязь
В платье окровавленном
И велел без промедленья
Поскорей отчаливать.
Только в море рассказал он,
Как погибли спутники,
Как он сам от смерти спасся,
Как, в пещере запертый,
Долго он блуждал в потемках,
850 Как, увидев трещину
В куполе, своим мечом он
Камни стал выламывать,
Как, прорыв себе лазейку,
Из ловушки выбрался
И к товарищам на берег
Вышел незамеченный.

Долго-долго плыл к востоку
В дальнем море Лачплесис,
Плыл, покамест края света
860 Не достиг корабль его.

Там сошлись земля и небо,
Вечно неразлучные.
Это колыбель народов,
Берега священные.

Там врата небес, и там же
Пекло отверзается.
Дети Перкона куют там
В жарких кузнях золото,
В светлых рощах Солнца зреют
870 Золотые яблоки.
Ночью Солнце отдыхает
Там в алмазной лодочке;
Встанет поутру, а лодка
В море колышается.
Солнце там купает в море
Резвых скакунов своих,
На холме их ждет, златые
Вожжи держит в рученьках.
И живут легко, счастливо
880 Края света жители.
Сердцем чистые, как дети,
Зла они не ведают.
Их соседи, дочери Солнца,
Дети небожителей,
Берегут их от несчастий
И от всякой нечисти.
С корабельщиками долго
Прогостил там Лачплесис.
Много люди увидали
890 В той стране чудесного,
Обласкали их сердечно
Тамошние жители.
Но сады златые Солнца
Были недоступны им —
Ослепляло их деревьев
Огненных сияние.

Но что время плыть им дальше,
Вспомнил витязь Лачплесис,
Потому однажды утром,
900 Когда Солнце, выспавшись,
В золотой своей повозке
Над землей поехало,
Опустил он мачты, чтобы
Не задели за небо,
И за край земли, в глухое
Море мрака выплыл он.

Тьма была так непроглядна,
Так густа над волнами,
Что в лицо один другого
910 Моряки не видели.
Только далеко во мраке
Брезжило мерцание,
И к нему, подняв ветрила,
Повели корабль они.
К берегам горы алмазной
Их корабль приблизился.
Будто солнцем залитая,
Огненными гранями
Ярко та гора блистала,
920 Мраком окруженная.
Вот корабль к горе причалил,
Люди вышли на берег.
Всем узнать хотелось, что там
На горе находится.
Но хоть витязь запрещал им,
Всё ж один ослушался
И на гору влез и крикнул:
«Боже, как прекрасно здесь!» —
И, как бы подхвачен ветром,
930 Улетел, пропал из глаз.
А за ним второй взбирался
И, добравшись доверху,
Крикнул: «Боже, как прекрасно!» —
И пропал за первым вслед.
Не дождавшись их возврата,
Мореходы третьего,
Привязав к веревке длинной,
Отпустили на гору.
На горе и тот воскликнул:
940 «Боже, как прекрасно здесь!» —
И бежать, как оба первых,
Дальше порывался он.
Тут друзьями за веревку
Был он стащен на землю,
Но не мог он им ни слова
Рассказать о виденном:
Онемел. И безъязыким
Навсегда остался он.
У горы алмазной дольше
950 Не промешкал Лачплесис.

Вкруг земли поплыл он дальше...
И дневного света он
Вновь достиг. Теперь препятствий
Не было в пути ему.
Свет сиял. Попутный ветер
Напрягал ветрила их.
Все надеялись, что скоро
Возвратятся в Балтию.
Но однажды ранним утром,
⁹⁶⁰ Только мгла слетела с волн,
На море прекрасный остров
Моряки увидели.
Витязь понял: это остров,
Что с чудесной силою
Корабли притягивает
К дивным берегам своим.
И велел он поскорее
Прочь грести от острова.
Но к земле корабль их неся,
⁹⁷⁰ Словно околдованный;
Наконец со страшной силой
Выбросился на берег.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

*В море, на зачарованном острове. — Три йода. — Старая ведьма. —
Спидала. — Лаймдота и Кокнесис. — Встреча и счастливое
возвращение на родину*

Ведьма Спидала, волшеббой, коварством
Лаймдоту отняв у Лачплеса,
Злобу всё ж свою не утолила,
Зло и дальше причиняла им.
По далеким островам летала
Со старухой-ведьмой Спидала;
В море ветры, бури подымала
И угнала судно витязя
В ледяное Северное море.
¹⁰ Был бы он проглочен бездною,
Если б не пришла ему на помощь
В пору Дочь Зимы любезная.
Но грозил напастью неизвестной
Дивный остров, притянувший их.

Оглядысь на берегу отлогом
Заколдованного острова,
Витязь увидал в скопленье многом
Кораблей и лодок остовы,
Тех, что прежде, проплывая мимо,
²⁰ Были берегом притянуты
И теперь на отмелях лежали,
Обдавал прибой их пеною.
Грудами на берегах лежали
Моряки окаменелые,
И на всем том острове пустынном
Жизни признака не виделось,
Только лес шумел. . . Из леса в море
Мост высокий переброшен был,
На конце ж моста, из моря прямо,
³⁰ Дом большой, прекрасный высился.
Лачплесис с товарищами смело
По мосту пошел и в дом вошел.
Ни живой души, как ни искали,
В доме также не нашли они,
Но на всем печать лежала жизни:
Посреди просторной горницы
Всяческой едой, питьем большие,
Длинные столы заставлены,
А в другом покое, рядом, были
⁴⁰ Мягкие постели постланы.
Моряки не ждали приглашенья —
Сели, пили, ели досыта,
А потом на мягкие постели
Повалились, утомленные.
Упрекнул их Лачплесис за это,
Что, мол, так дела не делают,
Что сначала перед входом дома
На ночь надо стражу выставить,
Ну а спутники его просили,
⁵⁰ Чтоб он сам был нынче сторожем,
Ибо все они перетомились,
Ночь без сна не смогут выстоять.
Взял тогда свое оружие витязь,
Стал на страже на крутом мосту.
Никого вокруг не примечал он,
Остров был объят безмолвием.
Ровно в полночь вдруг раздался топот —
Из чащобы всадник выехал.

Конь перед мостом остановился,
60 Пятился, храпел, шарахался.
Всадник стал бранить коня: «Чего ты
Испугался? Нет здесь недруга!
Только Лачплесис был нас достоин,
Но он кружит в море Северном,
Да и молод — не дорос рассудком,
Чтоб найти в морях дорогу к нам!»
Лачплес отвечал с моста крутого:
«Чепуху ты мелешь, чучело!
Я дорос кой до чего рассудком,
70 У твоих ворот я жду тебя!»
Всадник, бывший йодом трехголовым,
Отвечал с громовым хохотом:
«Если впрямь ты будешь Лачплесис,
Выйдем силами померяться!»
И пошел на остров с йодом витязь.
Рос вокруг непроходимый лес.
«Сдуй-ка этот лес, — промолвил всадник, —
Чтоб просторно было биться нам!»
— «Сам сдувай! Ведь у тебя три глотки!»
80 Иль боишься опозориться?»
Дунул йод, и сразу на три мили
Лес вокруг исчез, как скошенный.
Тут на Лачплесиса йод рванулся,
Так его по шапке треснул он
Палицей, что витязь от удара
Погрузился в землю на четверть.
Но в ответ его мечом тяжелым
С силою ударил Лачплесис,
И одну из трех голов у йода
90 Отхватил одним ударом он.
Размахнулся снова йод свирепый,
Всё же витязь одолел его —
Изловчился, снес вторым ударом
Сразу остальные головы;
Из земли он высвободил ноги,
Спрятал в чаще труп убитого;
Словно ничего и не случилось,
Воротился утром к спутникам.
Ничего не знали мореходы,
100 Поутру, беспечно, веселы,
Пить и есть уселись беззаботно,
Напились, наелись досыта,

Лачплесиса упросили снова,
Чтобы ночь стоял на страже он.
Снова Лачплесис вооружился,
Стал на страже на крутом мосту.
Ровно в полночь страшный видом всадник
Из дремучей чащи выехал.
Сам с собою громко говорил он:
110 «Где ты, братец, запропастился?
Уж не с Лачплесом ли повстречался?
Только быть не может этого!
Заблудился он в студеном море
И оттуда не воротится. . .»
Встав ему навстречу, крикнул витязь:
«Ну и чушь ты мелешь, чучело!
Лачплес — я! Не твоему ли братцу
Я отсек вчера все головы?»
Верховой тот был шестиголовым
120 Йодом. Заревел он яростно:
«Если брата моего убил ты,
Палицею пришибу тебя!
Сдуй-ка этот лес, чтоб место было
Драться нам!» И молвил Лачплесис:
«Сам сдувай, ведь у тебя шесть глоток!
Иль боишься опозориться?»
Дунул йод, и на шесть миль пред ними
Полетел, как пух, столетний лес.
Размахнулся йод своей дубиной,
130 Так хватил по шапке витязя,
Что ушел до половины бедер
В островную землю Лачплесис,
И дрались они друг с другом долго.
Победил под утро Лачплесис
И в густом лесу неподалеку
Скрыл чудовище убитое.
Воротился он домой усталый
И проспал далеко за полдень.
Вечером же спутникам сказал он,
140 Что опять на страже станет он,
Но чтобы они всю ночь не спали,
Чтоб сидели дома, бодрствуя,
Ибо всем, быть может, им придется
Этой ночью помогать ему.
Чистую затем взял витязь чашу,
Налил чистою водой ее.

- Чашу посреди стола поставил
Перед Стабурадзе зеркалом
И сказал: «Когда вѣда в той чаше
150 Чистой до утра останется,
Вы спокойно дома отдыхайте,
Помощь ваша мне не надобна.
Ну, а если ночью станет в чаше
Чистая вода кровавою,
Выходите вы тогда на помощь
Все ко мне, без промедления,
И с собой — смотрите, не забудьте! —
Захватите это зеркало!»
Снарядился он, вооружился.
- 160 Стал на страже на крутом мосту.
В полночь всадник девятиголовый,
Всех страшней, из лесу выехал.
Черный конь его у въезда на мост
На дыбы вставал, шарахался.
Всадник заревел: «Чего боишься?
Что тебя перепугало так?
Если б даже Лачплесис явился,
Братья с ним давно бы справились!»
— «Я убил твоих обоих братьев! —
- 170 Громко с моста крикнул Лачплесис. —
И тебя судьба их не минует.
Вот я — Лачплесис! Я жду тебя!»
Разъярилось чудище, взревело:
«Если ты и вправду Лачплесис,
Силою померяйся со мною.
Выходи! Сдуй лес на острове!»
— «Девять крепких глоток ты имеешь,
Сам сдувай!» — ответил Лачплесис.
Дунул йод, что буря заревела,
- 180 Сдул столетний лес миль на девять,
Налетел на витязя, по шлему
Так его ударил палицей,
Что забил его одним ударом
В островную землю по пояс.
Рубанул по шеем йода витязь,
Три башки мечом срубил ему.
И еще раз йод его ударил,
В землю он забил по грудь его.
И опять ударил йода витязь,
- 190 Три башки еще срубил ему.

Долго они бились, истомились,
Под конец из силы выбились.
Уж одна башка торчит у йода,
До подмышек в камне Лачплесис.
С нетерпеньем богатырь подмоги
Ждал обещанной от спутников,
Но они давно спокойно спали,
Позабывши про наказ его. . .
Развернулся витязь из последних
²⁰⁰ Сил, за мост забросил палицу,
И она, три мили пролетевши,
Дверь двойную в доме вышибла.
И от грохота проснулись люди,
Разом повскакали на ноги,
Увидали — в чаше кровь клокочет,
Через край переливается.
Взяв оружие, дружно побежали
По мосту на помощь Лачплесу.
И в тот миг, когда ударом новым
²¹⁰ В землю йод хотел загнать его,
Люди витязю подать успели
В руки Стабурадзе зеркало.
Йод, увидев зеркало, на землю
Пал, окаменел от ужаса,
Выкопали Лачплесиса люди,
На ноги его поставили.
Встал он, отрубил мечом тяжелым
Йоду голову последнюю,
Крепко выбранил за ослушанье
²²⁰ Беззаботных сотоварищей.
«А теперь, — сказал он им, — мы будем
Властвовать над этим островом!
Только вдоль и поперек сначала
Мы не раз должны пройти его.
Может быть, еще у братьев йодов
Есть на острове сообщники!»

Два-три дня спустя, как только витязь
После боя поправился,
Он пошел с товарищами вместе
²³⁰ Землю новую осматривать.
Долго лесом шли они и вышли
На цветущую поляночку.

Посреди поляны был колодец,
А над ним густая яблонька.
Бросились к колодцу мореходы:
Все они томились жаждою.
Но дорогу преградил им витязь,
Запретил им эту воду пить.
Трижды по колодезному сруб
240 Он мечом ударил, вырубил
Треугольник. И в колодце кровью
Сделалась вода прозрачная.
В глубине ж колодца — что за диво! —
Стоны тяжкие слышались.
Но уже через мгновенье стоны
Стихли в глубине колодезной,
Улеглась густая муть, и влага
Стала, как янтарь, прозрачною.
«Ну теперь, — промолвил витязь, — пейте!
260 От воды вреда не будет вам».
А на яблоне над тем колодцем
Рдели яблоки румяные.
Люди, жажду утолив, хотели
Подойти, сорвать по яблоку.
Снова силой удержал их витязь,
Чтобы яблок тех не трогали.
Размахнулся он, хотел ударить
По стволу ее мечом своим.
Вдруг листвою она зашелестела,
280 Молвила: «Не убивай меня!»
И в тот же миг, как витязь изумленный
Отшатнулся прочь от яблони,
Дерево вдруг девушкою стало —
Молодою и прекрасною.
Онемевший, на нее глядел он
В несказанном изумлении.
То была виновница всех бедствий,
Враг его заклятый — Спидала!
Девушка к ногам его упала,
270 Умоляла пощадить ее;
Обещала до скончанья жизни
Больше зла не делать витязю.
Причиненный вред клялась исправить,
Искупить клялась вину свою.
Хоть словам ее и не поверил,
Всё же витязь пощадил ее:

Богатырь, чудовищ поражавший,
Воевать не станет с женщиной.
Спидала во всех своих злодействах
280 Повинилась и поведала,
Как она и Кангар заманили
В сети Лаймдоту и Кокнеса,
Но что друг и милая невеста
Всюду и всегда верны ему.
Ведьма та, которую когда-то
Видел витязь в яме Чертовой,
Колдовала здесь, притягивала
Корабли и лодки к острову,
Моряков же в глыбы каменные
290 Превращала ведьма старая.
Были сыновьями ведьмиными
Йоды, Лачплесисом убитые,
И порой, когда полакомиться
Им хотелось человечиною,
Им на завтрак оживляла она
Двух ли, трех ли корабельщиков.
А как сыновей ее убил он,
Обернулась ведьма старая
На пути его лесным колодцем,
300 Спидала же — дикой яблоней.
Если б из колодца люди пили
До того, как трижды Лачплесис
Надрубил его, то все они бы
Тут же в страшных муках умерли.
Но колдунья от его удара
Умерла на дне колодезном.
То б и с ней, со Спидалой, случилось,
Если б он не пощадил ее.
«Лачплесис, ты победил! — в глубоком
310 Молвила она волнении. —
От чудовищ, сумпурней и йодов
Боги Балтии спасли тебя.
Но теперь в отчизне нашей милой
Ждут тебя труды великие.
Знай, пока ты по морям блуждаешь,
Чужаки терзают родину!
Воротись в родимые пределы,
Разгони толпу насильников!
Как бы я помочь тебе хотела,

320 Если б я была свободною,
Если б я была чиста душою,
Как твоя невеста Лаймдота!
Но никто не сможет воротить мне
Договор мой вечный с дьяволом,
Что сама писала я когда-то
В страсти гнева кровью собственной!»
Кончила; закрыв лицо руками,
Горько Спидала заплакала.
Лачплесис теперь не сомневался

330 В искреннем ее раскаянье.
И внезапно в этот миг он вспомнил
Про неведомую грамотку,
В свиток свернутую, что когда-то
Он унес из ямы Чертовой.
С корабля принести велел он свиток,
Отдал свиток в руке Спидале.
Спидала, едва его увидя,
Вскрикнула в великой радости,
Горячо благодаря, припала

340 Вновь она к коленям витязя:
«Лачплесис! Всю жизнь мою тебе я
Отдаю, хочу служить тебе!
Это договор мой с темной силой,
Кровью собственной подписанный.
Вместе с ним вернул ты мне свободу,
Вырвана из власти пекла я.
Я сожгу проклятый этот свиток,
И всю жизнь стремиться буду я
Делать доброе усердно так же,

350 Как доньше злое делала!»
И она достала из колодца
Колдовскую клюшку ведьмину,
Ту, которой страшная старуха
Оживляла корабельщиков.
Долго Спидала с клюкой ходила
От ладьи к ладье по берегу,
Трогала клюкой окаменелых —
И живыми стали мертвые.
Им казалось, что они проспали

360 Только ночь на этом острове.
Радостно они с высоких палуб
Толпами сходили на берег.

Лачплесис приглядывался зорко,
И с великим изумлением
Он узнал среди толпы оживших
Друга Кокнеса и Лаймдоту.

* * *

Как освободил из рук злодейских
Лаймдоту отважный Кокнесис,
Долгий путь пройдя, они достигли
370 Наконец морского берега
И увидели корабль, поднявший
Паруса пред дальним плаваньем.
Должен он был некий новый город
Посетить при устье Даугавы.
Кокнесис и Лаймдота не знали
Ничего о новом городе,
О родных, о милых сердцу также.
Как живется им, не ведали. . .
Потому-то им и не терпелось
380 Поскорей попасть на родину.
Но не сразу всё ж сбылось, не скоро
Их горячее желание.
И на них дорогою наслала
Ветры, бури ведьма старая.
Заблудился их корабль в тумане,
Без пути носился по морю.
Долго-долго в море проблуждавши,
В некий день пловцы увидели
На краю небес красивый остров
390 И корабль к нему направили.
Приближаясь к острову, корабль их
Мчался, как гонимый бурей,
Всё быстрее и с неудержимой
Силой выбросился на берег.
С берега пловцам навстречу вышла
Бабушка с лицом приветливым,
Повела их всех с собою по мосту
В дом и славно угостила их.
Угостившись, воротились люди
400 На корабль свой и уснули там,
И глубоким спали сном, покамест
Спидала не разбудила их.
О, какая радость обуяла
Их сердца при встрече с витязем!

Кокнес обнимал его. Припала
Лаймдота к плечу любимого.
И когда к ним речи дар вернулся,
Начали они рассказывать
Обо всем, что в странствиях далеких
410 Пестрая судьба дарила им.
И исчезла в сердце Лачплесиса
Тень последняя сомнения.
Новой клятвою незыблемой
Был скреплен союз великий их.
Спидала лишь в стороне стояла,
В радости их не участвуя.
За руку тогда ее взял витязь
И к друзьям своим подвел ее.
Рассказал, что лишь ее стараньем
420 Были оба спасены они.
И наперебой благодарили
Лаймдота и Кокнес Спидалу,
Горячо ее упрашивали,
Чтобы к ним вошла в содружество.
И сердечно им пообещала
Быть их вечным другом Спидала
И в грядущем, что бы ни случилось,
Вместе быть в беде и в радости.

Спидале чудесный этот остров
430 Хорошо известен раньше был,
И отныне добрым провожатым
Стала Спидала друзьям своим.
Этот остров в море безымянном
Был богат землею тучною.
Пожелали там навек остаться
Многие из корабельщиков.
Лачплесис, ту землю взявший с бою,
Сам и править ею должен был.
Потому, чтоб навести порядок,
440 Задержался он на острове.
А когда обжили остров люди,
Он назначил им старейшину.
Четверо друзей всё это время
Жили в доме йодов за мостом.
Тайники и склады все в богатом
Доме ведьмы знала Спидала,

* Tācē

Laihu ir mūžība - Arpusi gi laika šķirtulē citu
Kāda mūžību domāties, aplama ticība būtu. -

111 Cilvēce pati tamēr par sevi, bez gala laiku
cilvēku pasaulē esiem, kas gan šķietis tos gadus
ekspānā, pirmās cilvēku kād pasaulē atpēta aris
Un kas notāis to dienu, kad pēdīgais aris aris? ?

112 Bet tad viņa vairs netic šāveem bijuseem Dieveem,
kurš tai izlēcis gēmi, - viņa izvilās sevim
augstākus Dievus jaunu brīnītā ticību un tā
Pirmajā velēk par mānu ticību palekti. -
Es mu ir darba laukis cilvēces draugiem aizstāvis, sargāt
Tautas no malīģām ticībām, kurās brīvības garu
Malīģinat šēnas un grogas tik zināmām kārtām par labu.
Tautas prāts ir Dievu prāts. - Viņai ir tiesība par ai
Tācē mādānus saurus un arī valdānus eccēl,
Bet ja velēte mādāni nepilda tautiskū prātu
Un tēl sava labama dāgas kārtas vaj wisu
Tautu grib no spēsēt, tāstai tad ir pilnige wera,
Un hi moderigū citus kalpus, mādānus atēcl. -
Brīvības milotājiem, ce atkal darba laukis radās
Tautam labus likumus pasmeēt, kas apsarģe wisu
Locēlha mantu un brīvību dibinātū un augstānu
Cilvēces tikumeem, nepahgrozāmeem likumeem dāha.

Полные несчитанных сокровищ
Кладовые отперла она.
Также и припасов им хватило б
460 На сто лет для пропитания.
Если бы всего дороже в мире
Не была им только родина,
То они совсем бы жить остались
На прекрасном этом острове.
Но не такова была их доля —
Беззаботно, в счастье век прожить.
Властно их звала к себе отчизна,
Радость, горе и борьба ее.

* * *

В некий день, когда совсем был собран,
460 Оснащен корабль к отплытию
И давал уже наказ последний
Лачплесис всем остающимся,
Шел без цели, думами объятый,
Кокнес под вечер по острову
И достиг поляны, где в колодце
Околела ведьма старая.
И заметил Кокнес издалека
У колодца пламя малое.
Подойдя, он Спидалу увидел,
470 Около костра стоящую.
Разглядел: она в руках держала
Свиток и клюку узорную.
Бросила в огонь клюку и свиток
И сама себе промолвила:
«Уходите прочь, развейтесь вихрем,
Как летучий дым исчезните!
Ваша власть бессильна надо мною,
Навсегда от вас свободна я!»
В то ж мгновенье столб огня огромный
480 Из костра со свистом вырвался,
Превратился в огненного змея,
Сгинул, рассыпаясь искрами,
И потух костер тот у колодца,
Дол покрылся мягким сумраком.
Спидала на землю опустилась
И, казалось, тихо плакала.

В это время Кокнес подошел к ней
И, подняв с земли, спросил ее:
«Почему, сестрица, ты в печали?»
400 «Почему в слезах глаза твои?»
Спидала смутилась, но, поднявши
Голову, ему ответила:
«Вновь на будущее я надеюсь.
Эти слезы — слезы радости.
Верю я, что жизнь начну сначала,
Темное забывши прошлое.
В тайне сохрани, чему сегодня
Был свидетелем ты, Кокнесис!
Скоро мы расстанемся навеки,
600 Но тебя не позабуду я».
За руку ее схвативши, Кокнес
Слово вымолвил сердечное:
«Ведай, Спидала, твою я тайну
Навсегда похороню в себе.
Что мне прошлое? Я знаю только
Избавительницу милую!
Но теперь тебе я неотложно
Должен вверить тайну некую.
Если сердцем ты ее услышишь,
810 Никогда мы не расстанемся.
Спидала, иди со мною в жизни
Вечно вместе! Я люблю тебя!»
Спидала, то слыша, побледнела,
Часто подымалась грудь ее.
«Кокнес, знаешь ли, — она спросила, —
Кем была твоя любимая?
Договор свой с силою нечистой
Я сожгла сегодня вечером».
— «Знаю, — тихо ей ответил Кокнес, —
820 Видел я, как нечисть сгинула,
Но кто пал и снова встал, тот крепче
Не изведавших падения! . . .»
А пока она раздумывала,
С грустью говорил ей Кокнесис:
Коль его любовь отвергнутою
Остается, лучше было бы,
Если б он всегда лежал на взморье
Бездыханной глыбой каменной. . .
И, уж не раздумывая больше,
830 Спидала ему ответила:

«Если так любовь твоя прекрасна,
То и я хочу любить тебя!
Не могу иначе! Буду верной,
Любящей везде всегда тебя!»
Кокнес крепко обнял ее, слезы
Осушая поцелуями.
Нежным ветерком их обвевало
Лаймы-Матери дыхание.
Рано поутру корабль свой Лачплес
540 Колыхаться по волнам пустил.
Рухнули все чары ведьмы старой,
Плыл корабль по воле кормщика.
И в любви своей друзьям открылись
В море Спидала и Кокнесис.
Радовались Лаймдота и Лачплес
Счастьем их, друзья их милые.
Пережитые в скитаньях дальних
Позабыты были горести,
И одно у всех желанье было:
850 Поскорей попасть на родину.
И в пути помех им не встречалось,
Ветры, бури их не трогали,
Будто Мать морей, попутно вея,
В плаванье оберегала их.
Наконец на дальнем крае неба
Поднялись леса сосновые,
Берега росли и приближались,
Вплыл корабль их в устье Даугавы.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Праздник Лиго, ночь Лиго. — Собрание старейшин. — Лачплесис с товарищами на собрании. — Свадьба. — Война с немецкими рыцарями. — Лачплесис в Лиелварде. — Предатели Кангар и Дитрих. — Смерть Лачплесиса

Раз в году приходит Лиго
Гостем в край детей своих,
И над Латвией в то время
«Лиго! Лиго!» — слышится.

Щелкай над речной излучкой
Ласковой, соловушка!
Праздник Лиго, полночь Лиго
Снова воротились к нам.

Как костры пылали ярко
10 Над горою Синею!
Как рога трубили звонко,
Созывая родичей!
Шли на зов отцы и деды,
Юноши и девушки.
Старцы мед несли и пиво,
Жены — угощение,
Молодежь — цветы и травы
И венки весенние.
Все венками украшались
20 На великом празднике,
Пили, ели, песни пели,
Утешались плясками.
Жертвенники возжигали
Лигусоны важные,
Хмельный мед на пламя лили,
Масло ароматное.
И пока светло пылало
Пламя благовонное,
Всем народом запевали
30 Песню восхваления:

«Будь всегда к нам милостивым,
Лиго, Лиго!
От друзей тебе спасибо, Лиго!
Освяти хозяйство наше,
Лиго, Лиго,
Полни клетки, полни чаши, Лиго!
На коне своем красивом,
Лиго, Лиго,
Объезжай поля и нивы, Лиго!
40 Сохрани их от потравы,
Лиго, Лиго!
Дай лугам густые травы, Лиго,
Дай лугам густые травы,
Лиго, Лиго,
Нашим телкам корм на славу, Лиго!
Дай овса нам в изобилье,
Лиго, Лиго,
Чтобы кони сыты были, Лиго!
По горам и по долинам,
60 Лиго, Лиго,
Рассыпай свои цветы нам, Лиго!

Чтоб сплетали наши дочки,
Лиго, Лиго,
Из цветов своих веночки, Лиго!
Дай парням невест хороших,
Лиго, Лиго,
Работающих и пригожих, Лиго!
Дочкам добрых дай любимых,
Лиго, Лиго,
80 Пахарей неутомимых, Лиго!
Навести в зеленых селах,
Лиго, Лиго,
Детушек своих веселых, Лиго!
Сохрани их от печалей,
Лиго, Лиго,
Чтоб тебя мы вспоминали, Лиго!
Чтобы мы тебя любили,
Лиго, Лиго,
Никогда не позабыли, Лиго!»

70 А когда той песни звуки
Лес и дол наполнили,
Появились в древней роще
Под дубами темными
Тени прадедов умерших,
Добрых покровителей.
Вайделоты, лигусоны
Славных духов видели
И, почтительно склоняя
Головы, встречали их. . .
90 Вайделот меж тем старейший
Поучал собравшихся
В дружбе жить, держаться вместе
В крепком единении,
Помогать друг другу в бедах,
Защищать в несчастиях.
Руки подали друг другу
Юные и старые,
Радостно клялись друг другу
В дружбе меж собою жить.
90 Враждовавшие спешили
Поскорее встретиться,
Заключали мир навеки,
Позабыть вражду клялись.

Предками благословенный,
Под горою Синею
Пировать народ садился
Пред лицом богов своих.
Матери и жены пищу
Роздали собравшимся;
160 Чаши с брагой да кувшины,
Пивом пенным полные,
Двигались от ряда к ряду
По кругам пирующих.
Блюда пирогов и сыра
Шли вослед за чашами.
За едой вели соседи
Разговоры дельные.
Мужи здесь мужей встречали —
Братьев и соратников,
110 Жены здесь подруг встречали,
Живших в отдалении.
Деда древние встречали
Стариков, с которыми
Вместе выросли когда-то
И дружили в юности.
Но всех больше праздник Лиго
Молодым был по сердцу:
Про любовь, гурьбой собравшись,
Хором пели юноши.
120 На любовь не отвечая,
Девушки лукавили,
Но любви желала в тайне
Каждая и думала:
«Скоро ль долгожданной встречи
С милым час приблизится?»
Ближе, ближе подходили
Парни к хору девушек,
Тут свою мгновенно каждый
Подхватил избранницу,
130 И уж вместе все веселый
Общий танец начали.

На пригорке, под священной
Сенью дуба древнего,
Собралися вайделоты,
Всех племен старейшины.

Среди них был мудрый Буртниец
И почтенный Айзкрауклис,
Куниг Лиелварды позднес
Присоединился к ним,
¹⁴⁰ Были сумрачны их лица,
Разговор нерадостен.
В знаках рун они читали
Черные пророчества.
Был особенно печален
Старый куниг Лиелвардский;
Поприветствовав сердечно
Стариков-товарищей,
Стал в их круге и такие
Вести он поведал им:

¹⁵⁰ «Вижу я, старейшины,
Вы еще не знаете,
Что беда нависла грозно
Над свободной Балтией.
Что у Даугавы на взморье
Пришлые торговые
Люди с позволенья ливов
Город свой построили.
Позже каждую весною
Приплывали с запада
¹⁶⁰ Воины, закованные
В панцири железные.
Стал теперь тот новый город
Крепостью могучею.
Крепостями также стали
Саласпилс и Икшкиле.
И отоль враги, как звери,
На охоту вышедши,
Поначалу, как лисицы,
Добрыми прикинутся,
¹⁷⁰ А потом, как злые волки,
На людей бросаются.
И теперь пришельцы эти
Разоряют начисто
Землю ливов, жгут их нивы,
Грабят их селения,
Истязают, убивают
Всех, кто им противится,

Остальных в чужую веру
Обращают силою.

¹⁸⁰ Лютый замысел лелеют:
Захватить всю Балтию,
Подчинить навеки гнету
Нивы наши вольные,
А народ ее свободный
Превратить в рабов своих.
И однажды возвестили
Мне мои дозорные,
Что отряд людей железных
Подъезжает к Лиелварде.

¹⁹⁰ Я велел вооружиться
Всем, кто в замке был со мной,
Сам с мечом в руках и в латах
Стал перед воротами.
Коротко спросил я пришлых,
Что у нас им надобно.
От отряда отделился
Некий рыцарь. Молвил он:
«Даньел Баннеров зовусь я!
Прислан я епископом,

²⁰⁰ Чтoб занять твой старый замок,
В долю мне доставшийся.
Если ты добром уступишь,
То тебе позволю я
В деревянном старом доме
Мирно дни дожить свои,
Для себя же я построю
Рядом замок каменный.
Жителей в селеньях ваших
Обложу я податью.

²¹⁰ С каждого двора себе я
Часть возьму десятую
И для церкви — десятину
От посева всякого,
От порубки и запашки
Десятину стребую».

Разумеется, отверг я
Предложенье дерзкое,
И за это был разрушен
Старый дом отцов моих,

²²⁰ Люди в доме перебиты,
А добро разграблено.

Сам же с маленьким отрядом
Уцелевших воинов
В крепость Гауи ушел я,
Приютил нас Дабрелис.
Несколько старейшин наших
Там нашли убежище
Со своими воинами.
Замок окопали мы
²³⁰ Валом, рвами окружили,
В замке том решили мы
Крепкий дать отпор пришельцам,
В нашу землю вторгшимся.
Но епископ Рижский Альберт,
Извещенный Даньелом,
Войско рыцарей большое
Выслал к замку Гауи.
Шел на нас с немецким войском
Каупо сам из Турайды,
²⁴⁰ Узы кровные забывший,
В Риме окрестившийся,
Подружившийся с врагами
На погибель родине.
И теперь с врагами вместе
Осадил он замок наш,
И вождей старейших наших
Сгал он уговаривать,
Чтоб они богов забыли,
В Крестуса поверили.
²⁵⁰ Мол, великий папа римский
К ним прислал наместника,
Мол, наместник будет с ними
Справедлив и милостив,
Как отец с детьми своими,
Коль добром решат они
Новой власти подчиниться.
А когда с высокого
Вала замка куниг Русинь
Отвечать хотел ему
²⁶⁰ И, как принято издревле,
Кунью шапку снял свою,
Некий латник иноземный
Выпустил стрелу в него.
И стрела вонзилась прямо
В лоб открытый Русиня.

Замертво, не молвив слова,
Пал на землю вирсайтис.
Гневом нас зажгло великим
Это дело мерзкое.
270 Грозно мы с крутого вала
Ринулись на рыцарей,
И побили их, и к ночи
В бегство обратили их.
Но пришли на помощь вскоре
К ним отряды новые.
Отступить пришлось обратно
Нам за насыпь крепости.
Там врагов мы отражали
Много дней и месяцев,
280 Наконец могучий замок
Пал под вражьем натиском.
Хоть сражались, как герои,
Крепости защитники,
Все погибли, обагряя
Кровью насыпь крепости,
И теперь врагам открыта
Вся земля латышская.
Говорят, что снова Альберт
Собирает полчища.
290 Братья! Все ли вы слышали
Весть мою печальную?
Час придет — и волей неба
Счастье к нам воротится!
Есть еще в отчизне руки,
Нам мечи кующие,
Есть еще в отчизне руки,
Меч держать могущие.
Так трубите в трубы, бейте
В барабаны, родичи!
300 Чтобы снова весь народ наш
Был готов, как издревле,
Умереть или свободу
Отстоять от недругов!»

А пока старейшины
Вести злые слушали,
Песни праздничные Лиго
Стихли по окрестностям,
В чаще загремели клики:

«Лачплесис! Наш Лачплесис!»

⁸¹⁰ И, сопровождаем шумным
Общим ликованием,
У костра в священной роще
Появился Лачплесис.
Своего отца сердечно
Обнял он, и радостно
Были встречены отцами
Лаймдота и Спидала.
Кокнесис, как подобает,
Стариков приветствовал.
⁸²⁰ И забыто было горе,
Радость охватила всех:
Если Лачплесис вернулся,
Не страшны опасности.
Но всех больше радовались
Старики почтенные,
Вновь детей своих живыми
Видя и здоровыми.
Лачплесис со спутниками
Сел среди собрания,
⁸³⁰ Выслушал он все рассказы
О событиях в Балтин.
Гневом взор его светился,
Сердце клокотало в нем.

Вайделоты объявили
Празднество оконченным,
Пожелав всему народу
Доброй божьей помощи,
Всех собравшихся дарили
Светлыми надеждами,
⁸⁴⁰ Заклиная, если надо,
Жертвовать для родины
И добром своим, и жизнью,
Люди по домам своим
Разошлись задумчивые:
Знали все, что скоро им
Грудью собственной придется
Край родной отстаивать.
Но еще не расходилось
Вирсайтов собрание,
⁸⁵⁰ Солнце встало и застало
Их в кругу сидящими.

Дружно все они решили
Воевать с пришельцами:
Иль изгнать всех немцев, или
Истребить их дочиста.
На мечях своих друг другу
В этом поклялись они.
Старики вождем военным
Лачплесиса выбрали,
860 А его помощниками —
Талвалда и Кокнеса.
И, поклявшись боевою
Клятвою великою,
Гору Синюю седые
Старики покинули.
Лиелвард, Лачплес, Кокнес, Талвалд,
Айзкрауклис и Спидала
С воинами проводили
Буртниека и Лаймдоту.
870 В замке Буртниека решили
Обе свадьбы праздновать,
Молодых благословили
Их отцы и вайдлоты.

* * *

«Что сидишь ты, мой веночек,
Криво на головушке?
Покривили мой веночек
Пересуды праздные.

Как носила я веночек,
Лаймини не знала я,
880 А как сняли мой веночек,
Кланяться ей стала я.

Милый, в клетки камышовой
Гвоздь забей серебряный,
Чтобы было где повесить
Мой веночек бисерный!

Скачут молодцы чужие,
Кони ржут и топают.
А проскачут наши братья,
Сабли грозно звякают,

390 Скакуны под ними пляшут,
На дыбы взвиваются,
Ворота пред их мечами
Сами открываются».

Так родня невесты пела
Возле замка Буртниека,
Наконец к воротам сваты
Весело подъехали.
С провожатыми явились
Лачплесис и Кокнесис,
400 По обычаям старинным
Словно незнакомые,
Для себя прося ночлега
И для скакунов своих.
Их допрашивали, встретив
Во дворе, с пристрастием:
Что за люди, и откуда
Едут, и куда они,
Да и можно ли пустить их
Как гостей в хороший дом?
410 Наконец сам старый Буртниека
Пригласил их в горницы.
Там уже столы для пира
Были приготовлены.
И стояли там два кресла,
Пышно разукрашенных.
Оба жениха уселись
В эти кресла, требуя,
Чтобы им показывали
Самых лучших девушек.
420 Многих девушек с поклоном
Гости подводили к ним,
Прочь они их отсылали,
Самых лучших требуя.
Наконец-то подвели к ним
Лаймдоту и Спидалу,
Были в праздничных одеждах,
В дорогих венках они,
Крупным жемчугом расшитых,
Золотом украшенных.
430 Встали женихи, сказали:
«Эти — настоящие!» —

В кресла вежливо, с поклоном,
Усадили девушек
И продать свои веночки
Стали их упрашивать.
Мол, и золотом, и медью
Заплатить могли б они.
Девушки в ответ молчали.
Отвечали родичи,
440 Что нельзя продать веночки
И за пуру золота,
Что нельзя забрать веночки
Ни войной, ни силою.
Всё же скоро сговорились
С женихами родичи, —
Свято охранять веночки
Взявши слово с юношей,
Отдали с венками вместе
Им обеих девушек.
450 И явились вайделоты
И благословили их,
Руки их сложили вместе,
Лайме поручили их.
Хмелем и листом дубовым
Головы осыпали
И, над ними простирая
Руки, говорили им:
«Как в лесу хмелинка вьется
Вкруг ствола дубового,
460 Обовьется пусть невеста
Так вокруг любимого!»
Женихи гостям подарки
Свадебные роздали,
А невесты со слезами
Отдали веночки им.
Женихи взамен им дали
Бархатные шапочки,
Мехом отороченные,
Серебром расшитые.
470 За столы уселись гости
Вместе с новобрачными,
И пошел тут пир горою,
Пир веселый, свадебный,
С песнями и с удалыми
Играми и плясками.

Всё же старый Буртник раньше
Пир окончил свадебный,
Чем, бывало, по обычьям
Прадедовским принято.
480 Не пришлось молодоженам
Счастьем молодым своим
После свадьбы в тихом доме
Насладиться досыта.

Вновь судьба неумолимо
Разлучила витязей
С милыми и в бой послала,
Где мечи ломаются,
Где от жаркой алой крови
Люди мокры по пояс.
490 На холмах окрестных трубы
Грянули военные,
И на всех горах высоких
Пламенища вспыхнули.
То был знак всему народу
К бою изготавиться.
И по всем домам и селам,
По зеленой Латвии,
Перед битвой снарядились
Удалые юноши,
500 Опоясались мечами,
Сели на коней своих.
Жены, сестры и невесты
Шапки их высокие
Украшали, с пеньем, с плачем
Провожая воинов.
И по всем дорогам вскоре
Поскакали витязи,
На ночлег вставали в рощах
Шумными отрядами,
510 Дружно, толпами съезжались
К месту сбора общего.
А когда на месте сбора
Появился Лачплесис,
Возгласами: «Ликоп! Ликоп!» →
Грянули окрестности.
Буртник, Лиелвард и другие
Провожали витязя,

Laçplésis,

Latvju tautas varonis.

Tautas épus.

Pec tautas teikám sacerejla

Pumpurs.

— 603 —

Rigá.

B Dirika un boedrá spgadibá

К войску присоединились
Славные старейшины.
820 Даже жены молодые —
Лаймдота и Спидала —
Не остались дома, вместе
С воинством в поход ушли.
Где оврагами лесными
Глубоко разорваны
Гауи берега, там много
Возвышалось крепостей,
Обнесенных насыпями,
Рвами опоясанных,
830 Населенных племенами
Вольными латышскими;
В те лесные дебри войско
Лачплесиса двинулось,
И везде, где основались
Выходцы немецкие,
Словно гнезда змей, те замки
Выжигались начисто.
Замка Дабреля достигло
Воинство латышское.
840 Много в замке том засело
В черных латах рыцарей.
Этот старый замок немцы
Укрепили заново.
Всё же Лачплесис ворвался
В крепость неприступную,
Много немцев в этой битве
Потеряло жизнь свою.
Дальше, дальше, как стремнины
Вод неудержимые,
850 По лесам и по долинам
Шли дружины витязя.
Наконец они достигли
Замка Каупо в Турайде.
Всюду здесь на землях ливов,
В хуторах, в селениях,
След немецкого был виден
Хищного владычества.
Золотились, колосились
Ливов нивы тучные;
860 Ливы сеяли, а немцы
Брали урожай себе.

На лугах паслись коровы,
Телки, овцы жирные;
Чужаки их мясо ели,
Продавали шкуры их.
Под защитой замков церкви
Крестonosцев выросли.
В церкви те людей сгоняли
Немцы — и крестили их.
570 В рабство всех крещеных ливов
Обратили пришлые,
Обложили население
Тяжкими поборами.
Те же, что верны остались
Дедовским богам своим,
По глухим лесам, по дебрям
Непролазным прятались,
Вырубали, выжигали
Новины заветные.
580 Строились в лесных трущобах
И молились Перкону.
Но и здесь их настигали
Рыцарей разведчики
И опять их облагали
Непосильной податью.

А когда на землю ливов
Вышел с войском Лачплесис,
Испугались чужестранцы,
Бросили имения
590 И дома свои и в замке
Турайды попрятались.
Лачплесис тот крепкий замок
Окружил осадюю.
Но нелегким дело было
Взять твердыню Турайды:
Очень много меченосцев
Заперлося в крепости,
Тучи стрел они метали
В осаждавших воинов.
600 Лачплесис велел народу
Лестницы сколачивать,
И по ним на стены замка
Поднялись воители.

Закипела битва насмерть
На высоких насыпях:
Бились тяжко, отступали
Та и эта стороны.
Звон железа, стоны, крики
Окрест раздавались.

⁶¹⁰ Впереди своей дружины
Бился славный Лачплесис,
Сокрушая беспощадно
Меченосцев панцирных.
Испугалось силы грозной
Войско чужеземное
И пощады запросило,
Побросав оружие.
Сам владелец замка Каупо
В это время в Риге был,

⁶²⁰ Где подолгу проживал он
Гостем у епископа.
Лачплесис его берлогу
Разорить дотла велел,
Церкви и монашьи кельи
Сделать пепла грудюю,
Чтобы впредь пришельцам чуждым
Не было пристанища!
Немец Дитрих, льстец коварный,
В замке был средь рыцарей.

⁶³⁰ Лачплесису говорил он
Лживым языком своим,
Что сюда явились немцы
По желанью Каупо,
Им, гостям своим, хозяин
Предоставил замок свой
И просил, чтоб как гостям им
Жизнь была дарована.
Лачплесис, еще глубоко
Уважавший Каупо,

⁶⁴⁰ Внял в конце концов тем просьбам
Дитриха лукавого.
Ливы всё же убеждали,
Чтоб не верил Лачплесис
Дитриху; клялись, что это
Самый беспощадный их
Враг, что он сто раз своею
Лестью их обманывал,

А уж раз пощаду немцам
Дать решился Лачплесис,
660 Пусть щадит, но на расправу
Пусть им выдаст Дитриха,
Лачплесис велел немедля
Выдать ливам Дитриха.
Ливы Перкону решили
Дитриха пожертвовать,
Но, когда в священной роще
Конь гнедой под Дитрихом
Трижды левою ногою
Меч переступил, тогда
660 Стало ясно, что и боги
Подлецом гнушаются.
Вот как Дитрих нечестивый
Вновь ушел от гибели.
Взял оружие, латы, шлемы
Лачплесис у рыцарей
И велел их в город Ригу
Гнать простоволосыми.
Воротил он ливам все их
Прежние владения
670 И с надежною дружиной
Там оставил Талвалда,
Чтоб от немцев охранял он
Славный берег Гауи.
Сам же с другом Кокнесисом
И со старшим Лиелвардом
Сквозь леса повел он войско
Прямо к замку Лиелварде.

Немцы в Лиелварде засели
Так же, как и в Турайде,
680 Как и в прочих замках, прочно
На житье устроились.
Всех безжалостнее был их
Главный — Даньел Баннеров.
Это был злодей без чести
И без искры совести.
Снес он старый, ветхий замок
И построил новую
На скале над Даугавой
Крепость неприступную,

⁶⁹⁰ На людей, как хищный ястреб,
Налетал оттуда он,
Села жег, терзал и мучил
Беззащитных жителей.
Видя ужасы такие,
Многие старейшины
Со своими племенами
По лесам попрятались.
Баннеров внезапно бросил
Грابتь и насильничать,
⁷⁰⁰ Вестников послал в леса он,
Беглецам сказать велел,
Что отныне в мире с ними,
В дружбе жить желает он,
А для заключенья мира
Приглашает в замок свой
Всех старейшин. Зла не видя,
Люди простодушные
Из своих убежищ в гости
К негодюю прибыли.
⁷¹⁰ Он их принял в новой клети
За стенами крепости,
Угощал питьем-едою,
Дружески беседовал.
Но, пока еще сидели
За столом старейшины,
Даньел вышел и снаружи
Запер дверь тяжелую.
Клеть со всех сторон велел он
Обложить соломою.
⁷²⁰ С четырех сторон солому
Сам поджег он факелом.
Быстро запылали стены
Клети деревянные,
Старики внутри кричали,
Задыхаясь в пламени.
Даньел же с товарищами,
На высокой насыпи
Встав, пожаром любовался
С сатанинским хохотом.
⁷³⁰ Только скоро нечестивым
Смехом подавился он;
Видит — из лесу верхами
Выехали воины.

Впереди с мечом тяжелым
Ехал грозный Лачплесис.
Услыхавши крики в клети,
Витязь двери выломал
И успел спасти несчастных
Стариков из пламени.
740 Старики благодарили
Своего спасителя,
Со слезами обнимая
В несказанной радости,
Рассказали, как жестоко
Обманул их Баннеров.
Услыхав рассказ их, страшно
Лачплесис разгневался
И немедленно на крепость
Начал наступление.
760 Хоть оборонялись крепко
Латники немецкие,
Всё ж до наступления ночи
Занял крепость Лачплесис.
Всех засевших в ней велел он
Перебить без жалости,
Кроме Даньела. Живьем он
Взять велел мучителя
И расправу над злодеем
Поручил старейшинам,
780 Чтобы те за все насилья
Отомстить могли ему.

Зашумели, полетели
Вести: Лачплес в Лиелварде!
Радостно встречали эту
Весть селенья Латвии,
Ликовали люди, словно
Жизнь увидев заново.
Те, что по лесам скитались,
В темных дебрях прятались,
770 Радостные возвращались
К старым очагам своим,
А оттуда направлялись
Прямо в замок Лиелварде
Поблагодарить героя
За освобождение.

В замке Лиелварде победу
Праздновали весело,
Пир устроил для народа
Старый куниг Лиелвардский.

⁷⁸⁰ Пили, пели и делились
Боевой добычею;
Под конец про Баннерова
Вспомнили старейшины.
Вывели его на берег
Даугавы и молвили:
«Пес немецкий, сжечь в проклятой
Западне хотел ты нас!
Милостивы мы! За это
Отдадим воде тебя!»

⁷⁹⁰ Доску толстую достали
И на доску Даньела
Положили, прикрутили
К той доске веревками
И с издевками пустили
Доску вниз по Даугаве.
«Уплывай домой! — сказали. —
Поищи родных своих!
Пусть с тобою уплывает
Вера, нам ненужная!»

⁸⁰⁰ Страх и ужас обуяли
Чужеземных рыцарей.
Слыша вести о победах
Витязя латышского,
Все они бежали в Ригу,
Побросав дома свои,
В городе ища спасенья,
За стенами толстыми.
Но и сам епископ Альберт
Не был в безопасности.

⁸¹⁰ Видел он, что очень скоро
Здесь погибнет власть его,
Ежели он не получит
Подкрепленья сильного.
Сел он на корабль, не мешкав,
И уплыл в Германию.
Сколотить большое войско
Альберт там надеялся,
Чтобы будущей весною

Вновь нагрянуть в Балтию.
820 А взамен себя оставил
Альберт в Риге Каупо.
Каупо обещал защиту
Уцелевшим рыцарям.
Лачплес, видя, что угрозы
Нет пока над Балтией,
Распустил свои дружины,
Сам остался в Лиелварде.
Хорошо, привольно зажил
Там он с милой Лаймдотой.
830 Лаймдота хозяйством в доме
Правила, а Лачплесис
Укреплял отцовский замок
И работал на поле.
Кокнес тоже восвояси
В замок свой со Спидалой
И со старым Айзкрауклисом
Вскорости отправился.
Проводили их сердечно
Лачплесис и Лаймдота.
840 Обнялись друзья. Друг другу
Пожелали счастья.
Провожать домой поехал
Лиелвард друга Буртниека,
Старики пожить хотели
Вместе в замке Буртниеком.
И остались в старом доме
Лаймдота и Лачплесис,
Осененные любовью,
Славою венчанные.
850 Здесь, на берегу прекрасной
Даугавы, нашли они
И любовь, и мир, и счастье,
И почет страны своей.

* * *

По весне холмы, долины
Вновь оделись зеленью.
Всё живое в мире снова
Ободрилось, ожило.
Мнилось, позади остались
Времена тяжелые,

- ⁸⁶⁰ Мирно пахарь принимался
За труды весенние,
Починял забор, готовил
Плуги, косы, бороны.
Кангар, как и все, работал
Вкруг своей усадьбы,
Саженьцы окапывая,
Подновляя изгородь.
По лицу его бродило
Недовольство хмурое.
- ⁸⁷⁰ Выпали ему на долю
Всеякие превратности.
Горе Балтии, в котором
Тяжко он повинен был,
Как и всем, плоды дурные
Также принесло ему.
Поселяне перестали
Вскоре посещать его,
Немцы ж вовсе без вниманья
Кангара оставили.
- ⁸⁸⁰ Но всего большее сердцу
Лиходея старого
Было то, что жив, и счастлив,
И прославлен Лачплесис;
Также, что освободилась
Спидала от дьявольской
Власти и один он должен
Был конца ужасного
Ожидать с стесненным сердцем
В черном одиночестве. . .
- ⁸⁹⁰ Так что даже испугался
Он, однажды под вечер
Услыхавши чей-то оклик
За своей калиткою.
Голову подняв, увидел
Пред собой он Дитриха.
«Удивляюсь, как надумал
Вновь ты навестить меня,
Иль жаркое надоело
Кушать в замках каменных? . . .» —
- ⁹⁰⁰ Так, смеясь недружелюбно,
Гостя он приветствовал.
«Не жаркое надоело, —
Дитрих отвечал ему, —

А его не будет вовсе,
Если ты на помощь нам
Не придешь, пока не поздно.
Обещаю всё тебе,
Что ни спросишь ты в награду,
Если ты поможешь нам!»
910 И поведал хмуро Дитрих,
Что с большой военной
Силой Альберт из-за моря
Вскоре возвращается,
Но что всё напрасно будет,
Что, покамест Лачплесис
Жив, для них завоеванье
Балтии немислимо.
А поэтому и нужно
Поскорее выведать,
920 В чем заключена такая
Сила у латышского
Витязя, чтоб можно было
Хитростью сразить его.
Кангар отвечал, что много
Раз он сам на витязя
Насылал могучих бесов,
Но напрасно было всё —
Одолел их Лачплесис,
Невредим ушел от них.
930 Если ж, как ботву, он рубит
Иноземных рыцарей,
Кангару и горя мало!
Но причины тайные
Всё же в нем вражду питают
К витязю могучему.
Он хоть сам еще не знает
Тайну силы Лачплеса,
Но, быть может, слуги-духи
И дадут совет ему.
940 Если гость его убогим
Домом не гнушается,
Пусть задержится тогда он
Здесь на время некое. . .
Удалился в подклеть Кангар,
Дверцу запер изнутри.
В полночь зашумела буря,
Весь скрипел, шатался дом.

Скрежет, воркотня и стоны
Слышались у Кангара
950 Из-за двери, так что дыбом
Волосы у Дитриха
Подымались. И крестился,
И шептал молитвы он.
Колдовал три дня, три ночи
Кангар в темной подклети,
Лишь на третье утро вышел
Бледный, молвил Дитриху:
«Пусть он будет проклят — этот
День, открывший тайну мне!
960 Мы, как черные злодеи,
Также будем прокляты.
Всё же зло и впредь, вовеки
Будет только зло творить.
Одного с тобой мы нрава,
И тебе я всё скажу:
Лачплесис в лесу дремучем
Был рожден медведицей;
Там отец его, отшельник,
Жил, храним бессмертными.
970 Лачплесис медвежьи уши
От косматой матери
С богатырской дивной силой
Вместе унаследовал.
Если кто-нибудь сумеет
Уши отрубить ему,
В тот же миг его покинет
Сила непомерная.
Кончил я. Иди! Не нужно
Никакой награды мне».

980 Рыцарей большое войско
Вывел из неметчины
Альберт в Ригу. Собирался
Воевать он сызнова.
В войске том был некий Черный
Рыцарь. Годы многие
Промышлял он грабежами
У себя в неметчине.
Матерью свою — ведьмой —
Рыцарь заколдован был,

990 Так что никакая рана
Не была смертельною
Для него. Его назначил
Дитрих стать орудием
Сатанинского коварства
И убийства Лачплеса.
Помощь в этом страшном деле
Он просил у Каупо,
Обещав ему за это
Царствие небесное.

* * *

1000 В некий день уединенно
Лачплесис и Лаймдота
В замке за столом сидели,
Меж собой беседуя.
Лаймдота, сама не зная
Почему, грустна была.
Много дней она ходила
Тихой и задумчивой,
А теперь совсем печальной
И унылой сделалась.

1010 Наконец она сказала
Задумчивым голосом:
«Я не знаю, мой любимый,
Что бы это значило?
Грусть меня одолевает,
Страх сжимает сердце мне. . .
Я так счастлива, мой милый,
Я сейчас так счастлива,
Что мне страшно, как чего бы
Не стряслось, что нашему

1020 Счастью помешать могло бы,
Разлучить меня с тобой! . . .»
Не успел подругу витязь
Успокоить ласково,
Как вошел привратник, молвив,
Что перед воротами
Люди стали верховые
И впустить их требуют,
Объявляются друзьями.
Лачплесис в окно взглянул,

1030 Видит, латники чужие,
Впереди их Каупо.

И велел открыть ворота
Перед ними Лачплесис;
Принял, как гостей, достойных
Уваженья всякого.
Каупо сказывал, что послан
Он к нему епископом
Разговор вести о вечном
Мире и согласии.

1040 Никогда нѣ с кем без нужды
Лачплесис не вел войны,
И вступил в переговоры
Он охотно с Каупо.
Дней немало чужеземцы
Прогостили в Лиелварде.
Угощал как можно лучше,
Развлекал их Лачплесис
Состязаньями, борьбою,
Играми военными.

1060 Но была всё это время
Беспокойна Лаймдота;
И особенно тот Черный
Рыцарь ей не нравился,
Хоть ее он сладкой речью
Всячески улещивал.
В некий день опять борьбою
Развлекались пришлые.
Всех осилил Черный рыцарь
В бранных состязаниях.

1080 Подошел он к Лачплесису,
Вызвал на борьбу его.
Отшутившись добродушно,
Отказался Лачплесис:
Мол, нельзя с мечом на гостя
Выходить хозяину.
Злобно издеваясь, молвил
Рыцарь, что, наверно,
Всё, что посегодня слышал
Он про силу витязя,

1070 Просто болтовня пустая,
Хвастовство, безделица!
Тут уж Лачплесис, не споря,
Вышел против рыцаря.
На мечах единоборство
Как бы в шутку начал с ним,

Только отражал удары
И оборонялся он.
Но большую силу рыцарь
И сноровку выказал.
1090 Он ударом метким ухо
Отрубил у Лачплеса.
Страшно рассердился витязь,
Так врага ударил он,
Что рассек стальные латы,
Кровь сквозь латы хлынула.
Но сломался от удара
Меч в руках у витязя.
Видя это, враг второе
Ухо отрубил ему.
1090 Тут уж не было предела
Гневу, обуявшему
Лачплесиса. И руками
Обхватил он рыцаря.
Начали ломать друг друга
По-медвежьи. Лачплесис
Трижды подымал на воздух
Рыцаря тяжелого,
Трижды сам пошатывался
Под напором недруга.
1100 Бледные, на них смотрели,
Расступившись, воины,
Словно все окаменели
Перед этим зрелищем.
Борющиеся всё ближе
Подходили к берегу.
Наконец свалил с обрыва
Лачплесис противника.
Но и сам упал с ним вместе,
Увлекаем тяжестью
1100 Грузных лат его. Всплеснулись
Шумно волны Даугавы,
И в пучине скрылись оба
Яростных воителя.
Страшный женский вопль раздался
В замке — это Лаймдота
В то же самое мгновенье
Жизнь свою окончила.
Бледное тонуло солнце,
Угасая в Даугаве,

1120 Встал густой туман, слезами
Осыпаясь на берег.
Волны Даугавы стонали
В пенящемся омуте,
Приняли они на лоно
Витязя латышского
И воздвигли твердый остров
Над его могилую.

Вслед за Лачплесисом вскоре
И другие витязи
1130 Друг за другом пали в битвах
С силою неравною. . .
Чужаки пришли. Свирепо
Немцы-бары правили,
А народ наш милый горько
Рабствовал столетия.
Но народ через столетья
Помнит, славит витязя,
Для народа он не умер.
В золотом чертоге он
1140 Спит близ Лиелварде, глубоко
В Даугаве, под островом,

И доньше лодочники
Иногда о полночи
Видят, как на темной круче
Борются два призрака.
Огонечек вспыхивает
В этот миг в развалинах
Замка. И к обрыву ближе,
Ближе борющиеся
1150 Подступают и в пучину
Волн обрушиваются.
Гаснет огонечек. В башне
Крик тоскливый слышится. . .
Лаймдота глядит на битву,
Ждет победы витязя.
И придет однажды время —
Лачплесис противника
Одного с утеса сбросит
И утопит в Даугаве.
1160 И народ тогда воспрянет
К новым дням, свободным дням!

ПРИЛОЖЕНИЕ

2. НА РОДИНЕ

Пятьдесят лет тому назад

(Фрагмент автобиографии А. Пумпура)

Я в детстве часто представлял,
Что жизнь дарует мне,
Одно лишь счастье ожидал,
Цветенье ярких дней.

Но стал я взрослым — и тогда
Вновь детство воскресил:
Ведь только в детские года
Я впрямь счастливым был.

Там, где порог Казамачка на Даугаве ревет и причиняет лодочникам большие неприятности, при летней низкой воде мешая подниматься вверх, верстах в семидесяти от Риги на Курземском берегу находится местность, относящаяся к Видземе, к Лиел-Юмправмуйжской волости. Граничит она с имениями Алсвики, Туркалне, Валле, Бирзгале и Линде. Полвека назад здесь находился полумызок, мельница, две корчмы, двадцать три крестьянские усадьбы и три усадьбы лесников; кроме того, в той стороне имению принадлежали большие леса: боры, болота, мочажины и кочкарники. Крестьянские усадьбы делились на две части: даугавцы и лесовики. Усадьбы даугавцев стояли на берегу Даугавы вплотную одна к другой и выглядели как одна большая деревня вдоль Яун-Елгавского большака, начиная от Линдеской Граничной корчмы до мельницы; лесовики же были раскиданы по лесам до самых границ Валле. Названия усадеб здесь все были во множественном числе, так как обозначали они не только самое усадьбу, но и всех проживающих в ней. Так как многие названия довольно оригинальные и старинные и будут в этом очерке упоминаться, приведу их в самом начале. У даугавцев: Цукпуйши, Миемени, Яунземи, две усадьбы Губени, Дирики, Большие и Малые Торбени, Большие и Малые Малтени, Лузини, Бреки, Кейрани. У лесовиков: Большие и Малые Мелмени, Лачплеши, три усадьбы Смилгу, Тирумниeki, Краукас, Цуцини, Брани. Усадьбы лесовиков: Силениeki, Кивени и Баложки. Все обитатели этой местности называли остальных жителей Лиел-Юмправмуйжской волости по ту сторону реки видземцами, а те их — кур-

земцами, хотя у всех были одинаковые повинности, барщина, волостной суд и церковь. Обитатели курземской части отличались от жителей большой волости на видземской стороне совершенно иным говором и одеждой; но так же отличались они и от жителей окрестных курземских волостей, которых они, в свою очередь, звали курземцами.

Таким образом, эта местность между Видземе и Курземе выглядела каким-то островом в море и была в отношении нравов и обычаев этакой маленькой республикой, обитатели коей чрезвычайно гордились своими особенностями и при случае потешались над жителями окрестных волостей в остроумных песенках. Эта обособленность, надо думать, и была причиной того, что здесь еще в полной мере жила старая вера, вернее, суеверие, прадедовские обычаи и нравы. Здесь еще делали приношения домашним богам на старых жертвенниках из камней, и возле старых дуплистых дубов, чтили ночь велей, вечер блую, Громовый Крестовый день и многие другие языческие праздники, уже слившиеся с христианскими. Здесь еще царили колдуны и ведуны, ведьмы и знахарки.

Пора велей начиналась после Микелей (Михайлов день), значит, в октябре, и тянулась три недели. В это время нельзя было никуда уводить из дома скотину, ни покупать ее, ни продавать. По вечерам нельзя было прясть шерсть, а в первый вечер следовало начать прясть что-нибудь другое, кто же не успевал это сделать, тому оставалось все время велей не прикасаться к прялке. Вечера в это время мужчины и женщины проводили вместе, загадывая загадки и рассказывая сказки. В первый вечер глава семейства с женой ставили для велей еду в каком-нибудь укромном месте, в клетки или в бане. Если в риге никто не жил, то велей обычно там и угощали. Старики рассказывали, что еще раньше в том месте, где угощали велей, хозяин дома оставлял окно на ночь открытым и обе створки закладывал щепкой, чтобы велям легче было проникнуть, а девушки ставили под обеденный стол корзины с шерстью и хорошо расчесанным льном и пели при этом:

Аугшлеците, Землеците,
Посиди на плетеном стульчике,

Посиди на плетеном стульчике,
Покатайся в корзине с шерсткою.

На *Рождество* девушки, идя из бани, обхватывали наугад колья в изгороди и потом считали: если окажется четное число, то можно надеяться, что в будущем году девушку посватают. В полночь они, оседлав кочергу, отправлялись в хлев ловить барана: если в темноте схватят барана, то выйдет в новом году замуж. Парни, зная об этом, как-то пошутили: двое забрались в овчарню и, раздевшись до рубахи, встали на четвереньки среди овец. Девушки, разумеется, схватили их, но при этом изрядно перепугались. В канун Рождества для лошадей и другой скотины пекли пироги и клали их в конюшне и в хлеву на ночь; если утром они оказывались нетронуты, то со скотиной в будущем году все будет хорошо. На жернов, также с вечера, для каждого домочадца клали по крупице соли: у кого крупица утром подтает, тому суждено болеть в новом году. Если хотели знать, кто в будущем году умрет, то надо было, когда все сидят за ужином, незаметно выйти, надеть на шею хомут молодого жеребца и тихонько заглянуть в окно: того, кому предстоит умереть, он увидит сидящим за столом без головы. Или если в полночь где-то в доме слышится шум, как будто там доски пилят или тешут, то знай, что в будущем году в этом доме придется делать гроб. Как общий для всех обычай следует упомянуть «цыганское гулянье», когда молодые парни и девушки, по-разному переодевшись, ходили по гостям, отплясывая и затевая всякие игры.

Вечера блукю, с Рождества до дня *Трех Королей*. По вечерам ни мужчины ни женщины ничего не делают, а ходят из усадьбы в усадьбу, устраивая всякие увеселения. Но главное занятие такое: посреди комнаты ставят чурбан или колоду, отец семейства или мать кладут на него какой-нибудь подарок. Кто хочет его получить, тот, с завязанными глазами, положив руки на чурбан и опустив голову, должен девять раз быстро обежать вокруг чурбана, потом схватить этот чурбан в охапку и выскочить прямо в открытую дверь наружу. Но это не так-то легко сделать: из-за повязки на глазах и быстрого вращения человек так сбивается, что не попадает в дверь, а утыкается со своим чурбаном в стену или в угол, что, разумеется, вызывает большой хохот. Рассказывали,

что раньше для этого имелся специальный чурбан, который переносили из дома в дом.

На *Новый год* лили воск и гадали. Девушки клали топор под подушку. Если увидит во сне, что кто-то этот топор берет, значит, можно на него думать, что возьмет замуж. Каждый в этот вечер готовил себе длинную лучину. Если будет гореть ясно, то в будущем году будет счастливая жизнь, а если тускло или совсем погаснет, то тяжелая жизнь, а то и смерть. Это предсказание восходит к древней вере в то, что Матерь жизни для каждой души, которая приходит в мир, зажигает огонек, который сверкает звездочкой в небе, — чем светлее, тем счастливее жизнь на земле, чем тусклее — тем тяжелее; а когда звезда совсем пропадает или гаснет, тогда век человеческий кончается и душа возвращается в ее прежнее обиталище.

В *день Трех Королей* разрисовывали мелом двери, стены, вещи и посуду всякими фигурами, знаками и крестами, особенно ломаным крестом. Эти рисунки, очевидно, обозначали мифологический путь солнца, так как оно теперь повернуло на лето и победило на своем зимнем пути всяких чудищ и змеев; могут обозначать и группы звезд на солнечном пути.

День Вастлавью, или *Метени*. В этот день готовят специальную еду, толченые бобы, горох и коноплю; вечером варят свиные ножки и половину свиной головы. Днем катаются на санках с горы, в чем принимают участие и стар и млад.

Во *время поста* происходила всякая ворожба и заговоры; тогда к порогу дома, конюшни, хлева подкидывали рыбу, насиженные яйца, сырые куски мяса, оставляли лужицы крови, какое-нибудь мертвое животное или еще что-нибудь бросающееся в глаза, чем колдун отмечал свой путь; ко всему этому нельзя было прикасаться голой рукой, а требовалось взять шерстяной тряпкой и отнести к ведуну, который умел повернуть дело так, что самому колдуну становилось худо. В постную пятницу нельзя было ничего приносить или привозить из леса, иначе летом змеи повадятся в дом.

В *Зеленый Четверг* охапками носят дрова из леса, потому что тогда летом можно счастливо находить птичьи гнезда.

В *Пасхальное утро* перед восходом выходят из дома

к какому-нибудь ручейку, к проточной воде умываться, тогда угри, лишай и веснушки не выступят.

В *Юрьев день* с утра обычно режут петуха и его кровью обмазывают двери риги, конюшни и хлева. Остатки крови, а также плошку супу из этого петуха, пока суп еще никто не попробовал, выливали на месте старого жертвенника или подле старого дуба. И ночь эта была подходящим временем для всякой ворожбы и колдовства.

В *Большой Крестовый день*, как в Громовый день, полосы не расчесывали. В *Большой Крестовый день*, так же как в три Малых перед этим, нельзя в доме никакой работы делать, особенно со строениями, потому что тогда гром в них ударит. Эти дни посвящены грому, и потому единственно что можно — в лесу пни выворачивать, луг чистить и т. д. Как-то одна непутевая девица в такой день ткала полотно, оно еще оставалось на кроснах, но тут началась первая гроза, ударил гром, разбив весь ткацкий стан, так что ниточка подле ниточки не держалась, а сам дом не тронуло.

В *Праздник лета* собирают для скота разные весенние травы, которые и скармливают ему в определенное время, дабы предотвратить разные недуги. В праздничное утро не позволяют пастухам выгонять скотину, пока не выгонит ее соседский пастух, потому что у скотины, выгнанной раньше других, не будет молока и к ней будет приставать всякая хворь. Впрочем, если уж окажется, что выгнали первыми, то беду можно отворотить, повернув скотину навстречу идущей следом. Как-то одна опытная хозяйка, когда все соседи уже выгнали скотину, шла за нею следом, держа в одной руке пахталку, а другой рукой помахивая и говоря: «Полнись комками, моя маслобойка». И не видела она, что сзади идет работник с недоуздом. Тот никак не мог взять в толк, зачем хозяйка так делает, взял да и шутики ради стал махать недоуздом и приговаривать: «Полнись комками, моя маслобойка». Пришел домой, не думая бросил недоуздок в мельне в ступу. Утром стал недоуздок брать, глядит — полная ступа масла.

В *Иванову ночь* происходит самая большая ворожба. На полях находят поломанную или срезанную рожь, в коровнике ведьмину блевотину, это значит, что ночью ведьмы коров доили или сосали. В эту ночь все колдуны и ведьмы на ногах, носятся по воздуху и по земле, творя

всем зло, и сами объединяются, чтобы собирать для своих злых дел новые зелья, например вредные травы и т. д., что можно сделать только в эту ночь. Но и другие не сидят сложа руки: ведуны и знахари стараются, чтобы колдовство оказалось безуспешным, и они заботятся о том, чтобы собрать всякие освященные в эту ночь предметы и разные целебные травы для людей и скотины. Хозяйка дома обычно собирает мелкую крапиву и вечером обкладывает ею всю молочную посуду, чтобы ведьмы ночью, если явятся за молоком, нос себе обстрекали; над воротами в хлев втыкается колючий чертополох, чтобы ведьмы накололись. Об этом еще сохранилась такая песня:

А приткну-ка я репейник
К двери хлева моего,
Чтобы укололась ведьма,
Если вздумает доить.

В *День Луции* — день солнцеворота; до восхода солнца скотину кормят, поят и плотно запирают хлев, чтобы никому туда не попасть до захода солнца.

Когда скотину впервые выгоняют, то опытная хозяйка делает так. Сначала напоит ее «муравьиной водой», потом окуривает хлев известными ей травами, потом кладет за порог топор и косу крест-накрест, рядом с ними куриное яйцо и только тогда выпускает коров из хлева. Топор и коса кладутся для того, чтобы отпугнуть колдунов и ведьм, а яйцо — чтобы узнать, когда скотина пройдет, целое оно или нет, если осталось целое, значит, скотина все лето будет целая и невредимая, а если яйцо раздавят, то и скотина болеть будет. В хлеву хозяйка с висячим замком в руках трижды обходит скотину кругом и каждый раз произносит заговор: «Ты лесной пес и лесная сука (то есть волки), не смей трогать мою скотину, чем ты рвешь, чем дерешь — то на небесный замок закрыто». И замок закрывается три раза. В воротах, через которые скотину прогоняют, кладут березовую хворостину, обвитую девять раз красной ниткой, чтобы предостеречь от кровотечи.

С началом сева хозяин берет с собой на пашню вертел, на котором в вастлавский вечер мясо жарили, втыкает его подле мешка с зерном в землю, засеивает тот кусок земли, что за один мах можно засеять, и лишь

потом принимается сеять кто-нибудь из работников. В конце сева следят, чтобы отсеяться последним, если уж не удастся, то оставляют кусочек незасаженным, пока соседи не отсеются.

В жниво берут с собой каравай хлеба и молока, хозяин собственноручно накашивает первый сноп, потом садится и ест хлеб с молоком и лишь потом разрешает жать работникам. Первый сноп кладут в риге на колосники, чтобы лежал, пока не кончат жать.

Имение Лиельюмправа принадлежало богатому и в ту пору на всю Видземе известному алуксненскому помещику Александру фон Фитингофу, или, как видземцы его называли, Большому алуксненскому Витыню.

Сам он здесь никогда не жил, только иногда на день-другой наезжал из Петербурга или Алуксне. Это было важное событие во всей округе, собирали всех хозяев, и важнейшие волостные дела и интересы имения обсуждались и решались. В другое же время в волости самовластно правил управляющий имением, и приказания его никакому обжалованию не подлежали. Тогда еще крепостное право было в полной силе. По старому шведскому землеустройству и принимая во внимание Положение Александра I от 1804 года, у каждой крестьянской усадьбы был свой вакенбух, где были исчислены в талерах и грошах все отработки для имения, все конные и пешие дни, будь то зимой или летом. Кроме того, указывалось, сколько земли зимой и летом обработать, сколько раз вспахать, проборонить, засеять и сжать, сколько сена накосить, сколько просушить и свезти в сараи. Эти обрабатываемые участки земли назывались «риши», а луга — «валакас». В счет двадцати талеров отработки еженедельно надо было посылать в имение двух работников, одного с лошадью. В «пешие» работники попадали и женщины, особенно девушки, отряжаемые для работы в молочном хозяйстве. Для «пеших» отводились все семь дней недели, даже в воскресенье надо было находиться в имении, так как в винокурне, пивоварне и с коровами приходилось работать и в этот день, работников с лошаадьми в субботу вечером отпускали домой. Если в разговоре упоминалось, что Янис «на работах», а Мадэ «в отработке», — это значило, что они всю неделю в имении. Помимо этих так называемых ординарных отработочных дней было известное число неординарных. Эти дни отводились под разные работы

при имени — молотить, молоть, жечь уголь, обжигать известь, класть камень, строить и так далее.

А сверх того в вакенбухах указывались подати натурой (Naturalabgaben), которые каждое хозяйство — по его оценочной стоимости — должно было поставить имению. К ним относились всякие сельскохозяйственные продукты и съестные припасы: лен, конопля, мешки, бечева, пута, пряжа, шерсть, куры, цыплята, яйца, мед, масло и пр.

Как-то Большой Витынь, отвечая хозяевам, жаловавшимся на тяжелые повинности, сказал на сходке: «Дети мои, у меня много богатства, поэтому вашего добра я не хочу, но и своего вам не отдам, я требую с вас только то, что мне положено; выполняйте то, что значит в вакенбухах, это закон и оценка». И тут он был совершенно прав, ваковые книжки в ту пору ограничивали права помещиков. Ставили предел требованиям. И хотя эта земельная такса требовала очень много труда для имения, так что на него уходило почти все время, причем самое лучшее: в горячую пору сева или уборки все должны были находиться в имении, тогда как собственные поля и луга оставались необработанными, — но все-таки были твердые ограничения в требованиях. Позднее этот принцип перестал соблюдаться: когда барщина сменилась денежной арендой, не стало таксы, не стало ограничений. Каждый год аренда повышалась — по мере улучшения возделываемой земли и повышения урожайности, — так что земледельцы при всех своих усилиях в материальном отношении мало что выигрывали по сравнению с крепостным временем. Чтобы вести счет отработанным дням, в имении хранилась шнуровая книга, где по алфавиту были обозначены все хозяйства и куда заносились все отработанные за неделю дни. Кроме того, каждый хозяин получал деревянную бирку, вторая половина которой хранилась в имении. На этой бирке с латинским номером в начале года нарезались все конные и пешие дни, сколько каждое хозяйство должно за год отработать, а спустя месяц число этих дней закрашивалось чернилами, для чего хозяину со второй половиной бирки надлежало идти в имение; это называлось «погашать дни». Если кто отработал больше, чем было положено по вакенбуху, то в конце года имение возмещало эти дни деньгами из расчета двадцать пять копеек за «конный» день и пятнадцать за «пеший». Если же кто

не успел все дни отработать, то оставшиеся ему прибавляли к общему числу дней на следующий год, а, стало быть, на бирке нарезали большее число дней. Понятно, это уже было куда труднее отработать, и, если спустя несколько лет задолженность оказывалась настолько значительной, что покрыть ее было невозможно, да к тому же набегали другие долги — скажем, за взятые семена, за зерно из волостного магазина и др., — имение приказывало волостному суду описать имущество хозяина и продать его с торгов, чтобы возместить долг, а самого его выдворить; разумеется, именке могло оценивать каждый «пеший» и «конный» день только по той таксе, как они оплачивались.

Волостной суд был единственной инстанцией, где в обсуждении дел участвовали представители крестьян; окончательное решение выносило имение, представителю которого полагалось отдельное кресло и голос. Любое постановление волостного суда имение могло отменить и передать в приходский суд; и наоборот, любое выгодное для имения постановление исполнялось сразу, и единственно, что мог подсудимый — перенести дело в приходский суд, но это очень редко случалось, потому что почти каждый раз человек, получивший в волостном суде тридцать розог или палок, в приходском суде получал шестьдесят. Председатель волостного суда был также и начальником волости в административном и полицейском значении, но действовать он мог только по поручению имения, потому что полиция имения управляла и волостью. Избранных судебных заседателей, председателя и двух его товарищей управление имением утверждало в должности; но, если они оказывались негодными, выборы приходилось проводить заново. Кроме того, полиция имения обладала правом без судебного решения и без всякого следствия подвергнуть любого крестьянина телесному наказанию — назначить ему пятнадцать розог или палок. Этим правом часто пользовались управляющий со своими старостами или надсмотрщиками, особенно же опасны были последние. Насколько строго этот порядок поддерживался, можно понять из выражения, которое имел обыкновение произносить в корчме или на празднике, сидя за чаркой или пивной кружкой, председатель суда: «Господь на небесах, почтенный господин управляющий в имении и Я: мы *втроем* вами и правим!»

Духовное развитие и просвещение в упомянутой местности находились еще в самом начале. Дети еще не учились в школах, существовало лишь вменяемое в обязанность священником домашнее обучение: матери старались обучать детей сначала азбуке с названием букв и складами, а потом — чтению катехизиса и молитв. Многие буквы по этой методе приобретали весьма причудливые названия: эсе, эмме, энне, цеда и так далее. Зимой за этим учением наблюдали форминдеры, а именно: за зиму раз-другой обходили дома и проверяли, умеют ли дети «в книжку читать», как тогда говаривали. В конце поста священник объявлял в церкви день, когда он проверит детей. В этот день всех детей надо было привести в усадьбу форминдера или в ближайший зажиточный дом, куда священник являлся и выслушивал, как читают. Писать никто не умел. Всеобщим средством образования служили лишь проповеди, которые слышали в церкви с кафедры, основная тенденция которых была такова: господь бог создал на свете два сословия — правителей и рабов; к правителям, как известно, относятся все помещики, к рабам — все крестьяне; посему надо довольствоваться тем, что есть, кем тебя господь создал, тем и оставайся, грех даже думать выйти из своего сословия. Но следует заметить, что при всем этом люди духовно не прозябали, а обладали живым умом, были довольно отзывчивы и порой даже остроумны. Между собой они обсуждали и высмеивали господ, рассказывая, до чего они в иных отношениях глупы при всей своей образованности. В таких случаях приходилось слышать много анекдотов о том, как тому или иному из них довелось провести барина. Но тогда же старики говорили: «Да, это было раньше, но нынче и господ поумнели». Не получая доступа к современным знаниям и умственным откровениям, они зато тщательно сохраняли остатки древней культуры предков. У них были свои астрономы, которые умели распознавать небесные знаки, разбираться в облаках и ветрах, так что по ним и разным земным приметам могли даже наперед предсказывать погоду. Кое-кому была уже известна «Книга высокой премудрости» Старого Стендера, из которой они вычитали, что Солнце наше стоит на месте, а Земля, вращаясь вокруг себя, вертится вокруг Солнца; когда эти грамотей говорили о таком, остальные им не верили. То, что такого не может быть, тут же брался доказать

кто-нибудь следующим образом. Вот он молот на барской мельнице, а у него деревянная трубка выпала на быстро вертевшийся жернов — и тут же эта трубка с большой силой была выброшена в сторону, — и если наша Земля столь же быстро крутится, как жернов, то почему же люди, которые по сравнению с Землей такие крохотные, куда мельче, нежели трубка по сравнению с жерновом, не улетают с Земли? Благодаря этому вопросу он, сам того не сознавая, приходил к понятию центробежной силы Земли, которая в физической географии имеет столь большое значение. И хотя лишь у немногих были календари, в основном все они довольно хорошо определяли времена года, солнцестояние, убывание и прибывание дня и ночи, определяли фазы Луны по неделям и дням. Кроме Солнца и Луны они знали Утреннюю и Вечернюю звезду, Аусеклис, Полярную звезду, или Северный гвоздь, Стожары, Большую Медведицу и др. Но относительно их размеров и удаленности они не имели никакого представления; старые мудрецы рассказывали, что Луна размером с пашню, а звезды — с небольшой костер. Но примечательнее всего, даже удивительно их искусство врачевания, которое, в сущности, полностью совпадает с введенными ныне в медицину методами естественного лечения — использование влажного и сухого лечения в сочетании с гимнастикой и массажем; в первом случае пользуются холодной водой с закутыванием, а потом теплые ванны, и то и другое для пропотения, во втором случае предписывается строгая диета и чистый воздух, и в обоих случаях массаж с гимнастикой, при полном отказе от аптечных лекарств. Старые латыши именно так и делали. Все кожные болезни, лихорадку с сыпью, боль в костях, простуду и проч. лечили тем, что вели заболевшего в баню и заставляли в жарком воздухе париться и мыться, потом укрывали в постели одеялами. Разумеется, таким образом сухая кожа больного получала много влаги, поры раскрывались, кровь текла быстрее, и сам организм благодаря потоотделению освобождался от вредных веществ, вследствие чего больному становилось легче, и со временем он совсем выздоравливал. Боли под ложечкой, колики, катар и прочие подобные болезни лечили растиранием и сухой, легкой пищей. Если сейчас многочисленные врачи говорят, что при желудочных недомоганиях и различных катарах массаж брюшной части часто

творит истинные чудеса, то надо сказать, что это уже было известно латышским старухам пятьдесят, сто и более лет тому назад. Лечебная гимнастика была полностью обеспечена благодаря полевым работам на свежем воздухе и всяким играм и состязаниям среди молодых. И еще — находились среди ведунов как мужчины, так и женщины, которые дотошно знали целебную и вредоносную силу любого растения, травы или цветка в Прибалтийском крае. Они давали разные сушеные цветы для заварки — от кашля, грудной боли и пота, варили разный цвет от горячки и лихорадки, для лечения ран от холодного оружия, когда очень трудно остановить кровь. Рассказывали, что этим ведунам удавалось своими средствами иной раз вылечить даже рак и гангрену, от лечения которых отказывались врачи. Что касается знахарства, то следует сказать, что при некоторых болезнях, судорогах, при роже и др. средства знахарей помогали благодаря убежденности, сильной вере или же — магнетизму.

Крестьянские усадьбы в то время, в целом, были устроены так. Главным строением была рига, в одном конце ее жилое помещение с мельней и службами под одной крышей; это строение стояло всегда на возвышении; потом был широкий двор и ниже все остальные строения, хлев, конюшня, сарай, сеновалы, завозня и клеть. Хлев с конюшней и сараем помещались под одной крышей, полукругом, перед хлевом была огороженная площадка для скота — загон. Еще ниже, всегда на берегу речки, озера или пруда, находилась баня, без которой не обходилась ни одна усадьба. Подле бани находился еще домик для стирки белья и готовки пищи. Все эти строения, за исключением бани, были огорожены частокотлом или изгородью, в которой имелись ворота; кроме того, огорожены были огород, сад и пасека, куда со двора можно было пройти через калитку. Все здания ставились без фундамента, из круглых нетесаных бревен, с соломенной крышей, только у бани и домика для стирки крыша была лубяная. Как в риге, так и в жилом помещении пол был глинобитный, твердый. Печь была без трубы, с большим сводом, выложенным из кирпичей, дым выпускали в дверь или в проделанное в потолке отверстие. Сбоку была лежанка — днем на ней, главным образом, сидели дети, а ночью спал кто-нибудь из стариков. Ухоженные усадьбы с целыми крышами и при-

браным двором выглядели довольно хорошо, производили впечатление маленьких, закрытых крепостей, и, надо думать, это плотное ограждение вокруг построек, поскольку у латышей деревень не было, а все они слились рассеянно, это свидетельства старых, свободных времен, когда такие усадьбы ограждались от нападения не только частоколом, но и земляным валом; потому и сейчас считается, что перелезть через ограждение, а не входить в ворота, большая бестактность. Все члены семьи, домочадцы, хозяева и работники жили тогда в полном коммунизме или патриархально. Хозяин был старшим распорядителем работ и защитником интересов дома во внешнем мире, внутри дома все считались одной семьей в полном смысле этого слова. Совместно выполняли все хозяйственные работы, никто не помышлял лениться или уклоняться, так как знали, что, чем скорее будет сделано, тем лучше, и что, чем больше осенью соберут, тем лучше сами зиму проживут, потому что для всех варили в одном котле и все ели за одним столом. Работники и работницы не менялись, а долгие годы жили у одного и того же хозяина; нередко бывало, что старик, бобыль, в одной и той же усадьбе побывал и пастушонком, и младшим работником, и старшим. В ходе этой патриархальной жизни в каждой усадьбе происходили свои события, творилась своя история, так что старый бобыль мог много чего рассказать молодым о жизни при отце нынешнего хозяина, о событиях, относящихся к старому управляющему, старосте, и о многом другом. Работники — неженатые — помимо пропитания получали готовую одежду, женатым давали лен и держали в общем хозяйском стаде овец для них — тогда одежду им делали жены. Плата работникам существовала лишь в виде так называемой «банды», то есть хозяин отводил им кусок земли, на котором они сеяли лен, рожь, ячмень. А в свободное время вырубали себе в лесу поле, на что запрета в те времена не было, и обрабатывали его для себя, кроме того, накашивали себе сено на обочинах и на лесных полянах. Осенью припасы они продавали корчмарю или жидам в ближайшей Яун-Елгаве. Чтобы работницы имели шерсть, для них держали овец и лен они получали на холсты и нитки. Из этого они делали себе одежду и приданое. Единственные денежные поступления были осенью, когда могли продать выращенную овцу или барана. Одежду тогда носили исключительно домо-

тканую. Мужчины летом носили полотняные рубахи с широким воротом, холщовые штаны и короткие куртки, осенью в прохладную пору на куртки надевали сборчатые кафтаны, сложенные в складки, а зимой длинные самотканые кафтаны из шерсти, перехваченные цветным вязаным кушаком; овчинные тулупы носили только пожилые люди, молодые считали это стыдным для себя. На голову зимой надевали теплые шапки с ушами, летом — шляпу или картуз. На ногах и зимой и летом были лапти из липового лыка, с длинными оборами; оборы эти удерживали онучи, летом холщовые, зимой шерстяные, которыми обматывали ноги до колен. Осенью, когда хозяева продавали лен или какой-нибудь иной продукт, они привозили из города кожу для постол, и тогда выдавали работникам и работницам по паре постол; это была воскресная, праздничная обувь, чтобы в церковь ходить. Сапоги заводили только хозяйские сыновья или работники, у которых была своя «банда», но и то надевали их лишь по праздничным дням. Женскую одежду летом составляла полотняная рубаха с маленьким вышитым воротом, полосатая полушерстяная юбка и кацавейка, на голове платок; прохладной осенью укрывались большим платком — виллайне, а если выходили из дому, то надевали юбку, сшитую вместе с кацавейкой, и зимой — такие же, как у мужчин, шерстяные кафтаны; идя в церковь, укрывались виллайне, или сагшей, девушки на голову надевали венец, расшитый блестками и бисером, летом веночек из цветов, женщины, идя в церковь, надевали на голову чепец из тонкого полотна. Обувь у них была такая же, как у мужчин. Следует сказать, что для дранья лыка каждой весной, когда у липы кора отделяется, имение отводило всей волости три дня, только в эти три дня и разрешалось ходить драть лыко по всем лесам имения; так эти дни и называли «лыковыми». Так как подходящие липняки находились далеко, в глубоком лесу, то уже накануне вся волость — хозяева и домочадцы, молодые, старые на телегах отправлялись в дальние леса, прихватив котлы, посуду и провиант на три дня. В глубоком, густом лесу, где уже кончались проезжие тропы, располагались на стоянку, ставили шалаши и устраивали костры с рогатинами и перекладинами для варки пищи. Мальчишки отгоняли лошадей на ближайшую поляну, какая-нибудь старуха принималась за вареву, остальные с утра до захода солнца с маленькими

топориками и ножиками разбредались по липняку, старики служили проводниками, так как хорошо знали лес и знали, где находятся липы получше. Там тонкие, стройные липки срезали и, очистив от коры, сдирали лыко — голые стволы бросали, а лыко связывали, сколько можно унести, и тащили к стоянке, и так продолжалось все три дня, пока не набиралось лыка столько, что лошади его могли увезти. А по вечерам, с наступлением темноты, вспыхивался багровый огонь, озаряя высокие вершины деревьев колдовской игрой, и звучали бесчисленные песни из девичьих уст, так что лес кругом звенел. Молодые парни, пользуясь случаем, встречались с девицами, так что не одни сердечные узы в сумраке леса первоначально были из молодого лыка.

Все лето, занятые полевыми работами, люди расселялись: работницы спали в клетки, работники — на сеновале или в ночном, только хозяин со своей семьей оставался в жилой комнате. В напряженное время сенокоса дом иногда на несколько дней оставался вовсе пустым, лишь хозяйка с кем-нибудь из пастухов находилась там, все остальные — или в имении, или на дальних лугах, пока сено не скошено и не сметано. Дома все собирались только в субботний вечер, но и там, после бани и ужина, начинали расходиться — работники в ночное, работницы рано утром выгоняли скотину, потому что в воскресенье шли пасти взрослые девицы, чтобы маленькие, постоянные пастушки могли отдохнуть. Места для выгона и ночного — еще по старому шведскому землепользованию — были общие для нескольких усадеб, так что в субботний вечер в ночное собиралась целая орава и в воскресное утро на выпас тоже собиралось немало девиц. Между парнями и девушками в воскресенье начиналось бурное, даже шумное общение. Всю неделю занятые тяжелым трудом, эти дети природы как будто и не уставали, прыгали и танцевали, пели и веселились, так что рощи, холмы и долины оглашались ликованием; на лоне матери-природы они чувствовали себя непринужденно, здесь им не докучал никакой управляющий, не достигала палка никакого старосты, и этой свободой, хоть один день в неделю, они пользовались сполна. У каждой пастушки был при себе завтрак, туесок с маслом и молоком и лопот хлеба, парни же не брали с собой ничего, но зато они с утра отправлялись на охоту или ловить рыбу. Те, у кого не было огнестрельного оружия или рыболовной

снасти, искали птичьи гнезда, откуда извлекали птенцов. Другие собирали ягоды и орехи. К завтраку все с добычей собирались к месту ночного, ощипывали птицу, потрошили рыбу, птицу пекли на вертеле, рыбу — в костре на углях, уж соль-то они с собой брали, но им нужен был еще и хлеб, а еще лучше с маслом и молоком, поэтому они искали пастушек. Те вначале убегали и хоронились, но вскоре их окружали и ловили, поневоле приходилось делиться своим завтраком с парнями, но зато те угощали девушек своей добычей. После завтрака начинались игры и всяческие состязания в силе и ловкости, борьба, бег наперегонки, перетягивание, игра в бабки, в мяч и т. д. Так проводили время до обеда, когда парни гнали лошадей, а девушки — коров к дому. А после обеда уже готовились или даже отправлялись к месту завтрашней работы на всю неделю. И полевые работы эти длились до поздней осени, пока все не было переделано, все собрано и убрано и молотьба закончена, и лишь тогда, с началом холодов, все сходились жить вместе в теплом помещении. До этого даже жены работников с малыми детьми спали на сеновалах и в клетях. О батрацких детях точно можно было сказать, что они не избалованы; матери, отправляясь в поле, брали и своих грудных, где они, завернутые в одеялко, лежали на меже, или же мать, покормив младенца, подвешивала его к наклонно вбитому в землю шесту, где его в полном смысле слова «Мать Ветров» качала и нянчила. Зимним убежищем для всех была рига, так как в жилом помещении для хозяев хорошо если было еще место для двух работниц, все прочие — женатые и холостые, подростки, пастухи, детишки собирались в риге. Здесь поздней осенью и зимними вечерами начиналась совсем другая жизнь; все углы и стены риги были заставлены кроватями и лавками, посредине стояли колоды, скамейки, подставки на козлах, на которых мужчины работали топором и долотом, изготавливая всякую домашнюю утварь, вили веревки и щепали лучину. Длинная сосновая лучина была единственным освещением, только по праздникам зажигали самодельные сальные свечи. Горящую лучину втыкали между камнями или кирпичами печи, были и специальные держалки из железа с деревянной ножкой, называемые светец («бабиня»). У печки обычно сидела старуха или старик, обязанностью которых было иметь под руками сухие лучины и вместо прогоревшей

зажигать новую. Долгими вечерами сгорало лучины не мало, поэтому и не малая работа была для мужчин нащепать ее. Все необходимые в хозяйстве вещи — орудия и посуда, даже телега и сани, кроме кузнечных изделий, тогда изготавливались в своем доме; поэтому-то в риге зимними вечерами все время рубили, тесали, пилили и долбили, так что вечно она была заполнена всяким деревом, щепками и стружками. Все это не мешало женщинам заниматься своим делом, каждая пристраивала подле своей кровати или лавки прялку и пряла вовсю, так, что жужжало. Ребятишкам было не очень весело по вечерам, так как нельзя было находиться посредине риги, чтобы не мешать своими играми, поэтому они сбивались на лежанке за печкой, пока не погонят спать. Но были и такие вечера, когда нельзя было заниматься никаким шумным делом, рубить, строгать, ткать и плести, в пору велей, в вечер блую, в постную пятницу, тогда женщины шили или чинили одежду, а мужчины ничего не делали, зато много говорили; кто-нибудь из стариков рассказывал про старые времена, про мор, войну, про призраков и всякое другое, а то молодые парни принимались выкидывать всякие штуки, поддразнивали девушек, те не оставались в долгу. Тогда нередко затевали игры, пели, рассказывали сказки, загадывали загадки и т. п. Но, в общем-то, спать ложились довольно рано, с ранними петухами и вставали, тогда или старший работник, или сам хозяин заставлял вставать и вздуть огонь. Первыми обычно вставали девушки, подходили к печке, где с вечера были оставлены угли, и, мелко наломав лучину, раздували огонь. Спичками тогда еще редко пользовались, а если случалось, что угли потухли, тогда кто-нибудь из старших брался за кресало и трут. Парни, встав, обувались «по-лесному», т. е. надевали несколько посков или наматывали несколько портянок, и отправлялись на конюшню кормить коней, девушки же шли на мельню, где к рассвету с песнями намалывали по мерке муки. С рассветом все завтракали, потом хозяин с работниками запрягали коней и уезжали в лес за дровами или за бревнами, женщины кормили скотину, наводили чистоту в жилых помещениях, готовили обед и сновали по дому. Тогда и ребятишки чувствовали себя вольготнее, особенно вольготно потому, что вся одежонка их составляла одну рубаху. Вот в этой одежде, босиком, с голой головой, они носились по риге, по гумну и даже по

заснеженному двору, забегали в сараи, барахтались там в сене, катались на салазках с горы, пока женщины, убрав дом, не гнали их за книжку.

Так как мужчины весь день работали вне дома, то время еды, особенно обеда, не могло аккуратно соблюдаться. Те, что ехали в лес, брали с собой мешочек, в котором было полкаравая хлеба и кусок сала. В лесу каждый старался найти себе дерево посуше и рубил, скинув рубаху даже в мороз от пятнадцати до двадцати градусов; тот, кто первым нарубит воз, отыскивал смолистый пень и, наколов щепок, высекал искру в «горючий порох» (так назывался обугленный пучок льняных ниток), совал его в пучок соломы или сена и до тех пор размахивал им, пока сено не загоралось, а тогда совал огонь в кучу смолистых щепок подле пня. Вскоре в заснеженном лесу вздымалось яркое пламя, вокруг горящего пня собирались и другие работники, чтобы подкрепиться салом, жаренным на вертеле. Но многие не позволяли себе такого лакомства — потому что тогда много сала утекало в огонь и едок на этом проигрывал, поэтому они предпочитали сало нежареное, просто с солью и хлебом. Дома обычной едой была похлебка, заправленная молоком или салом, ржаной хлеб, картофельная, гороховая, ячменная похлебка, вареные бобы, иногда и каша; осенью и зимой часто варили щи с мясом или с салом. В завтрак обычно ели сухие блюда: картошку с селедкой, толченую коноплю (стак), творог с солью и с луком. Картошку тогда еще мало сажали, разве что клочок другой в огороде, а старики еще помнили времена, когда ее вовсе не было. В определенное время года и в определенные дни готовили особую еду. Так, субботним вечером часто делали конопляное молоко следующим образом. В большую миску клали толченую коноплю, или стак, заливали ее холодной водой и растирали поварешкой, так что вода делалась белой, как молоко. Эту воду заливали в котел, в миску вновь добавляли коноплю и размешивали, и вновь подбавляли, пока котел не наполнялся. Это конопляное молоко варили и ели за ужином, как жидкую кашу, с хлебом. Блюдо было очень сытное и жирное из-за конопляного масла и вкусное. Нередко, когда все были дома, варили овсяный кисель. С вечера в ушате с теплой водой замешивали овсяную муку прямо с лузгой, покрывали холстиной и оставляли в тепле, чтобы к утру поднялась, потом через сито про-

тирала в котел и ставили на медленный огонь; таким образом, овсяный отвар становился густым киселем, который ели с молоком. Кисель этот был с кисловатым привкусом — здоровая, сытная еда. Осенью в пору велей и перед Рождеством варили дробленый ячмень. Ячмень засыпали в ступу и толкли пестом до тех пор, пока лузга не отделялась от зерен. Потом просеивали. Это очищенное зерно вместе с горохом или бобами и копченой свиной варили, тогда ячмень становился похож на перловую крупу, только крепче и вкуснее. В Рождество и в канун дня Трех Королей ячмень этот варили с половиной свиной головы; блюдо это считается самым сытным и вкусным в латышской народной кухне. На Ваствавью, или Метени, готовили свиные ножки, в Великую пятницу и в Зеленый Четверг ели толченую коноплю с вареным горохом и бобами, что называлось «грусли». Отваренные в соленой воде горох и бобы ели вечерами и в другие дни, особенно осенью, когда они уродились, брали в торбочке с собой в лес или на работу в имение. На Юрьев день варили суп из петуха, в этот же день и на Пасху хозяйка раздавала крутые яйца, крашенные луковой шелухой. В общем, мясо тогда ели мало, только как угощение поздней осенью, когда свинью кололи, по праздникам и зимой в ту пору, когда с молоком было туго, и то только вареное, потому что жаркое готовить еще не очень умели; даже для торжественных случаев — свадьбы, крестин или поминок — жаркого не готовили, а свинину, баранину или говядину варили в малом количестве воды и в виде густого варева накладывали грудой в мисы и разносили по длинному столу. Пекли по праздникам и пироги и лепешки из лучшей просеянной муки и варили пиво. Весной и все лето обходились вовсе без мяса, одним молочным, похлебкой и хлебом. Но и этого порой не хватало, так что приходилось иной раз обходиться кое-как замешенным мякинным хлебом или ржаной болтушкой, совсем без хлеба. Но никто на это не жаловался, знали, что закрома у хозяина пустые и самому ему есть нечего. Хорошо еще, если удавалось для работников сберечь на каждого по караваю и туюску с толченой коноплей, творогом и толикой масла, чтобы с собой в имение дать. И вот на этой сухомятке они целую неделю ворочали самую тяжелую работу в имении, ладно если еще летом им раз в неделю принесут кувшин каши-болтушки или бочоночек пахты и сыворотки. Просто удиви-

тельно, как латыши при столь скудной пище не только справлялись с этой тяжелой работой, но были еще бодрые и здоровые и доживали до глубокой старости, при этом не казались телесно и душевно понурыми, а были довольно живые и веселые в общении, только при угнетателе управляющем их лица становились серьезными, даже скорбными, тогда смолкали песни и смех, с угрюмой покорностью несли они свою судьбу. Не знаю, найдется ли еще пример такой выносливости среди других народов Европы?

Примечание. Следовало бы рассказать о свадебных, крестильных и поминальных обрядах этой местности. Но поскольку они сходны с общелатышскими обычаями и обрядами, полностью уже собранными Ученой комиссией Рижского Латышского общества, то я не останавливаюсь на них (. . .).

3. ИЗ ВСТУПЛЕНИЯ К СБОРНИКУ «НА РОДИНЕ И НА ЧУЖБИНЕ»

В святых дубравах предков
При древних алтарях
Хранит нам песен свитки
Кострищ остывший прах.

Где яр прибой балтийский,
Весь в пенном серебре,
Там этих песен искры
Мерцают в янтаре.

Кто, ухом припадая,
Их голос различит,
Тот молвит: «Вот младая
Поэзия звучит!

То ей слагать нам оды
О подвигах былых
И величать народы
И все свершенья их».

1902

4. ГДЕ ДЛЯ МОЛОДЦА НЕВЕСТА?

Молви, Даугава, словечко,
Гауя, не молчи в ответ.
Где для молодца невеста,
Подросла уж или нет?

Катит ясеневу лодку
Пенный Даугавы поток,
Юна дѣвица с той лодки
Белит в речке свой платок.

Где в долине вьется Гауя,
Бела к алой роза льнет,
Юна девица другая
Во саду венки плетет.

С богом, с богом, даугавянка,
Ты прости меня, прости.
Ой, не жди меня, гауянка,
Ты веночки вей-плети.

Матерь-Счастье мне невесту
Обещает с давних пор,
Мать-Дубрава, Мать-Поляна
Ткут ей свадебный убор.

1869

5. ВОСТОК

«Свет Восток!» — в том слове ныне
Чую грусть великую,
Что лелеет на чужбине
Страпник, горе мыкая.

Все тем чувством без остатка
Латыши охвачены.
Почему? Томит догадка
О былом, утраченном.

На Востоке, за горами
В пору стародавнюю
Витязь-бог над латышами¹
Власть имел державную.

Царь своей земли счастливой,
Первенец богов ее,

¹ В ту пору у них было другое название, здесь разумеется сам тот корень, от которого, как думают, пошли латыши. — *Прим. автора.*

Правил он миролюбиво,
Изведя врагов ее.

Он в долинах изобильных
Ставил грады каменны,
Возводил златостропильны,
Благолепны храмины.

Царь учил народ трудиться,
Чтить искусства разные,
Жил народ в его столице
Как бы вечно празднуя.

И предания об этом,
Кох нет прекраснее,
Бродят всё еще по свету,
Хоть зовутся баснею.

Духа нашего природа
Есть порука высшая:
Мы — сыны того народа,
На закат прибывшие.

Мы от тех, что век ходили
В битвы легендарные
И пришли и заселили
Берега янтарные.

Балта юра — Бело море, —
Нам то имя дорого
Со времен, как в грозном споре
Здесь мы били ворога.

В память той поры счастливой
В нашу — беспросветную —
Кокле нам поет тоскливо
Про края рассветные.

Рай-Восток, гнездо отцово,
Пращуров селение,
Пусть твой дух воспрянет снова
В новых поколениях.

1869

6. МОГИЛА ИСПОЛИНА

Высокий белый камень
Стоит среди долин,
Там древле похоронен
Был витязь-исполин.

Орел с небес клекочет —
Дух витязя того,
А в ночь там копыя точит
Всё воинство его.

Туда певец стремится
Дряхлеющий, и вот
Он видит в небе птицу
И горестно поет:

«Не попусту ль ты реешь
Все эти сотни лет?
Где спросишь, о тебе уж
Ни в ком помину нет.

Того, кто взмыть мечтает
И с солнцем плыть вдвоем,
Теперь тут почитают
Никчемным вороньем.

Зовутся тут орлами,
Кто мертвечиной сыт,
Зовутся лебедями,
Кто в тине егозит.

Как много лет хотел я
Порухить этот бред!
Во тьме упрямо пел я
И призывал рассвет.

И что же? Я осмеян,
Желавший всем добра.
Внушают мне: «Не смеем.
Еще-де не пора».

И стала жизнь тяжка мне,
Я призываю смерть.

Так пусть же здесь, у камня,
Мне пухом станет твердь.

И ты в забытом гробе
Угомонись душой.
Пока твой час не пробил,
И ты вверху чужой».

1869

7. МЛАДШЕНЬКАЯ

Мать-Время всем девчатам
К свадьбе что-то припасла:
Той — рубаху, этой — сагшу,
А младшенькой — виллайне,
А младшенькой — виллайните
Да веночек бисерный.
Высватали младшенькую
Пахарю приморскому
Со золотых холмов приморских
Возле моря светлого.
Перкон был умычником,
Солнца дочь — погонею,
Божья конная дружина
Щедро путь украсила.
Двор поставлен был на горке,
Медные вороточки,
А вокруг — дубки в низине,
Липовые рощицы.
Детки на дворе кишели,
Как ершата в озере:
Сыновья пахать умельцы,
Мореходы смелые,
А дочурки все певунии,
Мастерицы парус ткать.
Сыновья на белых лодках
Воевали с севером,
По дубравам бортничали,
Пал пускали по лесу
Да ячмень выращивали
На пиво на сладкое.
Изобильем мирной жизни
Младшенькая тешилась,

Тучный хлеб ей поднимала
Матерь-Счастье в бороздах.

Пять могучих громобоев
Служат богу Перкону:
Первый бьет, второй грохочет,
Третий блещет пламенем,
Мастер ядра лить — четвертый,
Пятый — ловчий нечисти.
Обложили Матерь-Нечисть
На приморских пашенках,
Градом хлещут, громом лупят,
Гонят, спуску не дают.
Глядь — истратили все ядра! —
И ушли за новыми.
Матерь-Нечисть отдышалась,
Завернула к пахарю,
Меду с молоком наелась
И в садочке спать легла,
Строго-настрога велевши
Пахарю присматривать:
Чуть завидит он над лесом
Махонькое облачко
Или пуще — верхового
С длинной плетью огненной,
Чтобы поднимал тревогу
И будил немедленно.
И послушался бедняга,
Сам того не ведая,
Что он всем своим на горе
Матерь-Нечисть выручит.
Налетели громобои —
Нету Матерь-Нечисти.
Осерчали громобои
На того на пахаря,
Осерчали, отвратились,
В небесах растаяли.

Разом буря налетела,
Злые вихри черные
Раскачали сине море,
Вздулись волны пенные.
Перкон гром послал трикраты,
Взвыла нечисть злобная,

И нахлынула с заката
Сила христианская
И прошла огнем и кровью
Пашенки да морюшко.
Тут и сгнули в пучине
Сыны-корабельщики.
Там песок их щеки гложет,
Тина кроет волосы.
Остальных вогнали в землю,
Сон-травой засеяли,
И растут теперь над ними
Дубки низкоствольные.
Всех, кто жив остался, гонят
К господину грозному
Камень бить в каменоломнях,
Строить грады с башнями.

Одинока, бесприютна,
Младшенькая бедствует,
Только слышно — стонет кокле
Над рекою Даугавой,
Только видно — льются слезы
В Гаю с круч, с ольшаников:
«Пробегите, стоны кокле,
Поверху да понизу!
Пусть сыны мои узнают,
Как мне горько плачется.
Волны, волны, унесите
Жемчуг-слезы в морюшко!
Пусть сыны мои узнают,
Как мне горько плачется!»
Матерь-Время, Матерь-Время,
Вспомяни о младшенькой,
Протяни ей, горемычной,
Руку ласки, помощи,
Пробуди сынов отважных,
Что в пучине сгнули,
Пусть очнутя, взвеселятся
На свету на солнечном.
Подними ты всех упавших,
Сон-травой опутанных,
Вызволи ты всех ослабших,
Тяжким игом согнутых,
Возвратитесь, громобои,

Выручите пахаря,
Уж довольно он наказан,
Пожалейте сирого!
Никогда уж он отныне
Не удружит нечисти.

1870

8. ВОСТОК И ЗАПАД

Боги-братья были оба
И велики, и мощны.
Да пошла меж ними злоба:
Боги часто не дружны!

И весь мир в своем разладе
Поделили меж собой:
Взял Восток один из братьев,
Запад взял себе другой.

Вот из злата-самоцвета
Солнце выковал Восток
И пустил его по свету,
Чтоб сияло миру впрок.

Запад тотчас же в пучину
Солнце красное стащил,
Запад мира половину
Черной теменью покрыл.

В первозданной колыбели
Блюл народы брат Восток.
Им в любом земном пределе
Всяк завидовать бы мог.

Нет же! Запад перепутал
Первородный их язык —
И пошла в народах смута,
Разногласья дух возник.

Дал Восток вождей народам
Из божественных сынов, —
Духом сильных, благородных
Обрели мы в них борцов.

Дал Восток народам волю
Мирно землю населять
И самим своей судьбою
Право дал им управлять.

Но оковами-цепями
Злобный Запад встретил их,
Запад сделал их рабами,
Превратил их в крепостных.

Был бедою, был напастью
Тот же Запад и для нас.
Но Восток, на наше счастье,
Латышей недавно спас.

До сих пор к Востоку-свету
В сердце Запада вражда, —
Латышам запомнить это
Надо раз и навсегда!

1870

9. НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Было, было времечко —
Всюду их певали,
По поселкам сотнями
Люди их знавали.

Старые и малые
Заведут, бывало,
Будто не усталые,
Будто горя мало!

А как Яну славиться,
Чудилось, что каждый,
Век дай петь, не справится
С песенною жаждой.

И какой превратности
Ни случалось сбыться,
Освещались радостью
У поющих лица.

Нынче песни прогнаны
Вон с родного поля,
Жмутся, в книги собраны,
В темноте-неволе.

Пусть народ надеется:
Хоть пора сурова,
Злая тьма рассеется,
Запоет он снова.

1870

10. СИРОТКА

Поздненько, к полуночи,
Шла сиротка, плачучи,
С викой для скотинушки
С дальней луговинушки.

Вдруг по лунной нивушке
Матерь-Счастье к девушке:
«Вот тебе, дочурочка,
Три льняных утирочки.

На пригорке три дубка —
Лесовички три сына,
Веточки тройчатые,
Листики зубчатые.

В нынешнюю ноченьку
Ты повесь-ка, доченька,
На дубки те славные
Дары мои справные».

Сирота послушалась.
Видит — мгла порушилась,
Мчится вскачь бессонная
Божья служба конная.

Злат росой умылися,
Белым льном утерлися,
Стали думать, говорить,
Чем сиротку отдарить.

Старший за утирочку
Дал овечку-ярочку,
Дал корову-редрушку,
Сливок в день по ведрышку.

Средний дал каурого,
На работу скорого,
Младший дал сироточке
Двор — медны вороточки.

1870

11. НОЧЬ ВЕЛЕЙ

Настала полночь. Тишь. Закрыты ставни.
Не бодрствует никто, не хочет ждать.
Живые спят, забыв обычай давний —
Ушедших в это время поминать.
Но те приходят, с ветром набегают,
В дверях теснятся, в щели проникают.

Чуть слышится холодный мерный ропот
В конюшнях, клетях, ригах и в жилье,
Приходит в мысли посторонний шепот,
И спящие пугаются во сне.
Но страх недолог. Тени замолчали
И удалились, полные печали.

Там, на вершине, средь седой дубравы,
Еще береза старая скрипит,
Ночной туман цепляется за травы,
Прикинуться зловещим норовит,
Там, на откосе, на былом погосте,
Находят доски сгнившие и кости.

Там сбор усопших. В нем смятенье бродит,
Нестройный шум звучит, как дальний гром,
И вдруг смолкает. И вперед выходит,
Чуть обрисован лунным серебром,
Младой певец. Он начал здесь так славно
И в мир теней сошел совсем недавно.

Становится певец у края кручи,
Горящим взором смотрит на восход,

Не на закат, где гроздятся тучи,
Предвестницы грядущих непогод.
И вот уже звучит с песчаной кромки
Призыв певца, призыв живой и громкий:

«О горы наши, доли! То не вы ли
Народных сказов лучшая краса?
Не может быть, чтоб тут о нас забыли!
Не может быть, чтоб день не занялся,
Когда народ, проснувшись к новой жизни,
Сберется здесь пропеть хвалу отчизне!

В тот славный день спрошу я вас, вершины,
И вас, дубы, на том святом посту,
Кто при коптящем пламени лучины
Узрел и понял вашу высоту?
Не тех ли под восторженные клики
Тогда припомнят средь отцов великих?

Ведь это их речей святая сила
Одoleвала глушь кромешной тьмы,
Укореняла веру, и будила,
И направляла души и умы,
К единству разобщенных побуждала,
В сердцах любовь к отчизне утверждала.

Увы! У той любви нет громкой мощи,
Лишь мертвым нам живая речь дана,
Но вы, дубравы и святые рощи,
Доносите сюда сквозь времена
Свидетельство о том, что у народа
Отобраны отчизна и свобода!»

Так чей то дух над бездной вырастает?
Кому кивает дружно рой теней?
То имя всяк священным почитает,
То был певец народа латышей,
Посеявший ростки надежд и света
Высоким словом «Ярого сонета».

1870

12. НАРОДУ

Разно мыслят, всяко мыслят,
Чудно мыслят пришлые!
То, что мыслят пришлые,
Не спеши затверживать!
По наставшим временам
Ты обязан думать сам!

Разно молвят, всяко молвят,
Чудно молвят пришлые!
То, что молвят пришлые,
Не спеши вызубривать!
Говори: свою беду
Сами предадим суду!

Разно строят, всяко строят,
Чудно строят пришлые!
То, что строят пришлые,
Не спеши нахваливать!
Строй судьбу себе и дом,
Чтобы жить веками в нем!

Разно пето, всяко пето,
Чудно пето пришлыми!
То, что пето пришлыми,
Не спеши заучивать!
Всяк народ пред всеми прав,
Отчей песней жив и здрав!

1871

13. НЕБЕСНАЯ СВАДЬБА

Посреди страны небесной
Месяц терем выстроил,
Путь перед душой-невестой
Звездочками выстелил.

С дочкой Солнца, с первой дочкой
Его свадьба слажена,
С той, чья голова веночком
Из лучей украшена.

Вот на ней наряд багряный,
Как заря сияющий,
Вот сундук с ее приданым,
Золотом блистающий.

Божья конная дружина
Скачет, распеваючи,
Воды, горы и долины
Щедро украшаючи.

Доставляют свадьбу эту
В дали неба ясного,
Где стоит у края света
Замок Рока властного.

Там их Рок-отец венчает,
И в алмазной гриднице
Он им жребий назначает,
Как ему провидится:

«Вам над миром чередую
Пору обозначивать,
Теплотою, светлотою
День, ночь оборачивать.

Духи света, ваши дети,
Будут помощь верная
Людям, чтобы одолети
Мрака семя скверное».

1871

14. СВЯТОЙ МИГ

Утро праздника сверкает,
Ясное, погожее,
Дальний колокол скликает
Паству в церковь божью.

Бором я на зов шагаю,
Кручами песчаными.
Чу! — ручей поет, сбегая,
Трелями органными.

Подхватили птичьи хоры
Стройную литанию,
Вешний цвет, дымясь, средь бора
Льет благоухание.

Сосны, замерев рядами,
Как столпы древесные,
Держат своды головами
Синие, небесные.

Свет в ветвях являет взгляду
Образа нетленные,
Из росы на них оклады
Блещут драгоценные.

Сонмы душ сошлись под сосны
В трепетном молчании,
Сам Владыка венценосный
Льет на них сияние.

И отсюда не спешу я,
И молитвы пламенные
Здесь с восторгом возношу я,
Средь великой храмины.

1873

15. РАЗЫЩЕМ ПЕСНИ

Напевов мы не знаем
Своей родной земли,
Одних не вспоминаем,
Другие прочь ушли.

Пришелец нас морочит,
Сердца стремясь купить,
И даже песню хочет
В народе погубить.

Но есть гора такая,
Где крест пристыть не смог,
Там речь вольна родная,
Там жив наш древний бог.

Ведут три вещих девы
Там вечный хоровод
И чудные напевы
Слагают в свой черед.

Одна поет про море,
Про одинокий челн,
Про счастье и горе,
Что ждут его средь волн.

О чем поет вторая?
О плуге золотом,
О том, как жизнь, сгорая,
Красуется трудом.

А третья песнь заводит
О звездах и луне,
Откуда души сходят,
Родившись в тишине.

И песни те проворно
У каждой из руки
Слетают в дол просторный,
Как свет, свитой в клубки.

Где яр прибой балтийский,
Весь в пенном серебре,
Там этих песен искры
Блуждают в янтаре.

В святых дубравах предков
При древних алтарях
Хранит тех песен свитки
Кострищ остывший прах.

Они, как дымка, всходят
Под небо по утрам
И сиротами бродят
По бедным хуторам.

Кто слухом изошрится
И их услышит вновь,
Тот духом возродится,
В том загорится кровь.

Как ковш со старым медом
Тот поднесет к устам,
Чтоб славу спеть народам
И вечным их трудам.

1873

16. ПРОСВЕТИТЕЛЯМ

Мои государи, светочи знания,
Великой нации разум,
Всем меньшим премудрые начинанья
Привить вы готовы разом.

Но эти привои ветвятся скупю
И в рост идут туговато.
Взюмнили вы зря, что меньшие тупы, —
То сами вы виноваты!

Настроив препон своими руками,
Вы в них же тычетесь лбами.
Вы делайте меньших учениками,
Не делайте их рабами.

1873

17. ГОЛОВА НА ТРЕХ МЕЧАХ

У Кекавы, где вдоль поляны
Холмы, там сосен старых строй:
Под ними — древние курганы
И место битвы роковой.

На трех мечах, там, на кургане,
Лежала древле голова.
Над ней кудесник заклинаний
Твердит угрюмые слова:

«Последняя в народе! Много
Одoleвала ты врагов!
И вот в душе моей тревога,
Что нет главы у удалцов.

И без вождя отныне бродят
Народа твоего сыны,
И слава о тебе уходит
От берегов родной Двины.

В кургане хладном спи, хранимый
На тех мечах железных, друг,
Пока в стране твоей родимой
Перекуют на лемех плуг!

Придет ладья из Риги дальней
С сынами Латвии: твой прах
Найдут в одежде погребальной
Здесь, на железных трех мечах.

Припомнят годы битвы этой
И славу предков, в свой черед,
И новыми мечами света
Вооружится весь народ!»

1874

18. ЗЕМЛЯКАМ НА ЧУЖБИНЕ

Что же, братья, вас погнало
На пути непройденны?
Или вправду места мало
Сделалось на родине?

Иль уловы не ходили
В сети, на приманочки?
Или жита не родили
Ляточки-деляночки?

Или сена с луговины
Мало доставалось вам?
Иль не множилась скотина,
Как того желалось вам?

Или дом родной оставить —
Дело пустяковое?
Иль хозяйство проще ставить
На чужбине новое?

«Дома любо, дома мило,
Всё и впору рóдится,
Да трудиться через силу,
Как ни кинь, приходится.

К отчей пашне сердцем жмешься,
Сколь ни стóит мук она,
Да как взвидишь — бьешься, бьешься,
А плывет из рук она,

Так и прочь уйдешь бродягой
За телегой тряскою
И очутишься с ватагой
Под горой Кавказскою.

Там долины осиянны,
Цвет обилеи розовый,
Да не машут там на Яна
Веточкой березовой.

Там народы процветают
Многие и разные,
Не по-нашему читают,
Нашего не празднуют».

Лишь на Даугаве на сишей
Лиго величается.
Даугава, как мать о сыне,
Всё о вас печалится.

Даугава, струею пенной
Издали сверкаючи,
Чует близость перемены,
Вас домой скликаючи.

1874

19. ИМАНТА

Иманта заколдован,
Не умер — спит герой,
Бездействием окован,
Под Синею горой.

Спит во дворце из золота,
И не ржавеет меч,
Умевший брони-латы,
Как молниями, сечь.

Век минет — на поляну
Из недр выходит гном.
Глядит: когда ж туманы
Рассеются кругом?

Доколе склоны эти
Невидимы во мгле —
Хотя б тысячелетье, —
Иманте быть в земле.

Но Перконовы дети
Разрушат зла оплот.
Волшбы порвутся сети,
Иманта меч возьмет.

И Солнечные девы
О жизни запоют.
И светлые напевы
Героя позовут!

1874

20. МЛАДАЯ СИЛА

Так где ж она живет, молодая сила,
Что ревностно отчизну возлюбила?
В Митаве, в Риге, в дерптских номерах?
О ней твердят, ее явленья чают,
Спасать народ от бед ей поручают,
Поскольку чужд ей пред трудами страх.

Слова звучат, но нет движенья дела,
Которое народу бы радело,
В Митаве, в Риге, в дерптских номерах.
Ревнителю народного спасенья
Поглощены кладбищенскою сенью,
Безвременно угасшие в трудах.

1874

21. НА ДАУГАВЕ

За Даугавой за синею
Я рос, дитя невинное,
И верил, и любил.
Однажды в утро раннее
Ушел, и боль-страдание
Всю жизнь потом я пил.

За веру эту ранами,
А за любовь обманами
Отплачивали мне.
На милый берег выйду я
И с горькою обидою
Скажу о том волне.

И Даугава любимая,
Как матушка родимая,
Мою печаль поймет.
И чистое течение
Все муки-огорчения
На тихом дне уймет.

1874

22. СЕВЕРЯНКА

«Батя, батя, строй мне лодку,
Шей мне парус, матушка!
Выйду, выйду в сине море,
Северянку высмотрю».

День проплыто, ночь проплыто —
Нету северяночки.
Глядь — а трое великанов
Ветер сеют с горочки.

«Добрый день вам, ветросеи!
Здесь ли северяночка?»
— «Благодарствуем на слове.
Правь-ка, малый, к северу».

День проплыто, ночь проплыто —
Нету северяночки.

Глядь — а трое великанов
Снег дробят на мельнице.

«Добрый день вам, снегомолы!
Здесь ли северяночка?»
— «Благодарствуем на слове.
Правь-ка, малый, к северу».

День проплыто, ночь проплыто —
Нету северяночки.
Глядь — а трое великанов
Лед мастачат в кузнице.

«Добрый день вам, ледовары!
Здесь ли северяночка?»
— «Благодарствуем на слове.
Правь-ка, малый, к северу».

День проплыто, ночь проплыто —
Нету северяночки.
Глядь — а вот она и крепость,
Дом Владыки Севера.
Лед-гора стоит, студена,
Блеск алмазный сыпется.

Машут страхи-великаны
Огненными копьями,
Красной лентой через небо
Зарево полощется.

Вышел сам Владыка Север,
Глянул люто-холодно,
Какдохнул — и мамин парус
Распороло начисто,
Как тряхнул башкою — лодку
Раскололо в щепочки!

Тут-то ровно как сиянье
Набежало с севера.
Думал — смерть! Гляжу — а это
Северянка-дэвица.

«Заходи ко мне, парнишка,
Во светлицы-горницы!

Ты, гляжу, прозяб изрядно.
Вот и обогреешься.

Не горюй, что печки нету, —
Есть любовь горячая,
Уж коль вспыхнет, то любая
Лед-гора растопится».

1874

23. В СЧАСТЛИВОЙ ЛОДОЧКЕ

Ни снега, ни льда не станет
На Даугаве голубой,
Цвет майский к жизни воспрянет,
Тогда-то и мы с тобой

Решимся берег оставить,
По Даугаве поплывем,
С собою лодочкой править
Матерь-Счастье позовем.

Помчит нас Матерь-Счастье
По радостному пути,
А встретится нам ненастье —
Мы вместе станем грести.

1875

24. НА ДУНАЕ

Мать у Даугавы мне пела
Песенку чудесную,
Столько лет уж пролетело —
Помню эту песню я.

Очутился на Дунае
В боевом походе я,
Слышу вдруг — звучит родная
Давняя мелодия.

Тьма, и лишь костер мигает
Там, над кручей горною,
Где за турком наблюдают
Сербские дозорные.

Наблюдают, песней будят
Чудо-ночь балканскую,
Как в бою они добудут
Волюшку славянскую.

И на слух слова родные
Нет, да запримечу я,
Хоть и слышу я впервые
Сербское наречие.

Над рекою быстротечной
От того от пения
Где-то в глубине сердечной
Чувствую волнение.

Будто звал бы этот край я
Стороною отчею,
Если б сербов у костра я
Не видал воочию.

Облака ушли, открылась
Чаша мироздания,
По реке засеребрилось
Лунное сияние.

Под скалой волны движенье
Молвило мне, мерное:
«Твоему, латыш, волненью
Есть разгадка верная.

Этот край своим отцовским
Счел ты по достоинству:
Здесь латышское с литовским
Стаивало воинство.

И была страна большая,
Знайте эту правду вы,
Здесь, на юге, — по Дунаю,
Там, у вас, — до Даугавы.

Вышли из нее славяне,
Латыши с литвинами.
Скоро вы опять, как ране,
Станете едиными.

И опять у рек великих
Рубежи поставите
И под радостные клики
Волюшку восславите».

1877

25. ЛУКОШКО СКАЗОК

Бабуля у нас в семействе жила,
И целый век понемножку
Она собирала и берегла
Чудесных сказок лукошко.

И ночью велей, когда вязать
Обычай не позволяет,
Старушку просили мы рассказать,
Ну что сама пожелает.

Она брала лукошко свое,
Тихонечко в нем копалась,
И детское наше житье-бытье
Волшебнo преобразалось.

Охватывал душу радостный страх,
Миры чудес открывались.
Потом месяцами в этих мирах
Мы въяве жить оставались.

Искали мы в ближнем березняке
Следы пропавших сокровищ,
Пускались верхом на верном коньке
Искать и разить чудовищ.

И Матерь-Счастье иль Вещуна
Встречали мы возле леса,
Казнили с их помощью колдуна,
Освобождали принцессу.

И звал нас на пир во всплывший свой дом
Отец — король величавый,
Цветами нас осыпали при том
И пели нам, смелым, славу.

Меня навсегда увлек этот сон,
Мой взор и разум настроив
Жить хлебом простым, но видеть во всем
Борьбу богов и героев.

От детских мечтаний не откажусь,
Ношу их всюду с собою,
И вот потому-то я не гожусь
На бой с суровой судьбою.

Что долгом считается наяву,
Я сбрасываю со счета,
За то легкомысленным я слыву
И нет мне в людях почета.

Ах, эка печаль — людской пересуд
Иль наговор ядовитый,
Когда мои сны мне радость несут,
Что редко кому открыта!

Искали ее, как спрятанный клад
В лесах и долах заветных,
Писали о ней и в склад и не в склад
Тома прорицаний тщетных.

Нет слаще ее и нету святей,
Такой простой и свободной.
Она прозывается меж людей
Поэзией народной.

Родная старушка, затих давно
Твой голос и так негромкий.
Лукошко твое обережено
С любовью твоим потомком.

Когда же и я обрету покой
И мир под вечною сенью,
Глядишь, снисходительный суд людской
Простит мои прегрешенья.

1878

26. ПАМЯТИ МИЛОГО ДРУГА

Кегума¹ гремели воды,
И тропой прибрежною
Мы брели, живя в те годы
Общею надеждою.

Реял вешний цвет над лугом,
Вырвавшись на волюшку.
Пахарь грузно шел за плугом,
Обновляя полюшко.

Не знавал прекрасней мига
Наш зеленый Льелварде,
Звонким кличем «Лиго! Лиго!»
Наполнялось всё везде,

В камне отчие преданья
Отзывались ропотом,
И, казалось, мирозданье
Говорит нам шепотом:

«Что вам прелесть сказок мнится
На заморском острове?
Сколько чудных их таится
На родимой Даугаве!..»

Злые ветры взвыли зычно
И в края далекие
Нас с отчизны горемычной
Унесли, жестокие.

Но о той весне хранил ты
Память благодарную,
С нею сказки возродил ты
Наши, лучезарные.

И поэзия народа
Поднялась, воскресшая,
Будто с плеч народ невзгоды
Сбросил, наболевшие.

¹ Кегум — перекал на Даугаве. — Прим. автора.

Зыбилась, как в поле жито,
Вся душа народная,
Всё чужое вмиг изжито
Было, нам не годное.

Старины слова святые
Зазвучали весело,
Лиго кокле золотые
По дубам развесило.

Будто впрямь средь туч гнетущих
Засияла светлая
Дней отечества грядущих
Звездочка рассветная!..

Вдруг в мои глухие дали
Возле моря южного
Докатилась весть печали
С севера да с выюжного.

Омрачились волны сини,
Крымские, приветные,
Шепчут мне: «Погасла ныне
Звездочка рассветная...»

Боги, боги! Лютый враг
Так изводит мукою
С теми, кто любим и дорог,
Вечною разлукою!

Снова жить мне и томиться,
На сиротство сетуя, —
Предали сырой землице
Песню недопетую.

Ветры, ветры, ой летите
По небу над тучами
И печаль мою несите
Кегуму гремучему.

Пусть бежит три ночи немо
Та стремнина светлая,
Пусть простимся в тишине мы
Со звездой рассветною!..

1879

27. ЗИМА

Хоть зима, а грусть нахлынет —
Разом вон из дому я
И туда, где речка стынет,
В рощицу знакомую.

Речка молвит: «Пусть зимою
Подо льдами маюсь я!
Погоди — ужо весною
Ох и разгуляюсь я!»

Заводь молвит: «Ну, сугробы!
Здесь и не пробиться-то!
Вдоволь влаги будет, чтобы
Цветикам напиться-то!»

Роща молвит: «Очень больно
Мне от груза снежного.
Не беда! Вздохну я вольно
В пору мая нежного».

Знать, у нас с рекой и веткой
Мысль и чувство сходятся
Так в одно, как это редко
В лучшей дружбе водится.

1895

28. МОЯ ОТЧИЗНА

Вот отчизна наша:
Взморье чистое,
Островочки пашен,
Рощи мглистые.

Там в бочонках зреет
Пиво хваткое,
Там в бересте млеет
Брага сладкая.

Кто на лодке едет
В пору денную,
Даугаву тот видит
Белопенною.

Но кроваво-буро
В ней свечение,
Коль ударит буря
Встречь течения.¹

Вал, буруном брызги,
Лодку вывези,
Коль служить отчизне
Едут витязи!

1899

¹ То есть с севера. — *Прим. автора.*

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлены героический эпос Андрея Пумпура (1841—1902) «Лачплесис» — сокровище латышской национальной культуры, а также — впервые на русском языке — ряд стихотворений Пумпура и фрагмент его автобиографического очерка «На родине», тоже впервые переведенный на русский язык. Центральной частью творческого наследия Пумпура является «Лачплесис», созданный на основе тщательного изучения латышского фольклора, истории и быта латышского народа. Другие материалы сборника: автобиография и стихотворения — помещены в Приложении, поскольку они являются и дополнением, и своеобразным комментарием к главному произведению Пумпура.

Комментарии к «Лачплесису» составлены исследователем эпоса Я. Я. Рудзитисом. Комментарии к автобиографии и стихам написаны В. А. Вавере. В настоящем издании всесоюзному читателю впервые представлено творческое наследие Пумпура в разных его жанрах, объединенных общей мыслью и общим содержанием — благородным стремлением поэта, патриота и интернационалиста, сделать все от него зависящее для прославления своей родины Латвии и своего народа-труженика: его богатого поэтического творчества, его языка, природы и традиций, его стремления к национальной независимости, социальной справедливости и миру.

ЛАЧПЛЕСИС — ЛАТЫШСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОИ

Предлагаемые примечания призваны в первую очередь представить по возможности более полную картину использования и творческого видоизменения латышского фольклорного и этнографического материала в «Лачплесисе» А. Пумпура, выявить фольклорную традиционность мотивов и образов эпоса.

В примечаниях прослеживается также связь произведения Пумпура с современной ему латышской литературой и публицистикой, степень использования автором различных исторических источников.

При характеристике связей «Лачплесиса» с латышским устным народным творчеством указываются не только самые близкие эпосу фольклорные сюжеты и комплексы мотивов, которые использованы

или могли быть использованы Пумпуром, но и менее близкие и даже совсем инородные их варианты. Этот метод представляется целесообразным, поскольку не только ориентирует читателя в том, что связывает эпос Пумпура с соответствующими тематическими фольклорными циклами, но в известной мере выявляет и своеобразие «Лачплесиса». Под «народными песнями, сказками, преданиями, поверованиями, обрядами», под «народной мифологией», если это не оговорено иначе, подразумевается латышский материал.

Эпос комментируется по отдельным песням. Стихи «Лачплесиса» пронумерованы с обозначением каждой десятой строки. Примечания располагаются соответственно под порядковым номером комментируемой строки (или начальной строки целого комментируемого периода).

В некоторых важных собраниях латышского фольклора, материалы которых привлекаются в примечаниях, нет точных указаний на время записи фольклорного произведения. Целесообразно поэтому дать общие сведения о периоде записи текстов, помещенных в этих изданиях (латышские названия даются в переводе, названия в латышском оригинале и др. библиографические сведения, а также шифры условных сокращений см. ниже в списке «Условных сокращений, принятых в примечаниях».

[Ф. Я. Б р и в з е м н и а к с]. Сборник материалов по этнографии, 1887 [на русском языке]. Тексты записаны в 70-х годах XIX в., в основном во второй половине десятилетия.

А. Л е р х и с - П у ш к а й т и с. Латышские народные предания и сказки, тт. I—VII. Сказки и предания в тт. I—V записаны в 80-х годах XIX в. Тексты V тома — главным образом в 70—80-х годах; материалы VI—VII томов по большей части в 70—90-х годах.

П. Ш м и д т. Латышские сказки и предания. 1925—1937. Из числа записей, публикуемых здесь впервые, большинство сделано корреспондентами П. Шмидта в 20—30-х годах XX в. Важной является первая публикация в данном собрании рукописи II части VII тома «Латышских народных преданий и сказок» А. Лерхиса-Пушкайтиса, материалы которой датируются главным образом 70—90-ми годами XIX в.

К р. Б а р о н. Латышские народные песни («Латышские дайны»), тт. I—VI, 1894—1915. Включают, за редкими исключениями, все латышские народные песни, записанные до 1913 г. Преобладают записи второй половины и конца XIX в. Используются также собрания начала и первой половины XIX в.

Отдельными изданиями и в сборниках сочинений Пумпура «Лачплесис» выходил на латышском языке семнадцать раз (в это число не включены публикации «Лачплесиса» в школьных хрестоматиях). «Лачплесис» становится одним из самых известных произведений латышской литературы за пределами Латвии. В переводах на другие языки (начиная с 1945 г.) эпос издан восемнадцать раз.

В русском переводе Вл. Державина (1908—1975) эпос опубликован пять раз (1945, 1948, 1950 гг. — послесловие и примечания

Ю. Вишпера, 1955 г. — сокращенное издание для детей, 1975 г.). Публикации перевода не идентичны, в каждом издании (особенно в первых четырех публикациях) много отличий от предыдущих. В данной книге использована публикация 1975 г. (М., «Наука»), стоящая ближе всего к изданию 1950 г., но имеющая немало (преимущественно мелких) отличий от него.

В 1983 г. вышел русский перевод Л. Копыловой (Рига, изд. «Лиезма»).¹

Явное достоинство перевода Вл. Державина — близость к эпическому мышлению, эмоциональному настрою, стилю эпического жанра (эпоса). В переводе хорошо передаются мироощущение и мироосприятие, проявляющиеся в «Лачплесисе». В общем хорошо отображен этнографический, фольклорный и исторический колорит произведения. Наряду с этими достоинствами, художественностью, мастерством, перевод имеет и недостатки, и весьма уязвимые места. Порой перевод Вл. Державина становится слишком вольным. Имеются непереверженные строки. В связи с этим в данных примечаниях (описательно или в прозаическом переводе) приводятся наиболее важные расхождения между латышским оригиналом и переводом, выполненным Вл. Державиным.

Арабскими цифрами обозначаются порядковые номера строк в переводе Вл. Державина. Цитаты после цифр — соответствующий текст оригинала «Лачплесиса» в прозаическом переводе, выполненном Ю. Абызовым.

Знак + (плюс) после порядкового номера строки означает, что опущенная в переводе строка (строки) следует после строки державинского перевода, указанной порядковым номером.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Римская цифра после сокращений Л, Ор. означает песнь, в остальных случаях — том. Арабская цифра после римской в случаях Л, Ор. означает строку, в остальных случаях — страницу.

Jkr. — Jelgavas Latviešu biedrības Rakstniecības nodalās rakstu krājums. I—IV, Jelgava, 1890—1901. [Сборник статей отдела письменности Елгавского Латышского общества].

LP — A. Lerhis-Puškaitis. Latviešu tautas teikas un pasakas. I—V, Jelgava, 1891—1894; VI, Rīga, 1896; VII, I, Cāsis 1903. [А. Лерхис-Пушкайтис. Латышские народные предания и сказки].

RS — P. Smits (Schmidt). Latviešu pasakas un teikas, I—XV, Rīga, 1925—1937. [П. Шмидт. Латышские сказки и предания].

Зинību ком. — «Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas rakstu krājums». I—XXXIII, Rīga, 1876—1940. [Сборник статей Ученой комиссии Рижского Латышского общества].

¹ В этом издании (без какого-либо согласования со мной) к переводу Л. Копыловой редакция присоединила мои Комментарии, опубликованные в русском издании «Лачплесиса» 1975 г. и предназначенные для перевода Вл. Державина. Вследствие этого в переиздании Комментарии не по моей вине имеются некоторые устаревшие данные, местами ошибки и путаница в ссылках на нумерацию строк перевода Л. Копыловой и другие неточности. — Я. Рудзитис.

Л — текст русского перевода «Лачплесиса».

Лачплесис, 1975 — Лачплесис. Издание подготовил Я. Я. Рудзитис, [Отв. ред. В. М. Гацак]. М., «Наука», 1975.

Ор. — оригинал «Лачплесиса» в изд.: А. Pumpurs, *Lāčplēsis, Latvju tautas varoņi. Tautas eposs. Rīga, 1961.*

Пер. — перевод Вл. Державина.

Прим. — примечания.

Сб. — Ф. Я. Бривземниакс. Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом музее. II. Под ред. В. Ф. Миллера, М., 1887.

Место записи (зап.) фольклорных материалов указывается по ранее существовавшему административному делению (уезды):

Влк. — Валькский

Ил. — Илукстский

Мд. — Мадонский

Ег. — Елгавский

Рж. — Рижский

Тк. — Тукумский

Ц. — Цесисский

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

2. В латышской мифологии *Перкон* — божество, повелитель грома и молнии. Это божество известно и у древних пруссов (Перкунис), литовцев (Перкунас), русских (Перун), у скандинавов, китайцев, индусов и др. У старых авторов Перкон неверно характеризуется как главное божество; на самом деле таковым у латышей считался Диев (Бог) или Дебестев (Небесный отец). Взгляд на Перкона как на самое могущественное мифологическое существо сказался на изображении его в «Лачплесисе». Перкон — первый после Властителя, или Отца, судеб. На собрании богов Перкон говорит сразу после Властителя судеб. Стабурадзе сообщает о спасении Лачплесиса Перкону и именно от него получает дальнейшие указания. Лачплесис — «Перконом благословленный». Перкон последовательно выделяется из числа других божеств. Его всегда называют по имени, тогда как остальные божества упоминаются все вместе: «Только бы Перкон и боги к добру это все обернули» (Л III, 729), «Перкон и боги тебя охраняли» (Ор. V, 321). Порою имя Перкона используется для обозначения всей древнелатышской религии и культуры. У Пумпура Перкон — наиболее активное божество. Он заставляет зверей и птиц рыть русло для Даугавы, приводит латышей с далекого Востока на Запад, к *белому*, т. е. Балтийскому, морю, побеждает в латышской земле злых волшебников, ведьм и йодов (чертей).

5. Под *богами Балтии* в эпосе понимаются божества латышской мифологии. В «Лачплесисе» Балтия иногда употребляется в значении «Латвия». Такое словоупотребление было широко распространено в латышской литературе и журналистике 60—70-х годов прошлого века. Параллельно в «Лачплесисе» встречается и Латвия. Неоднократно Балтия используется здесь и как обозначение древней Ливонии (Латвия и Эстония). Нуждается в уточнении и использование слова «боги» в «Лачплесисе». В эпосе Диев (Бог) фигурирует

и как имя собственное (в преданиях о Боге и Черте в песни третьей), и как множественное число от имени нарицательного. В отличие от песни первой эпохи и многих других мест «Лачплесиса», в латышских народных песнях, за некоторыми исключениями, множественная форма «диеви» (боги) не встречается. Во всех старых, тщательно записанных материалах Диев — имя собственное. И лишь в новейшие времена оно входит в латышский язык и в значении имени нарицательного «бог». В данной песни наряду с персонажами латышской мифологии выступают древнепрусские божества. Некоторые из упоминаемых Пумпуром богов в мифологии балтских народов вообще неизвестны, они фигурируют лишь в произведениях псевдо-мифологического характера (см. об этом далее; об источниках псевдо-мифологических мотивов и образов в латышской литературе см.: Лачплесис, 1975, 41—42). Древние пруссы — один из балтийских народов, близкий литовцам, латышам, вымершим ятвингам (ятвягам) и галиндам (голяди). Они жили близ Балтийского моря между Вислой и Неманом, примерно на территории бывшей Восточной Пруссии (в более широких пределах, чем последняя). В XIII в. после долгой и ожесточенной борьбы немецкие крестоносцы захватили их земли и колонизировали их. Часть пруссов погибла в борьбе за свободу, остальные впоследствии ассимилировались. Последние упоминания о лицах, владеющих прусским языком, имеются в источниках конца XVII в.

6. *Властитель судеб* (также Судеб отец, Вершитель судеб) — мнимое божество, олицетворяющее могущество судьбы. Судеб отец в произведении Пумпура — самый высший и самый могущественный персонаж и предсказатель судеб. Вершитель судеб фигурирует в песни первой эпохи (сцена собрания богов), где он как существо описан лишь в самых общих чертах («извечный» (Ор.), «седовластый»). Один раз он назван в песни второй. Гораздо чаще в эпосе встречаются Судьба, Судьбы повеленье, дороги Судьбы. Словом «Судьба» в произведении обозначается либо сама власть предопределения, либо то или иное ее решение, — в первом случае слово это пишется с прописной буквы, во втором со строчной (Ор. II, 77—78; Л IV, 363—364). Но строгой последовательности в написании этого понятия все же нет (ср. Ор. II, 46 и Ор. II, 90). С точки зрения выполняемых функций разницы между Судеб отцом и Судьбой нет, но о Судьбе в эпосе говорится в абстрактном плане, в то время как Судеб отец антропоморфизирован, хотя и очень скуп. В народных песнях человеческую судьбу порой определяет Диев, но чаще всего и качестве вершительницы ее упоминается Лайма (см. прим. Л I, 33). В мифах некоторых народов (например, древних греков и римлян) существовала вера в силы предопределения, которым подчинено все, даже боги. Для древних воззрений латышского народа характерно иное понимание судьбы, определяемое Диевом, Лаймой или ими обоими. В «Лачплесисе» понятие «Судьба» истолковано под известным влиянием упомянутых верований других народов. «Судьба» в латышском языке слово позднее, подлинно народные латышские песни этого слова совсем не знают. Введение Судьбы связано в «Лачплесисе», во-первых, с трактовкой Пумпуром мотива судьбы как несомненно существенного в преданиях «эпического народа» вообще и в жанре народного эпоса. Во-вторых, слово «Судьба» служит автору «Лачплесиса» как определение объективной необходимости, объективной закономерности исторического пути народа.

11—12. Ор.: Сквозь седла заря занималась, Сквозь уздечку солнце всходило. — Образное описание латышского всадника заимствовано из народной поэзии.

13. *Патримп* в «Лачплесисе» — древнелатышский бог плодородных нив. В таком значении в авторских произведениях периода национального движения мы встречаем имя Патримп в статье Ю. Алунана «Боги и духи, коих латыши древле почитали» (1858), в стихах Аусеклиса, в ставшем тогда популярным произведении Г. Меркеля «Ванем Имапта» (1802) и др. У латышей имелись божества плодородия (Юмис, Цероклис), но Патримпа или Потримпа латышская народная мифология не знает. Имя Потримп заимствовано из древнепрусской мифологии. У древних пруссов Потримп был якобы богом рек и источников. В XVI в. С. Грунау в своей «Хронике Пруссии» производит Потримпа (Потримпо) в божество знаков и счастья у древних пруссов.

17. *Пакол* в «Лачплесисе» и в латышской литературе второй половины XIX в. — бог умерших и преисподней. Имени такого божества в мифах древних балтских народов нет, у латышей же повелительницей душ была Матерь велей (духов). Образ Пакола возник и получил распространение в XV—XVI вв. в литературе о древних пруссах.

21—22. Ор.: Антримпу чешуйчатые кони, Зеленоватая колесница из тростника. *Антримп* в «Лачплесисе» — древнелатышский бог моря. Ни в латышской, ни в литовской мифологиях Антримпа нет; латышским божеством моря является изображаемая в народных песнях Матерь моря. Ближайшее Антримпу имя Аутримп встречается в прусской церковной агенде 1530 г. Аутримп был якобы древнепрусским богом моря. Я. Малецкий в XVI в. упоминает бога моря Антримпа. Введенная Я. Малецким форма Антримп возникла в результате искажения имени Аутримп.

25. *Лиго* в эпосе Пумпура изображается как древнелатышское божество песни. Однако образа, подобного древнегреческим музам, в латышской народной мифологии нет. В качестве божества Лиго фигурирует в латышской письменности конца XVIII — начала XIX в. В «Лексиконе» Я. Ланге (1777, ч. II) и в грамматике Г. Фр. Стендера (1783) Лиго — бог веселья (у северных народов), у Г. Меркеля («Ванем Имапта») — древнелатышский бог веселья. См. прим. Л VI, I и сл. *Пушкайтис* — псевдомифологическое божество, в верованиях балтских народов не встречается. Первоначально как прусский, литовский, потом и как латышский бог в различных написаниях фигурирует в трудах этнографического характера у авторов XVI и XVII вв. (Я. Малецкого, Я. Ласницкого, М. Стрыйковского, М. Претория), откуда впоследствии Пушкайтис проник в латышскую литературу и поэзию. «Пушкайтис» у различных авторов выступает в различных качествах: бог священных деревьев и рощ (Я. Малецкий), бог земли (И. Гардер), бог рощ (Я. Ланге) или сосняков (М. Преторий). Аусеклис в своих примечаниях к латышской мифологии называет Пушкотайса (т. е. Пушкайтиса) «богом живописности, красоты», а в стихотворении «Боги предков весной» (1873) пишет, что Пушкотайса

«деревня в красу рядит». В «Лачплесисе» Пущкайтис упоминается без точного раскрытия его мифологической роли.

29. Ор.: Сыны богов и Перкона. — Сынам богов («Лачплесис») в латышской народной мифологии соответствуют сыны Диева. Встречаются они главным образом в народных песнях, где изображаются как исполнители разных работ: они ставят клетки, «возводя золотые строения», ладят из золота и серебра мосты, вяжут вожжи из бурной воды, охотятся за серебряными куропатками и золотыми соловьями, косят сено и т. п. Чаще всего сыновья Диева предстают вместе с дочерью Солнца (Сауле) (см. прим. Л I, 34). Так же как у Пумпура, в народных песнях сыны Диева ездят верхом. В латышских мифологических песнях воспеваются некоторые небесные божества, отцом которых является Перкон. Судя по этим песням, у Перкона от трех до девяти сыновей; они издают гром и мечут молнии.

33. *Аустра* — латышское божество утренней зари, денница. В народных песнях Аустра встречается только в некоторых вариантах. Известно это имя и в латвийской топонимике. *Лайма*, или *Лайме* (Счастье) (в литовских поверьях тоже Лайма, или Лайме), фигурирует в преданиях, сказках, но чаще всего в народных песнях. Лайма «решает», «предопределяет», «пишет» жизнь человеческую. Она заботится о девушках, решает, как им выйти замуж; в эпосе Лайма чаще всего исполняет те же функции. Как божество судьбы в более полном понимании у Пумпура она очерчена слабо. *Тикла* — в эпосе предстает как древнелатышская богиня добродетели и нравственности. Имя Тиклис встречается у Я. Ласицкого (XVI в.) как название некоего литовского бога. Я. Ланге и Г. Фр. Стендер (XVIII в.) перенесли Тиклис в латышскую мифологию, характеризуя ее как богиню, разделяющую детей добродетелями. В латышских народных песнях прилагательное «тиклс» означает: резвый, ловкий в работе. Позднее оно в латышском языке приобретает значение: нравственный, целомудренный.

34. *Дочери Солнца* — мифологические существа, встречающиеся в народных песнях. Имеется и ряд вариантов сказаний о дочерях Солнца. Мать их — Солнце (в латышском языке солнце — женского рода). У дочерей Солнца (Сауле) обычно венец из золота, серебра и алмазов, на пальце золотое колечко, на ногах золотые башмачки. Платье шелковое. Дочери Солнца сгребают сено серебряными граблями, мелют на ручных мельницах, ткнут кушаки, покрывала, вяжут рукавицы, колотят белье, готовят обед, сажают розы. В песнях говорится, как они моются, причесываются золотыми или серебряными гребнями, наряжаются. В «Лачплесисе» говорится, что дочка Солнца ездят в колеснице. В народных песнях ездит обычно само Солнце — Сауле.

75—76. Ор.: Только жаль, что люди сами Их (т. е. добрые ученья. — Я. Р.) злоумышленно извратили.

77—78. Ор.: Решено и в Балтии Ввести Христову веру.

101—102. Ор.: Летом, с приходом Зиедониса, Дам плодородный дождик. — Поэтическое название весны — «зиедонис» — Пумпур об-

ращает в название божества весны и последовательно пишет его с прописной буквы.

103—104. Ор.: Днем я буду очищать воздух, А ночью буду высекаать огни. — В народных песнях Перкон или сыновья Перкона изображаются как высекаатели огня. Перкон высекает огонь, чтобы согреть «барских работников», когда те «промокли, иззябли», освещает дорогу девушке, когда та после барщины темной ночью бредет домой через сосновую рошу.

117—120. В Ор. изъявительное наклонение будущего времени, в Пер. — сослагательное.

123. Ор.: Где ветры Зиемелиса дуют. — Слово «зиемелис» на латышском языке означает: северный ветер. Зиемелис в «Лачплесисе» — владыка Севера, фантастическое существо, олицетворяющее зимний холод, северный ветер и снежный буран. Подробнее Зиемелис в эпосе рисуется в IV песни. См. прим. Л IV, 461—562.

127—128. Ор.: Пока стяг Балтии Не заполощется в морях всего мира. — Эти строки написаны не без известного влияния призывов Кр. Валдемара к развитию латвийского (и российского) мореходства. Развитое, сильное мореходство рассматривается Пумпуром как один из важных показателей экономического и общественного прогресса Латвии в будущем.

131. Ор.: Но духи латышских героев.

133—134. Ор.: В северном сиянье и сполохах Сражаясь, приводит в ужас чужеземцев. — О народных поверьях, связанных с северным сиянием, см. прим. Л IV, 461—562.

136. Пер.: *своих внуков*. Ор.: истинных сынов латышского народа.

141—142. Ор.: Хотя я считаюсь среди меньших богов в латышском народе.

145—148. В Ор. эти строки в инфинитиве.

156. Ор.: Сыны богов и Перкона.

163 и сл. *Стабурадзе* в «Лачплесисе» (ради сохранения размера Пумпур использует и краткую форму — *Стабрадзе*) — покровительница девушек, крестьян. По Пумпуру, Стабурадзе живет в хрустальном замке в глубинах Даугавы, возле скалы Стабураг. В изображении Стабурадзе Пумпур частично исходил из фольклорных мотивов, связанных с этой скалой. Скала образовалась из известняковых отложений на левом берегу Даугавы, в Сеце, в семи с половиной километрах от Кокнесе — в том месте, где сейчас водохранилище Плявинской ГЭС. Скала непрерывно увеличивалась в размерах. Этому естественному процессу поэт дал в эпосе сказочное истолкование: скала растет якобы оттого, что к ней добавляются камни, в которые превращаются люди, попавшие в омут. Опубликовано шестнадцать

народных песен о Стабураге — все в объеме четверостиший. Фактически в народных песнях фигурируют два обозначения упомянутой скалы — Стабурадзе и Стабураг, причем первое встречается чаще. В преданиях, за исключением двух вариантов (с формой Стабурадзе), скала называется Стабураг. Стабурадзе рисуется в народных песнях человеком с добрым, отзывчивым сердцем. Туманным утром Стабурадзе горько плачет, а в солнечную погоду радостно улыбается, «беспечально радуется». В некоторых вариантах Стабурадзе — лодочная работница: она прядет, тклет, вышивает. Образ скалы — ткачихи и прядильщицы возник, вероятно, в результате поэтизации и фантастического объяснения природного явления — непрерывно текущих водяных струек из пор и гротов скалы. Ее ткани с чудесными узорами получают Стабурагские девушки, Стабурагской матушки дочки. В песнях подчеркивается, что Стабурагские дочери «пригожие» и «красивые». В четырех вариантах имеются в виду дочери окрестных жителей. Но есть варианты, по которым Стабурагская дочка — антропоморфизированное существо, дочь самой скалы. В двух народных песнях жених просит Стабураг или Стабурагову матушку, чтобы они отдали ему «знатную вышивальщицу», «дочку свою». Во второй половине XIX и в первые десятилетия XX в. в народе была популярна песня «Стабурагская дочка» (опубл. в 1866 г.), текст которой написал поэт Фр. Малберг. Прозаические устные произведения о скале Стабураг записывались и опубликовывались начиная с середины XIX в. Вот содержание двух преданий. В гроте скалы Стабураг находится девушка, которая прядет для бедного крестьянского люда, для тех, кому недосуг заняться своими делами, потому что господа немилосердно притесняют их. В стародавние времена молодой жених отправился на Даугаву ловить рыбу. Неожиданно поднялись огромные волны, лодка перевернулась, и он утонул. Невеста дни и ночи плакала на берегу, пока не обратилась наконец в известняковую скалу Стабураг. Фольклорные произведения о скале Стабураг были очень популярны в латышской поэзии и прозе второй половины XIX в. В 1869 г. выходит эпос Фр. Малберга «Стабураг и Лиесма». В нем использованы и некоторые элементы преданий о скале Стабураг. В 1871 г. в газете «Балтияс вестнесис» печатается большой очерк Карла Зариня «Стабурадзе (Стабураг) в Курземем». В очерке приводятся одиннадцать народных песен, в которых фигурирует Стабураг, — песни взяты из предыдущих публикаций (из работы Фр. Крузе), — несколько латышских и одно немецкое предание, посвященное скале Стабураг. Под влиянием фольклора возникло стихотворение Аусеклиса «К Стабурадзе» (1875). Образ Стабурадзе имеется и в его стихотворении «Весна латышского народа». Народные песни о Стабурадзе Аусеклис приводит или частично пересказывает в своих фольклорных очерках. Во второй половине XIX в. Стабураг и окрестности становятся местом, притягательным для туристов. Как показал К. Анцитис, фольклорные материалы о скале Стабураг Пумпур почерпнул из названного очерка К. Зариня. Из народных песен поэт взял название Стабурадзе, но сам образ изменил. В «Лачплесисе» Стабураг и Стабурадзе — два разных образа. Стабураг оказывается «возлюбленным» Стабурадзе, пребывающим в «вечном сне» (Ор.). Отчасти такую трактовку могло подсказать сочинение Фр. Малберга «Стабураг и Лиесма», где спящий Стабураг — любимый Лиесмы. Действие в песнях первой и второй эпоса происходит в тот период, когда латышский народ еще свободен. Геронья грустит «Из-за того, что Стабураг вечно дремлет,

И в одиночестве она пребывает среди живых» (Ор. II, 625—626). В данном случае переживания вызваны причинами личного свойства. Но после собрания богов Балтии, в предчувствии будущих невзгод, Стабурадзе спрашивает себя: «Неужели мне в будущем оплакивать И горестный удел Балтии?» (Ор. II, 627—628). Горе Стабурадзе Пумпур мотивирует исторически, как и некоторые авторы периода национального пробуждения (К. Заринь, Аусеклис и др.). Не подлежит сомнению, что «Стабурагские девушки», выступающие в народных песнях, в значительной мере явились прототипами Лаймдоты. Если Стабурагская дочка в «Лачплесисе» — дитя человеческого, то сама Стабурадзе — сверхъестественное антропоморфное существо, посредница между богами и людьми. Как Стабурадзе, так и Стабурагская дочка у Пумпура — символ женственности и благородства. В согласии с символикой соответствующих фольклорных образов, обе героини — олицетворение красоты. Романтическое чувство, с которым созданы эти образы, несомненно, в значительной степени восходит к народным песням о Стабурадзе.

171—172. Ор.: Уже шпулька допoлнa намоталась. — Начиная с первого издания «Лачплесиса» во всех изданиях до 1957 г. включительно имеется опечатка: «Уже *солнце* (выделено мною. — Я. Р.) допoлнa намоталась». Неточность в переводе Вл. Державина — следствие опечатки в оригинале.

174—188. В этом отрывке использован сказочный мотив — полет ведьмы и парня, спрятавшегося в ее колоде (см. прим. Л II, 283—342, 377—386).

200. Пер.: *Мой Стабураг*. Ор.: Наш Стабураг.

221—222. В Пер. искажен смысл. Должно быть: Обстоятельства здесь, мне кажется, Совсем иные, нежели повседневно.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

5. *Кегум* — порог на Даугаве в 6 км ниже Лиелварде, примерно в 49 км от Риги.

6. *Румба*, или Румбня, — правый приток Даугавы, впадает в Даугаву возле древнего Лиелвардского городища.

8. ... *славных Лиелвардов замок*. В 55 км от теперешних границ Риги на правом берегу Даугавы до начала XIII в. находился древний ливский (о ливах см. прим. Л III, 91—92) Лиелвардский замок (в хронике Генриха Латвийского Лиелварде — Леневарде, Леневорде, Леноварде, Ленневарде). В окрестностях Лиелварде в XIII в. среди ливов жили и латыши. Пумпур изображает лиелвардское ливское поселение как латышский замок. В 1205 г. немцы сожгли ливский замок. Новое упоминание о ливском замке в Лиелварде в хронике Генриха Латвийского относится к 1212 г., когда немцы опять поджигают ливский замок; по мнению археолога А. Зарини, возможно, это был замок, вновь построенный на месте старого, сожженного в 1205 г.

17. *Куниг* в «Лачплесисе» употребляется параллельно с «вирсайтис» как определение древнелатышского вождя, старейшины; куниги Лиелвардис, Буртник (созданные поэтом персонажи) зовутся и вирсайтисами (песнь VI). Куниг — литуанизм, от литовского «kunigas». В свое время в научной литературе высказывалась мысль, что древнее название латышского повелителя в народном языке было «кунгс». Лиелвардис — имя лиелвардского вирсайтиса, произведено Пумпуром от топонима Лиелварде.

29—36. Богатырь латышских народных сказок, подобно Лачплесису Пумпура, часто появляется на свет необычным, сверхъестественным образом. Кузнец выковывает себе сына, будущего богатыря, из железа; сын рождается от горошины, которую муж дает жене; мать кормит грудью сына до двадцати лет, и тот вырастает богатырем; у кобылы от сена, клевера и воды рождается могучий сын в облике человека; волк похищает женщину, чтобы взять ее в жены, от волка у женщины рождается сын-богатырь. Целый ряд сказок рассказывает о происхождении героя от человека и медведя. Подобные сказки записаны в Рижском, Цесисском, Валкском, Талсинском, Бауском, Екабпилском и других уездах. В них рассказывается, как медведь похищает женщину, чаще всего молодую, и уносит ее в лес, в берлогу. От медведя у женщины рождается сын (Jkr II, 1; LP VI, 570, зап. в 1864 г. в Эргли — Ц.; VI, 490, 493, зап. ок. 1879 г. в Глуде — Ег.; VI, 462, 475, 526, 582). Матерью медвежьего сына в этих вариантах является дочь крестьянина или бедного дровосека, принцесса, жена священника. Есть варианты, рассказывающие о рождении героя от человека и медведицы (LP VI, 415; 528, зап. в Лиелварде). В сказке (по указателю сказочных текстов Аарне-Томпсона (1961) — № 650 А), которую Пумпур пересказывает в «Предварении» к первому изданию «Лачплесиса» (см. Лачплесис, 1975, 253—254), богатырь рождается от медведицы и человека — лесного жителя. В качестве имен главных героев сказок о богатырях в латышском фольклоре приводятся следующие: Железный сын, Железный малый, Железный Мартин, Сын из ложки, Гороховый человек, Гороховик, Кобылий сын, Тростника, Камышинка, Анцис, Янис, Силач и др. В сказках о герое, рожденном от медведя, богатырь зовется Медвежьим сыном, Медвежьим Янисом, Криш-Медведем, Мохначом и др. Во многих вариантах герой зовется Медвежьеухим (LP VI, 462, 475, 490, 528). Последнее имя появляется обычно в тех сказках, где говорится, что богатырь унаследовал от своего отца-медведя медвежьи уши. В варианте, записанном А. Пумпуром, имеется собственное имя — Лачплесис, или Лачаусис. Имя Лачплесис («Раздирающий медведя») объясняется тем, что юноша истребил вокруг отцовского дома медведей и других хищных зверей, хватая их за челюсти и раздирая пополам. Мотивы «медвежьи уши богатыря» и «раздираание медведя» включены в эпос Пумпура. Борьба с медведем имеет место почти во всех народных повествованиях о сыне медведя. Герой убивает медведя и становится свободным, одновременно освобождая из плена свою мать. Так же как в сказках, в «Лачплесисе» убийство медведя — первый подвиг богатыря. Разработка эпизода в эпосе Пумпура специфична в том отношении, что герой побеждает какого-то другого медведя, не своего «родителя»; он делает это, спасая от зверя названного отца. В отличие от записанной Пумпуром сказки и от его «Лачплесиса», почти во всех образцах латышского фольклора,

связанных с сыном медведицы, герой побеждает медведя, не раздирая его, а иным образом. Так, он просто убивает медведя, выворачивает ему лапы, пристреливает, вгоняет в землю.

За исключением вышеупомянутой сказки и некоторых новейших записей, имя Лачплесис как имя собственное сказочного героя в латышском фольклоре не зафиксировано. Лачплесис фигурирует в различных рассказах, записанных в XX в. в тех местах, с которыми связано действие эпоса Пумпура, или вблизи от этих мест (Лиелварде, Рембате, Кегум, Скайсткалне). Имя Лачплесис в этих вариантах взято из эпоса Пумпура, что доказывается содержанием записанных текстов. Как старое топонимическое название («Мостик Лачплесиса») имя Лачплесис встречается в сказе, опубликованном в XV томе сборника П. Шмидта «Латышские сказки и предания». Некоторые старые авторы высказывали мысль, что имя Лачплесис в сказке о Медвежьем сыне создал сам автор, используя название хутора своего дяди Яниса в Лиельюмправе («Лачплеши») или название яунпиебалгских «Лачплешей» (Ц.). В «Предварении» к своему произведению поэт подчеркивает, что имя Лачплесис относится к группе собственных имен из народных преданий. Он пишет: «Но надо заметить, что есть в Латвии и предания, в коих герои зовутся собственными именами, как, наприм., „Лачплесис“» (выделено Пумпуром). Это указание является для нас существенным, но все же к нему следует относиться с известной осторожностью. Рассматривая вопрос об аутентичности имени «Лачплесис» и мотива раздиранья медведя, следует указать, что в имеющихся фольклорных изданиях содержится еще одна сравнительно давно записанная сказка о Медвежьем сыне, в которой также встречается данный эпизод (LP VI, 462). Запись сделана известным собирателем фольклора Дависом Озолинем в Яунрозе (Влк.) и прислана им Фр. Бривземниеку в Москву в конце 1870-х годов. Мотив раздиранья медведя, льва, быка, черта, оборотня встречается в некоторых волшебных сказках иного типа (Научный архив отдела фольклора Института языка и литературы им. Андрея Упита АН Латвийской ССР, манускрипт № 145, текст № 1327; LP VI, 413; Зинибу ком., III, 108, PS II, 38—39; LP I, 13). Мотив раздиранья зверя — древний и достаточно широко распространенный. Он положен, например, в основу известной библейской легенды о богатыре Самсоне, которая, кстати, фольклоризировалась и бытовала в латышском повествовательном фольклоре. Все приведенные факты свидетельствуют в пользу фольклорной аутентичности эпизода с раздираньем медведя и имени героя в сказке о Лачплесисе. Лачплесис встречается в латвийской топонимике — в названиях хуторов, усадеб; самые старые из документов, где зафиксированы подобные названия, относятся к XVII и началу XIX в. (подробнее об этом см. Лачплесис, 1975, 203). Кроме того, в сборниках топонимических названий Латвии Я. Эндзеллина и Ю. Плакиса приводятся некоторые варианты этого названия, о которых в указанных изданиях нет хронологических сведений. Имя Лачплесис использовано в названиях рек, ручьев, некоторых мест в лесу и в полях. Чтобы понять причины распространенности названия Лачплеши в латвийской топонимике в далеком прошлом, надо учесть то обстоятельство, что борьба с хищными зверями в жизни древних латышей занимала важное место. Очень важно, что главный герой эпоса Пумпура, олицетворяющий величие народа, его волю к борьбе и героизм, носит имя, которое в латышском языке с давних пор было своего рода симво-

дом героизма, отваги человека, очищающего землю от хищных зверей.

39. Ор.: Ты и впрямь избранным героем будешь. — Заменой «героя» на витязя Вл. Державни пользуется неоднократно.

49. *Вайделот был мой гость благодатный* и 65—82. *Вайделем бывши, прожил я долго У Крива — в Ромовой роще священной* и т. д. Слово «вайделот» встречается у старинных авторов как название древнепрусского жреца. По данным, которые в первой половине XIV в. приводятся в «Хронике Пруссии» П. Дюсбурга, в Пруссии, и Надраве, было некогда место — Ромове. Здесь жил Крив. Явно преувеличивая, автор пишет, что Крив, подобно папе, управлял не только язычниками Пруссии, но и литовцами и другими прибалтийскими народами. Эти утверждения повторяет и развивает в своей «Хронике Пруссии» С. Грунау. В Ромове якобы правил Крив, у которого были подчиненные ему жрецы — вайделоты. Крив был полновластным правителем пруссов, литовцев и латышей. В ветвях вечнозеленого дуба в Ромове находилось изображение трех богов — Патолло, Потримпо, Перкуно. Приведенное у С. Грунау описание воспроизводит Г. Меркель в книге «Древние времена Лифляндии», а из нее заимствуют латышские авторы. Не исключено, что Ромовский Крив почитался и соседними народами, но какого-либо единого духовного или светского правителя у древних пруссов, литовцев и латышей не было. Это явный домысел. Ни в латышской, ни в литовской мифологии «Крив» и «вайделот» не встречаются. В песни второй «Лачплесиса» вайделот, посланец Ромовского Крива, приносит вести и указания «предводителям и народам», в том числе и латышам. Вайделоты действуют и в VI песни, где они изображаются как прорицатели и священнослужители.

109. *Буртниека* в «Лачплесисе» — один из древнелатышских вождей, живущий в замке у Буртниецкого озера, мудрец, философ, искусный в письменности. Пумпур называет его потомком «древних Буртниеков» — «смелых, сильных воинов, умельцев читать письмена» (Ор. III, 453—454). Буртниека (литовское «буртиникас» — прорицатель, колдун) — слово, встречающееся в старом латышском языке; оно имело несколько значений, одно из них: колдун, прорицатель, знающий магические письмена (символы) и прибегающий к ним. В этом значении оно употреблено в народной песне:

Сядем-ка мы рядышком,
Как-никак мы родичи:
Буртниека — твой батюшка,
Ведьма — моя матушка.

Другое значение слова «буртниека»: лицо, делающее зарубки на бирках (см. прим. Л VI, 142—143). Возможно, наконец, и третье значение: пасечник, бортник. Имя Буртниека Пумпур взял не из приведенной выше народной лексики, а из топонимики Латвии (название озера в Северной Латвии — в Валмиерском р-не), причем употребил его в том смысле, в каком оно встречалось в литературе периода младолатышского движения. Ю. Лунан в примечании к III книге сборника «Двор, природа, вселенная» (1860) так толкует слово

«буртниеки»: «Так вот, буртниеки (нем. Skalden) у латышей были особым сословием певцов, кои людей во время войны своими песнями ободряли, воодушевляли, а в мирное время на крестинах, свадьбах и похоронах священные песнопения вместо священнослужителей пели. Буртниеки — среди латышей были такие люди, кои знали бурты (Runen), или старые латышские письмена, и все славные деяния и примечательные события, среди латышей происходящие, обозначали и воспевали и в таком виде для внуков-правнуков сохраняли». Далее у Ю. Алунана содержится совершенно фантастическое утверждение, будто название Буртниецкого озера возникло оттого, что в нем утонули все буртниеки со своими писаниями и письменами. Следуя Ю. Алуану, буртниеков начинают воспевать и популяризировать в своих произведениях другие авторы второй половины XIX в. Черты популярного в тот период персонажа придал своему герою и Пумпур, однако, в отличие от буртниека Ю. Алунана, Буртниеки Пумпура не предстает в роли певца (правда, среди свитков в затонувшем замке есть и героические песни — Л II, 115). Знаменитый владыка Буртниецкого замка — мудрец, мыслитель, патриот, организующий борьбу с захватчиками. Он — отец невесты Лачплесиса Лаймдоты, и в этом смысле может быть сопоставлен с соответствующим персонажем народной сказки (отцу невесты служит герой сказки). Утверждение, что у древних латышей была своя письменность, равно как и вдохновившее Пумпура толкование слова «буртниеки», существовавшее в публицистике младолатышского периода, научными данными не подтверждено. С уверенностью можно лишь сказать, что существовали первоэлементы письменности в виде символических и магических знаков (орнаменты с магическими функциями, символы, обозначающие принадлежность предмета определенному человеку). Возможно, отдельные представители латышских племен знали скандинавскую и славянскую письменность. Совсем иначе, нежели в работах авторов 60—70-х годов прошлого века (утверждениям которых следовал в «Лачплесисе» Пумпур), в позднейшей научной литературе объясняется значение топонима «Буртниеки». Выказано предположение, что Буртниеки означает «Дравниеки» — пасечники (ср. др.-руск. бортьники). Использование слова «буртниеки» в значении «пасечники» объясняется тем, что пасечники вырезали на колодах символические обозначения, или знаки владельца. В топонимике Латвийской ССР «Буртниеки» наиболее популярно как название озера в Валмиерском р-не, но встречается подобное обозначение и в других местах Латвии.

113. *Древние свитки правде научат.* В эпосе говорится, что у древних латышей до нашествия рыцарей с помощью письмен фиксировались народные предания, героические песни, исторические сведения и др. Пумпур внешне следует версии Ю. Алунана о богатой письменной литературе у древних латышей. Но если Ю. Алунан рассматривает существование этой литературы как исторический факт, то в произведении Пумпура мотив свитков в Буртниецком замке (вторая и третья песни) имеет главным образом аллегорический смысл (см. прим. Л III, 289—290).

147. Ор.: Но святошам-лицемерам не внимай.

171. Женское имя *Спидала* встречается в составленном уже Аусеклисом списке латышских крестильных имен в его «Календаре»

для нужд прибалтийского земледельца, хозяина, выборного волостного правления на 1879 год». Имя это производное от *spīdēt* — сверкать, блестеть, светиться. Спидала — Сияющая, Сверкающая. Пумпур изображает ее порывистой, страстной, мстительной. У нее «знойные», «сверкающе-пламенные», «сверкающие» глаза (Л II, 177; Ор. II, 174, 252). В фольклоре имя Спидала не встречается (за исключением записанного в 1926 г. предания, где оно появилось под влиянием «Лачплесиса» Пумпура и «Огня и ночи» Райниса. Однако у этого имени есть известная фольклорная окраска, в ряде мест эпоса Пумпура говорится о пылающих глазах Спидалы «в прямом смысле» — магическом, поскольку она ведьма (Л II, 310; III, 350). Фонетически «Спидала» напоминает одно из латышских народных обозначений ведьмы — «*spīgana*»; корень, общий с глаголом «*spīgāt*», «*spigot*» — мерцать, сверкать (что не случайно). В некоторых народных преданиях и поверьях имеется мотив: ведьма в полете — как «огненная лоса», как «горящий банный веник» или «пылающий веник», как «огненное пламя».

187. *Всё это дарит мне старая кума.* *Kūma*, *kūms* (от русск. кума, кум) — свидетели на церемонии наречения или крестинах; крестная мать, крестный отец.

194. *Пукис* — мифологическое существо, часто встречающееся в латышском фольклоре. Латышам известны два вида пукисов: 1) мифологическое чудовище; 2) накопитель богатства, обеспечивающий сытость и довольство. Насколько можно судить по материалу «Лачплесиса» (вторая и третья песни), Пумпур различал и более или менее четко разделял эти два типа, представленные в повествовательном фольклоре.

205. На правом берегу Даугавы, между Лиепварде (см. прим. Л II, 8) и Кокнесе (см. прим. Л II, 820—833) расположено городище Айзкраукле с форбургом (у устья небольшой речки Ашке-ре, в 4 км от города Яунелгава). В хронике Генриха Латвийского Айзкраукле называется Асцраде, Асцрад, Асцратх, Асцхрате, что означает: Запорожье. Находилась Айзкраукле у восточной границы территории, которую занимали даугавские ливы. В окрестностях Айзкраукле среди ливов жили и латыши. В археологических раскопках (В. Уртан) в 1960 и 1971—1976 гг. в городище и его форбурге были найдены предметы X—XIII вв., принадлежавшие древним ливам и латышам (латгалам). Замок местных жителей, расположенный на Айзкрауклеском городище, в 1205 г. был сожжен немецкими крестоносцами; тамошние ливы и латгалы были вынуждены принять католичество. Генрих Латвийский сообщает: «После того пилигримы (в оригинале: peregrini. — Я. Р.) пошли вверх по Двине, а ливы из замка Аскрате, услышав о происшедшем, скрылись в безопасные лесные места. Так и случилось, что замок, по милости божьей, был сожжен, а они, дав заложников, заключили мир с тевтонами и обещали вскоре прийти в Ригу и креститься. Впоследствии так и было». См. прим. Л VI, 808—819. В «Лачплесисе» древний Айзкрауклеский замок считается латышским, а владыка его Айзкрауклис — латышом. Название древнего вождя *Айзкрауклис* произведено Пумпуром от топонима Айзкраукле. В VI песни Айзкрауклис выделен как один из древнелатышских вождей в их борьбе с немецкими крестонос-

цами. Фактически же айзкрауклеские ливы и латгалы после событий 1205 г. одновременно с формальным принятием ими христианской веры попали в политическую зависимость от крестоносцев.

233. Ор.: Здравствуй, воин статный.

283—342, 377—386. В этих частях II песни использованы мотивы народных сказок и преданий о ведьмах, в частности сказки об их полете на колоде и улье к месту шабаша и о человеке, который прячется в этой колоде, чтобы подсматривать за проделками ведьмы. В «Лачплесисе» в колоду забирается богатырь Лачплесис. В народной прозе героем в таких случаях является обычно простой парень (батрак), не наделенный какими-либо особыми физическими свойствами.

285. Ор.: Верно, йоды и ведьмы носятся... — Йод — одно из названий черта. Йод встречается в латышском переводе Библии Э. Глюка (1689), в словаре Я. Ланге, в приложении к грамматике Г. Фр. Стендера, в народных песнях, легендах, поверьях, проклятиях и заклинаниях. Йод в фольклоре упоминается значительно реже, чем черт (вэлн), но во второй половине XIX в. становится очень популярным в художественной литературе и попадает даже чаще, чем вэлн. В «Лачплесисе» встречаются и йод, и вэлн, но йода Пумпур наделяет большей злобностью, чем вэлна. О вэлне в «Лачплесисе» говорится лишь применительно к далекому прошлому, отраженному в свитках, находящимся в затонувшем Буртнискском замке, тогда как йод действует непосредственно. Ликцепуре (Ор. II, 499) — предводитель йодов (а не вэлнов!); Лачплесис в замке Буртнискоев (Ор. III, 398) и на зачарованном острове (Л V, 71 и сл.) борется с йодами. Пумпур чутко подметил и отразил в своем эпосе различие между вэлном и йодом в народном понимании. Вэлн в народных повествованиях не является частую зачстую носителем зла, как такового; йод же почти всегда воплощение отрицательных сил, откровенно злобное начало, противопоставленное божеству. Йодами в народных поверьях зовут и души погибших воинов, вызывающие в момент сражения северное сияние, но в таком значении слово «йод» в «Лачплесисе» не употребляется.

339—342. Ор.: Усевшись на колоду, трижды клюкою Ударила, пробормотав колдовские слова. Дубовая колода взмыла в воздух, Помчалась над Айзкрауклеским лесом.

343—523. В Ор. здесь почти всюду рифмонды — морфологически одинаковые окончания и созвучные клаузулы. В 12-ти строках встречаются настоящие рифмы: в 2-х — внутренние рифмы, в остальных случаях — внешняя женская рифма. В Пер. Вл. Державина в этом отрывке рифмы использованы гораздо шире, к тому же в шести строках дактилическая рифма.

345—354. В этих строках варьируются народные предания о рытье Даугавы животными. В предании говорится, что Днев создал «всех зверей, птиц, рыб» и приказал «вырыть» Даугаву. В других вариантах сообщается, что животные рыли «реку» или «реки и озера». Все усердно трудились, кроме иволги и зуйка. После окончания

работы все получили вознаграждение, а иволгу и зуйка Днев наказал: запретил им пить из рек и озер, разрешив утолять жажду только капельками дождя на листьях. Предание о рытье Даугавы использовал ранее Пумпура Аусеклис в своем балладном стихотворении «О тех, кто рыл Даугаву» (1876). В «Лачплесисе» предания о рытье Даугавы контаминированы с преданиями о происхождении Чертовой ямы.

356—376. В эпизоде с возникновением Чертовой ямы использована тема латышских народных преданий. Один из самых известных циклов составляют предания, рассказывающие об изменении рельефа в различных местах Латвии «в результате деятельности черта». Образование ям, речных омутов чаще всего связывалось с именем черта, и соответствующие места назывались Чертовыми ямами. Подобным же образом объяснялось расположение больших валунов, нагромождение камней и т. д. Согласно преданиям, черт старался навредить людям, только ему не удалось довести задуманное до конца — остались ямы, скопления камней или песка как следы его усилий. Мотив возникновения Чертовой ямы подчинен у Пумпура теме борьбы добра и зла. Чертова яма в «Лачплесисе» находится на берегу Даугавы, где-то ниже Стабурага (см. прим. Л I, 163 и сл.). Одна из так называемых Чертовых ям есть в Скривери (Рж.), по соседству с б. Юмправской вол. — родиной Пумпура. Находится она на правом берегу Даугавы; в народном предании говорится, что черт хотел завалить Даугаву у Кегума (см. прим. Л II, 5). Ситуация, изображаемая в «Лачплесисе» (река меняет русло, когда черт возводит на ее пути препятствие), имеет некоторые аналогии и в предании о речках Лачупите и Слоцене. Согласно преданию, эти речки в старину сливались у Каньерского озера (Рж.) и впадали в Рижский залив. Из-за козней йода они разделились. Прежнее русло зовется Чертовой ямой.

375—376. Ор.: Заманивают в яму, чинят им зло, Потому-то эту местность и прозвали «Гора с Чертовой ямой».

377—495. Этот сравнительно небольшой отрывок изобилует фольклорными мотивами, заимствованными из народных сказок и преданий нескольких типов, развитыми и произвольно скомпонованными для создания картин пиршества ведьм, встречи ведьм и чертей. Соответствующие параллели мы находим в сказках о разбитых в танцах башмаках, в легендах о ведьме, за которой подсматривают, о музыканте в аду и др. Есть ряд вариантов об участии в пиршествах нечистой силы немецкого помещика, который изображается как чертов сообщник. Сказки и предания рассказывают, как на бесовские игрища нечаянно попадает парень, солдат, музыкант или господский кучер. В эпосе за происходящим в Чертовой яме наблюдает Лачплесис. Бесовскому сборищу в Чертовой яме Пумпур придал фантастический колорит народных сказок и преданий, но есть и нечто новое: колдун Кангар клянется черту стать слугой чужеземцев, помогать крестоносцам установить в Латвии «всобщее рабство».

387—388. Ор.: Опустившись, ведьмы пошли в Чертову яму, Оставив свои летучие колоды на земле. Двенадцать колод на краю холма лежали, Двенадцать ведьм в Чертову яму вошли, — т. е. в Ор. четыре строки.

389. Ор.: И Лачплесис оправился (пришел в себя).

395+. Из которых даже не все и назвать можно словами.

396—403. При перечислении различных вещей, находившихся в Чертовой яме, в переводе, видимо из-за метрических трудностей, опущены: волосы, ногти, зубы, рога, поварешки, туеса, шайки, лукошки, веники, молоты, колесные ступицы, грабли, старые веревки, выделанные кожи для писания. Зато имеются такие вещи, которых нет в оригинале: клещи, ведра, «прочие пожитки», «древнее оружие в дорогой оправе».

397. По народным поверьям, *оборотень* — обратившийся или обращенный в волка человек. Превращения связаны с различными магическими действиями и средствами. Одно из средств — набрасывание на человека так называемой шубы оборотня.

400. *Черные книги* — колдовские книги с черными страницами и белыми буквами. Считалось, что с их помощью можно вызывать души умерших. В Ор. здесь: «кожи для писания». В распространенной латышской народной сказке на воловьей или козьей коже черт записывает преступления прихожан.

415. Пер.: *старушонка скрюченная*. Ор.: старая ведьма.

416+. И тут же вся печисть притихла.

429+. А кроме этого, помещение было совсем пустое.

432+. Увидел за дверью снова комнату.

442. Ор.: Поевши, ведьмы взяли свои миски, Убрали со стола, кости смели, т. е. в Ор. две строки.

449—458. Идентичные и сходные мотивы имеются и в народных преданиях. Участники бесовского игрища мажут себе глаза, обычно левый глаз, «особой мазью», «варевом»; проходя между двумя серыми столбами, трутся о каждый столб щекой. Лачплесис у Пумпура поступает точно так же, благодаря чему все происходящее предстает перед ним в истинном виде: колбасы оборачиваются змеями, жаркое оказывается из человеческого мяса, знатные господа и дамы превращаются в чертей и ведьм.

473—496. Эпизод соответствует некоторым поверьям о чертях и ведьмах. В латышских сказках увеселения чертей и ведьм обычно ограничиваются буйным танцем.

474+. Только на ногах у всех были золоченые туфли.

487. В преданиях о бесовских игрищах говорится, что ведьмы наносят одна другой удары деревянным мечом или деревянным ножом и приговаривают: «Нынче рублю, завтра не узнаешь!», «Что ночью сделано, днем не видно!» и т. п. Какая цель при этом преследуется — не указано. В «Лачплесисе» фраза «*Вот я первая рублю, завтра — не признаю*» является магической формулой, которую

произносят ведьмы, вызывая чертей — «женихов»; при этом они рубят медным топором колоду.

488. Пер.: *молодчик*. Ор.: *господинчик*.

493—495. Ор.: На них были черные бархатные сюртучки, На ногах — блестящие сапожки, На головах — треугольные шляпы. — Черти здесь имеют внешность немецких дворян. В латышском фольклоре помещик уподобляется черту. В народных песнях барнина именуется «чертовым детищем», «чертовым барином, барином из пекла», а барский овин, ригу (где во время обмолота урожая выбивались из сил крестьяне) — «преисподней». В свою очередь, черт в латышском народном творчестве нередко сравнивается с немецким бароном. В народной сказке или предании черт часто предстает как «господин», одетый «благородно», «изысканно», «по-господски». Подобно изображенным в «Лачплесисе» «молодчикам», он «в черном наряде», «в черном сюртуке», на ногах у него «блестящие сапожки», на голове «треугольная шляпа». Черти появляются в виде «черных и красных немцев», т. е. господ, и даже говорят «по-немецки». В народных сказках и преданиях черту часто присущ образ жизни помещика: он ездит в роскошной карете, запряженной несколькими лошаадьми, с кучером на козлах; курит *сигары*, играет в карты и т. п.

499. *Ликцепур* (Кривая шапка), или *Нагцепур* (Шапка с козырьком из ногтей), зовется в «Лачплесисе» предводитель йодов и ведьм. Похожее имя встречается в произведениях Г. Фр. Стендера: «... Лиццепурис — это черт, рыскающий вокруг и порою показывающий себя людям». П. Шмидт отмечает также: «... Лиццепур, или Лицпорис, — не чуждые для народной речи имена». Надо полагать, что имя Лиццепур образовалось в результате переделки в народе имени предводителя падших ангелов, известного по христианским верованиям как Люцифер. Имя Люцифер зафиксировано в четырех народных сказках, тогда как «Licseruris», «Liceruris», «Licerorlis», «Likerurige» (как и «Nagserurige») в фольклоре не зафиксированы. Подобно Ликцепуре в эпосе Пумпура, Люцифер в народных сказках предстает как старший среди чертей, владыка над чертями, ведьмами, колдунами. Люцифер упоминается и в одной из записей народных поверий. Владыка чертей довольно часто фигурирует и в народных сказках: «старший черт», «чертов батька», «король чертей». Мотив «чертова шапка из человеческих ногтей» заимствован из народных преданий и поверий. Подобные верования имеются и в финно-угорской мифологии. Надо полагать, что традиционные мотивы сказались на превращении чуждого имени Люцифер в Лиццепур и т. п. Имя Ликцепуре в «Лачплесисе» мотивировано тем, что у персонажа кривая шапка с козырьком из ногтей остриженных».

501. Пер.: *нечисти начальник*. Ор.: йодов начальник.

518+. И все вокруг колесницы тесно сгрудились.

524. Ор.: *Втолкнули в круг ведьм*.

526—528. Имя *Кангар* у Пумпура — производное от названия гор — Кангары. Об имени Кангар и Кангарских горах см. прим. Л III, 1—7.

528. В Ор. такой строки нет.

531+. Тебя туда ввергнут ведьмины вилы.

559+. Убедить соотечественников, чтобы покорились чужеземцам.

589+. Что ж ты мне это раньше не сказал?

594+. В эпосе Пумпура Серничка (Sereniete) — имя ведьмы из Серене. Оно является омонимом названия жителей б. Серенской вол. на левом берегу Даугавы.

604—609. Ор.: Неужели ей, столько скорбевшей Над берегами латышской Даугавы Из-за того, что Стабураг вечно дремлет И в одиночестве она пребывает среди живых, — Неужели ей в будущем оплакивать и Горестный удел Балтии?

612—613. Ор.: Теперь, пока вера прадедов сильна, Она во всем принимает участие.

725+. Ибо узрят лик Перкона.

747. В Ор. такой строки нет.

748. Имя *Лаймдота* (Laimas dotā — Дарованная Лаймой) — в духе традиций латышского народа. Не выяснено, создал ли это имя Пумпур или кто-то другой, но образность имени отвечает заключенным в народных песнях древнелатышским мифологическим представлениям о Лайме как о попечительнице невест, выдающей их замуж (см. прим. Л I, 33). Среди приводимых Аусеклисом крестильных имен имеется Dievdots — Дарованный Диевом, Богоданный. По этому образцу Пумпур мог создать имя Лаймдота.

767+. И вздымалась всё выше и выше.

768. *Ехал старик перед тучей, с бичом.* Подобным образом изображается Перкон и в народных преданиях. С приближением грозы в воздухе появляется колесница, запряженная белыми конями. В ней сидит старец с длинным кнутом. Он хлещет кнутом и высекает молнии. В другом предании — старичок с белой бородой сидит «в поднебесье» или на облаке и держит в руке «красную стрелу» или «огненную палицу».

782—789. Ор.: Особенно два (явления) Произвели на него глубокое впечатление: Женское коварство и бесстыдство и Женская добродетель. И впредь он решил сторониться От страстных пут первого И заслужить уважение второго Благодаря упорству в честных делах.

790—791. Ор.: Вниз по теченью идя, увидел он Вблизи устья речки Персе На берегу людей, они спускали На воду новый паром, т. е. в Ор. четыре строки.

790. *Персе* — правый приток Даугавы, впадает в нее неподалеку от развалин построенного в 1209 г. Кокнесского немецкого замка (81 км от Риги).

790—813. Эпизод с Лачплесисом — перевозчиком через Даугаву перекликается со сказочным мотивом «Лачплесис ломает при гребле весла», который Пумпур излагает в «Предварении». В сказке это подается как пример, подтверждающий необыкновенную силу Лачплесиса. Поэт приводит поговорку: «Он — чисто Лачаусис» — и указывает, что слышать ее приходится в тех случаях, когда «кто-либо по время работы, пуская в ход силу, ломает какую-нибудь вещь». Мотив переправы героем людей через реку в других произведениях латышского повествовательного фольклора не обнаружен, однако сомневаться в его фольклорном происхождении оснований нет. Сама тема — богатырь, в руках у которого ломаются во время работы орудия труда и вещи, — представлена во многих сказках (напр. Сб., 152—153, Друвиена — Ц., LP VI, 394, Гулбене — Влк.; 462—463, Яунрозе — Влк., зап. в 70-х годах XIX в.).

814—817. Ор.: На берегу стоял искный юноша, Который таскал бревна из леса. Юноша тоже взирал на этот Подвиг Лачплесиса.

820—833. Имя *Кокнесис* означает букв.: «Носящий деревья». Имя это — производное от географического названия Кокнесе. Кокнесис строит укрепление близ впадения речки Персе в Даугаву, т. е. укрепляет Кокнесский замок, находившийся в начале XIII в. на мысе, ограниченном Даугавой и Персе. Согласно хронике Генриха Латвийского, в «Куконойсе», «Кукенойсе», «Кокенойсе» правил Вячко (Ветсеке), вассал Полоцкого великого князя. В Кокнесе жили латгалы, селы и русские. Не в силах противодействовать немецкому давлению, Вячко в 1208 г. сжег замок и ушел со своей дружиной на Русь. Не совсем ясно, действует ли Кокнесис в эпосе только как богатырь из Кокнесе и один из обитателей замка (ср. Ор. VI, 833—836) или является владельцем замка. В VI песни Кокнесис вместе с предводителем Таливалдом избирается помощником Лачплесиса в воинском походе против немцев, но это можно объяснить и его исключительными личными качествами. Записаны предания, где великаны — подобно Кокнесису в «Лачплесисе» — строят города, селения и т. п. и с этой целью носят на плечах бревна. Однако подобные мотивы в латышском фольклоре большая редкость. Кокнесис изображен как богатырь, таскающий из леса бревна, очевидно, под влиянием популярного мотива народной сказки. В сказках нескольких распространенных типов говорится о богатырях Приежуравейсе (Вырывающий сосны), Озоларавейсе (Вырывающий дубы), Кокуравейсе (Вырывающий деревья), которые с корнями вырывают из земли сосны, дубы и другие деревья. Пумпур не случайно дал своему герою имя, которое подчеркивало его близость к фольклорным героям и вместе с тем четко указывало, откуда он родом, где совершает подвиги. Так же как в эпизоде LP II, 820—834, в сказках говорится, что главный герой (в некоторых вариантах — Лачаусис, или Лачаделс) встречает Вырывающего деревья и отправляется вместе с ним в путь. В «Лачплесисе», в ходе дальнейшего повествования, эта тема развивается иначе, нежели в сказках.

830—831. Ор.: Спросил, как пройти в Айзкраукле, И рассказал о своей цели.

862. Пер.: до солнца. Ор.: до Востока.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1—7. *Кангар* (Кангарова гора, холм), Кангары — издавна встречавшиеся в Латвии названия возвышенностей, лесов, болот, лугов, полей, селений, усадеб, хуторов. Вместе с тем «кангар» в латышском языке может значить: вереница холмов. В «Лачплесисе» Кангары рисуются как внушительная горная гряда. Находятся они на древней ливской земле; ридзильский рыбак приводит в Кангаровы горы и колдуну Кангару немецкого священника Дитриха, корабль которого разбило бурей в устье Даугавы. Очевидно, здесь имеются в виду Большие и Малые Кангары в Огрском р-не (примерно в 40 км от Риги). В XIX в. Большие и Малые Кангары были хорошо известны видземским крестьянам: через Кангары вел путь из центральной части Видземе в Ригу. Изображение в «Лачплесисе» Кангарских гор в древности в большой мере соответствует их внешнему виду в период создания эпоса. Кангары тянутся через местность, где и ныне находятся лесные массивы и болота. С Кангарскими горами Огрского р-на связано в народе много преданий и сказов, характеризующих Кангары как место, где путников подстерегали грабители. И в «Лачплесисе» «неприятное впечатление на всех путников производила эта округа» (Ор. III, 5), но только как местность малолюдная, болотистая, кишачая хищными зверями. В преданиях говорится, что Кангарские горы насыпали Диев, Черт, Великан — очень сильный хозяин; что в горах этих водятся черти и Великан. В «Лачплесисе» Кангарские горы — место, где живет колдун, предатель Кангар; само по себе описание этих гор в эпосе имеет фольклорную окраску. К тому же в III песни Пумпур непосредственно использовал — в переработанном виде — некоторые предания о великане, живущем в Кангарских горах.

16+. Действительно было бы глупо, если б черт мне той ночью...

54—55. Озеро *Пейнус* находится на границе Эстонской ССР и РСФСР — на территории обеих республик (по-эстонски — Peipsi järv; по-русски — Чудское озеро). В эстонском эпосе окрестности Пейнус-озера — одно из мест, где происходит действие «Калевипозга».

73—74. По преданиям и поверьям балтских и других народов, Перкон является ненавистником чертей, преследует и поражает их повсюду.

84+. Поистине боги Балтин воевали ныне.

88—92. В основе этого эпизода лежит предание, восходящее к «Рифмованной хронике» и «Ливонской летописи» Франца Ниенштедта (начало XVII в.), где говорится, что немцы впервые попали в древнюю Латвию вследствие того, что буря загнала их корабли в устье Даугавы. Этот мотив варьируется в «Ванем Иманта» Г. Мер-

келя: бурю нагнало божество, которое в «грозу билось за наше (ливов и латышей. — Я. Р.) спасение», чтобы утопить алчных чужеземцев. У Г. Меркеля этот эпизод заимствовали и Фр. Малберг, для «Стабурага и Лнесмы», и Пумпур (Фр. Малберг отбросил мотив вмешательства божества). Пумпур рассказывает в «Лачплесисе», что бурю вызвали Перкон и Антримп.

91—92. *Ливы* — немногочисленный народ финно-угорской группы. Ливский язык вместе с эстонским и водским образует южную группу прибалтийско-финских языков. В XIII в. ливы населяли сравнительно узкую полосу вдоль Балтийского моря от границ Эстонии до Венты на Курземском п-ове, правый берег Даугавы в ее нижнем течении и низовья Гауи. Кое-где вместе с ливами жили и латыши. Уже в XIII в., в период нашествия крестоносцев, число ливов резко сократилось в результате войн. На их земли все больше переселялись латыши. Постепенно латышский язык вытеснил ливский. В настоящий момент в Латвии живет всего лишь ок. 50—60 ливов, хорошо знающих свой язык. Проживают они в Риге, Адажи, Дундага, Вентепилсе и в прибрежной полосе Курземского п-ова, от Лужия до Мелисилса (Edasi [Tartu], 1984, 18.III, с. 4).

104. *Ридзиня* — уменьшительная форма названия реки Рига. Река Рига, от которой получил название город Рига, в конце своего низовья, кажется, впадала в древний рукав Даугавы, образуя расширение, так называемое Рижское озеро (Рига лацус), которое еще в XIII в. использовалось как естественная гавань (в XIV в. гавань была перенесена в устье Даугавы). С XIV—XVI вв. река Рига постепенно засорилась, засыпалась и ее русло сузилось, в связи с этим ее стали называть Ридзиной. Река была частично засыпана в 1735 г., полностью — в 1861 г.

114. Историческим прототипом *Дитриха*, или Дитериха, является упоминаемый в хронике Генриха Латвийского Теодорих из Турайды, монах цистерцианского ордена, один из немцев — миссионеров в Ливонии. В «Хронике Ливонии» он впервые упоминается в I части, где фигурирует как сподвижник епископа Мейнарда по миссионерской деятельности среди ливов (Мейnard явился в Латвию в 1184 г. и находился здесь до 1196 г.). Позднее рижский епископ Альберт сделал Теодориха аббатом цистерцианского монастыря в Динамюнде. С 1211 г. и до самой смерти (1219 г.) Теодорих был епископом эстонским. При жизни Теодорих основал духовно-воинский орден «Братство Христовых рыцарей», принимал участие во многих крестовых походах против народов Ливонии (селов, эстов), был дипломатом рижского епископа Альберта. Эта последняя сторона деятельности Теодориха наиболее ярко отражена в хронике. Важные дипломатические поручения он выполнял, еще будучи сподвижником Мейнарда. Из известных Пумпур в период создания «Лачплесиса» произведений, где фигурирует Теодорих Турайдский, кроме хроники Генриха Латвийского следует отметить «Древние времена Лифляндии» (т. I, 1798) Г. Меркеля и его же литературную легенду «Ванем Иманта». В последней особенно подчеркнуты хитрость и коварство Теодориха. Он именуется «коварным монахом», «коварным святошей», «коварным пастырем» с «ликом святоши», со «льстивым лицом». В «Лачплесисе» Дитрих — первый миссионер, явившийся в Латвию. Исторический Теодорих — один из первых

миссионеров, распространявших католическую веру в Латвию. В эпизоде Пумпура Дитрих изображается как политический интриган. В интерпретации исторического Теодориха Турайдского в «Лачплесисе» ярко проявилась оценка иноземных захватчиков, данная в «Ванем Иманта» Г. Меркелем и вполне соответствующая оценке народной: «Каждое деяние чужеземных грабителей дышит злым умыслом, предательством и коварной хитростью». Для автора «Хроники Ливонии» Теодорих — «достопочтенный» слуга господний, хронист высказывает даже надежду, что после смерти Теодориха попадет «в мир мучеников», т. е. в царство небесное. Для Пумпура же Дитрих — презренный «святоша» (Ор. III, 776), «закоснелый во всем злом» (Ор. IV, 197), «лживый монах» (Ор. VI, 651), чертов слуга.

125. *Каупо* — предводитель турайдских ливов (юго-западная Видземе, по правому берегу Гауи). В хронике Генриха Латвийского впервые упоминается под 1200 г. Замок Каупо находился на месте построенного в 1214 г. Фридландского, или Трейденского (позднее название), замка. У Каупо был еще второй замок («малый замок») — Викместское городище, в километре от Кримулдского (Кремонского) немецкого замка. Каупо принял христианское вероисповедание и стал деятельным сообщником немецких феодалов, во многом способствовал укреплению их власти и внедрению католицизма в Латвию в XIII в. Умер Каупо в 1217 г., во время похода немцев, ливов и латгалов в Эстонию, от тяжелой раны.

141—142. Ор.: ...о совершенстве, О брениности в завершение и, наконец, — вновь о приобщении к царству великих духов.

156 и сл. Фрагмент, в котором говорится о вторжении эстов на латышскую землю и о борьбе Лачплесиса с Калапуйсисом (в переводе Вл. Державина — *Калапуйс*), в сказочно-легендарной форме отражает раздоры латышей и эстов в конце XII — начале XIII в., интерпретируя их как большое зло для обоих народов. Относительно происхождения имени Калапуйсис в экземпляре первого издания «Лачплесиса», найденного в б. Крапской вол., в начале песни третьей рукою поэта вписано следующее пояснение: «Калапуйсис — не переведенное с эстонского Калевипоэг, а исконное латышское имя, которое я слышал вместе с преданием о ложе великана Калапуйсиса в Кангарских горах от одного старого сунтажца. У Крейцвальда в эстонской стороне указано несколько мест, где Калевипоэг лежал в горах, но о Кангарских горах ничего не говорится». Житель Сунтажей (Огрский р-н) рассказывал Пумпуру предание, бытовавшее в его родной местности: в Сунтажах начинаются Большие Кангары, возле сунтажских «Кодеров» находится Великаново ложе. Мотив «Великанова ложа» содержится почти во всех известных преданиях о великанах в Кангарах, и вряд ли вариант с Калапуйсисом существенно от них отличался. Но, в отличие от Калапуйсиса в «Лачплесисе», в преданиях о Кангарских горах великан не изображается опасным для людей — он миролюбив и даже помогает людям. В преданиях говорится о его огромном росте и необычайной физической силе. Мотив бедствий, которые Калапуйсис причинял жителям Кангарских гор, очевидно, создан Пумпуром по образцу некоторых аналогичных фольклорных мотивов. Характерный фольклорный мотив борьбы богатыря с великаном Пумпур связал с Калапуйсисом из латышского предания и представил последнего как эстонского вели-

кана. Латышским народным сказкам не свойственно, как правило, указание на этническую принадлежность героя-богатыря и борющегося с ним великана. О борьбе древних латышей с эстами рассказывает ряд преданий, бытовавших в северной Видземе, но в них не выделяются образы каких-либо отдельных героев. Пумпур же заставляет вступить в поединок латышского Лачплесиса и эстонского великана, но лишь затем, чтобы они осознали необходимость мира и добрососедских отношений между латышским и эстонским народами. Вблизи от Кангарских гор находится продолговатый холм с впадиной. В предании говорится, что в этой впадине обычно спал великан. Местные жители зовут это место Исполиновым ложем. В эпосе иное объяснение: Исполиново ложе — яма, которая образовалась на том месте, где Лачплесис повалил на землю Калапуйсиса.

187—189. Ор.: Рядом с ним стояла прислоненная палица исполинской величины. Была она из сучковатого бревна с жерновом на конце. Возможно, мотив этот создан самим Пумпуром, не исключено, однако, влияние латышской сказки или «Калевипоэга». Калевипоэгу служит оружием большой дуб, им он побивает рать злобного финского колдуна и убивает его самого. В некоторых латышских сказках богатырь вместо палицы берет огромную ель или дуб. Оружием богатыря бывает огромная палица, дубина, стальная или железная палка, а также стальной меч.

204—205. Пер.: *Взмолился Калапуйс, громко вопя.* Ор.: Калапуйсис воскликнул.

216. Пер.: *между нами.* Ор.: между эстами и латышами.

219. В немецких, шведских и русских источниках морской пролив между эстонскими о-вами Сааремаа и Муху называется Малым Зундом, морской пролив между материком и о-вом Муху — Большим Зундом, или Моонзундом. Вся морскую полосу между Западно-Эстонским архипелагом и материком эстонцы зовут Вяйнамери. В эстонском языке слово «зунд» не встречается. Вероятнее всего, в «Лачплесисе» под *Зундом* подразумевается морской пролив между Сааремаа и мысом Колка (на севере Курземского п-ова).

230. Мотив «Исполиновой палицы» фигурирует в одной из легенд. Некий великан, почувяв приближение последнего часа, прислонил свою палицу к постели. После его смерти палица покрылась листвою и начала расти. Еще перед первой мировой войной на краю *Великанова ложа* росло дерево, которое обычно называли Исполиновой палицей. Ср. с прим. Л III, 187—189.

232. Пер.: *в Балтии.* Ор.: в Латвии.

256—263. Этот отрывок в переводе Вл. Державина дается с отступлениями от порядка строк в Ор. Порядок строк в Ор.: 256, 256+ Латышский воин, можешь гордиться, 263, 262, 257—261.

268+. Общее братство царило между всеми соотечественниками.

289—290. Важное место в песни третьей занимает мотив затонувшего в Буртниеком озере замка. Предания о затонувшем замке широко распространены в латышском фольклоре и относятся к числу самых примечательных. Известны предания об ушедших под землю городах, например о городах, затонувших в Лиелицавском и Брукненском болотах, о городе Елгаве. В сказках встречаются также сюжеты о затонувших замках и городах. В некоторых преданиях указывается, что затонувшие замки принадлежали древним латышам (Сб. 29; LP VII, I, 1086, 1087; XV, 305 и др.). Есть варианты, в которых эти замки — собственность чужеземных владельцев. В «Лачплесисе» заколдованный замок предстает как бывшее обиталище легендарного латышского племени буртниеков. В затонувшем замке находятся «лари, полки, заваленные большими свитками, деревяшками и бирками с руническим письмом» (Ор. III, 289—291). Соответствующие параллели имеются и в фольклоре. В Свенте (Ил.) есть старое городище, гласит предание. В старину там часто видели, как богато одетая девушка выходит из горы, как эта девушка читает книгу. На том месте, где затонул Спиргусский замок (Тк.), через несколько недель появился каменный столб с непонятными письмами. Через какое-то время столб этот опять затонул. В Гарсене (Ил.) во время пахоты было найдено множество старых вещей — топоров, украшений, брошек и т. п. — и камней. На камнях виднелись высеченные буквы (зап. около 1885 г.). «Сто пятьдесят лет назад» в Скриверской волости (Рж.) люди рыли в лесу яму и нашли череп. На лобовой части черепа были вырезаны буквы. Никто этих букв прочитать не мог. Ходила молва, что в том месте, где рыли яму, был прежде замок древних латышей (зап. в 1961 г.). В отличие от «Лачплесиса», в преданиях чаще всего описываются замки, ушедшие под землю или оказавшиеся внутри горы; зафиксированы, правда, и предания о замках, опустившихся на дно озер: Буртниекого, Аклиса, одного из озер Берзауне. Чаще в преданиях говорится о затонувших в озерах усадьбах и церквах. В большинстве вариантов, связанных с Буртниеком озером, речь идет о церкви. При этом, в отличие от «Лачплесиса», предания повествуют лишь о *погружении* Буртниекого замка. Мотив выхода замка к свету в них отсутствует (однако он встречается в преданиях о замке, ушедшем в гору, в замковый холм). Пумпур не случайно избрал Буртниеком озеро. В 60—70-х годах XIX в. оно часто называлось в легендах, созданных латышскими поэтами и прозаиками. Юрис Алуан в сборнике «Двор, природа, вселенная» писал: «А когда буртниеки утонули в озере, кое после них и по сей день Буртниеком зовется, с ними и все латышские песни, все духовное наследие древних латышей в том озере поггло». Обращаясь к мотиву, введенному Алуаном, Аусеклис в «Письмах из Лиелварде» (1873) говорит уже о затонувшем в озере замке, используя этот сюжет для аллегорического выражения идеи культурного возрождения и развития: «Вы, поэты, пополняйте ваше достояние, тщательно знакомьтесь с бессмертным духом народной поэзии; будьте народными служителями и певцами! Как и у некоторых других народов, у латышей появятся и уже появляются свои провидцы. Провидцы эти, широко окинув мир своим взором, прочитают и сокрытое в глубинах забвения (я не говорю здесь ни о каких волшебствах), возможно, прочитают они в бурных волнах Буртниекого озера много забытого, дивного. Тогда поднимется древний «завороженный» замок со всеми буртниеками, мудре-

цами и многоумными мужами. . .» Строки «Лачплесиса» о «священных письменах» — древних грамотах, которые находятся в затонувшем Буртниеком замке, — близки к легендарным сюжетам Ю. Алунана, Аусеклиса и др. и перекликаются с мотивами народных преданий. Древние грамоты в эпосе Пумпура — это латышские сказания, героические песни, мифологические сведения о прошлом народа, о его судьбах. В них философия, история народа, свод норм морали. В духе традиций периода национального пробуждения здесь особо подчеркивается значение фольклора. В Буртниеких писаниях отражены не только латышские традиционные фольклорные представления и образы, но и — в «наставлениях Видуведа» — гуманистические идеи времени. Нередко в преданиях о затонувших замках своеобразно проявляется национальное самосознание народа. В них преломляются воспоминания о тех далеких временах, когда народ еще не находился в рабстве у чужеземных захватчиков и у латышей были свои замки. Так или иначе, мотив поднятия затонувшего замка мог приобретать символическое значение в периоды борьбы за освобождение. Не случайно в 1860—1880-е годы предания о затонувших замках предков пользуются особой популярностью у поэтов и публицистов. На основе этих преданий создаются выдающиеся произведения литературы (например, баллада Аусеклиса «Замок света», написанная в 1875—1876 гг. и впервые опубликованная в 1888 г.), в которых затонувший замок воспринимается как символ былой свободы народа, его древней культуры, а выход замка со дна озера — как символ обретения свободы. В «Лачплесисе» образ затонувшего замка сам по себе не имеет аллегорического смысла, поскольку в III песни изображается период, когда народ еще свободен. Но такой смысл присущ свиткам в замке Буртниека. В большинстве народных преданий замок может подняться из недр земли при условии, если будет угадано его название. В «Лачплесисе» название замка уже известно. Чтобы заклятие оказалось снятым и замок всплыл на «рассвете к солнечному свету», Лачплесису надо провести в нем ночь. Он побеждает появляющееся в полночь ужасное чудовище, справляется с ведьмой Спидалой и «с семью арапами» (в пер. Вл. Державина — «эффиопами»). В фольклорных произведениях также присутствует этот элемент обязательного выполнения условия, правда только в сказках. Какое-то чудовище погружает в глубину дворец вместе с королевской дочерью. Один из богатырей проникает во дворец и побеждает чудовище. Дворец тут же поднимается наверх. Сын рыбака в течение трех ночей переносит мучения, которые ему причиняет черт, уволокший под землю королевский град. Наконец он сносит девятиглавому чудищу все девять голов, и на холме вырастает дивный град. Юноша проводит ночь в заколдованном, ушедшем под землю замке. Он побеждает семерых чертей, освобождает томящуюся в замке девушку, и замок поднимается на поверхность земли.

299. Пер.: *как с доброю феей*. Ор.: как с добрым божеством.

341+. И ради одного мгновенья, тех, кто вкушал тебя, Заставляешь вкушать горечь и горесть всю жизнь.

348+. Которая, как всегда, счастье омрачала И горести приводела к юной паре (чете).

360—378. Эпизод явно основан на мотивах латышского фольклора. Примечательны некоторые сказки, в которых так же, как в «Лачплесисе», описана борьба с чертом в образе мертвеца в заколдованном замке, причем в этих текстах и в эпосе Пумпура налицо ряд общих и аналогичных деталей.

361 (и 380). Пер.: *семь эфиопов*. Ор.: семь арапов.

376. Ор.: Наконец тот заговорил и взмолился, чтобы его отпустили.

384+. И тут ему пришло на ум зеркальце Стабурадзе, Которое он всегда носил при себе...

393. Пер.: *Выгнал ты нечисть*. Ор.: Изгнал ты йодов.

398+. Скажи там наверху, что законы эти от богов взяты, Следуя им, народ процветает и вечно бессмертен.

399. *Видувед*, или Видвед (Ор. III, 629), в произведениях других латышских писателей называемый также Видевутом и Видвудом, — легендарная личность, впервые встречающаяся в написанной в начале XVI в. книге Эразма Стеллы о прусской старине «*De Borussiae antiquitatibus*». По утверждению Э. Стеллы, Видевут, живший в VI в., был аланом (одно из скифских племен) и якобы ознаменовал новую эпоху в жизни древних пруссов. Прежде пруссы будто бы пребывали в дикарском состоянии. Питались сырым мясом, не знали жилых домов, не имели ни законов, ни правителей, ни религии. Отдельные племена враждовали между собой. Мудрый Видевут призвал пруссов учиться порядку, существующему у пчел, и внушил им мысль избрать короля. Те с готовностью вняли советам Видевута и единодушно избрали его своим королем. Видевут объединил древнепрусские племена. Ввел у древних пруссов религию, законы, земледелие, брак, смягчил их нравы, изменил обычаи. Излагая все это в своей книге, где вообще много фантастических измышлений, Э. Стелла рассматривает Видевута как историческое лицо; версия эта не имеет, однако, научной основы. Следует отметить, что изображаемый древнепрусский правитель напоминает «культурных героев», встречающихся в фольклоре разных народов. Тем не менее это не дает оснований связывать Видевута с древнепрусскими преданиями, образ мог быть создан самим Э. Стеллой по образцу «культурного героя» преданий или эпоса других народов. Весьма сомнительные сведения Э. Стеллы некритически восприняли С. Грунау, М. Стрыйковский, В. Коялович и др., а от них эти данные перешли в «Древние времена Лифляндии» Г. Меркеля. Видевуту у Меркеля приписывается «создание» латышского народа из разноразличных племен, живших в VI в. на южном побережье Балтийского моря. Якобы Видевут дал им формы общественной организации и новые традиции. Г. Меркель был убежден в исторической достоверности личности Видевута и приписываемых ему деяний. «Древние времена Лифляндии» стали источником для латышских авторов 1850—1870-х годов — Фр. Мальберга, Аусеклиса, К. Кундзиня. Фр. Малберг и Аусеклис тоже считали Видевута исторической личностью.

438—457. По Пумпуру, племя буртниеков явилось на берега Балтийского моря откуда-то издалека, с Востока. В эссе говорится, что Восток — «колыбель народов». Аналогичные мотивы в стихах Пумпура («Восток», «Восток и Запад», «Застольная песня ко II Все-латышскому певческому празднеству, 19 июня 1880 г.») отвечали тогдашнему увлечению «индоазиатской предьсторией». В своих очерках «На Востоке, за горами, за морями» (ч. II, 1900) Пумпур говорит: «На Востоке, вот где колыбель человечества». В первой части очерков (1898) поэт иронизирует над «некоторыми из молодых «ученых», кои тщатся опровергнуть старую теорию и полагают, будто первые жители Европы отнюдь не явились из Азии, а возникли где-то здесь в болотах или в девственных лесах». Точка зрения, выраженная Пумпуром, была чрезвычайно популярна в латышской литературе второй половины XIX в., особенно в 50—70-х годах. Так, Фр. Малберг в 1856 г. в статье «Краткие сведения о том, откуда латыши взялись и какие обычаи у них в старину имелись» (газета «Маяс внесис») говорит, что латыши, так же как, вероятно, русские и немцы, вначале обитали в Азии, на Ганге. Шире и еще определеннее эта индийская гипотеза излагается в очерке «Народы Курземе и Видземе и сопредельные народы, их быт и языки», приложенном к книге Кр. Барона «Описание нашего отечества» (1859). В конце 1860-х годов идея азиатской прародины латышей (в частности, Индии) получает выражение в эпической поэме Фр. Малберга «Стабураг и Лиесма». Думается, что произведение Фр. Малберга оказало в этом плане известное влияние на создателя «Лачплесиса». Следует указать, что мотив первоначальной родины латышей «на далеком Востоке» стимулировался не только упомянутой индийской, или азиатской, теорией, но и некоторыми другими факторами (см. прим. Л IV, 679—953).

449. Пер.: *мудрецов*. Ор.: умельцев читать письмена.

458—459. Пумпур связывает название Балтийского моря (фактически по принципу народной этимологии) со словом «балтс» — «белый», к тому же имея в виду, что последнее зачастую выступает в народных песнях как положительный эпитет. В действительности название Балтийского моря связано, вероятно, с датскими Belt'ами, как зовут два пролива между датскими островами. Датское «Belt» (географическое наименование) неотделимо от датского «belte» — «пояс», в основе которого латинское «balteum».

463. Пер.: *Солнышко*. Ор.: Патримп с Солнышком.

463—465. *Узинь* выступает здесь как бог пчеловодства. В латышской народной мифологии встречаются две формы его имени — *Узинь* и *Усинь* (последняя более распространенная). Как пчелиный бог *Усинь* упомянут также в приложении к «Латышской грамматике» Г. Фр. Стендера и в «Древних временах Лифляндии» Г. Меркеля. В народе он чаще считался покровителем лошадей, но наряду с этим именовался и «пчелиным божеством». Среди прочих занятий сыновей Диева упоминается и пивоварение. В некоторых латышских народных песнях пиво именуется «божьем даром».

470. Во второй половине XIX в. в произведениях латышских писателей и публицистов наметилась тенденция идеализации прошлого.

Древнейшая доисторическая эпоха, или весь период до нашествия крестоносцев, изображалась как «золотой век» Латвии. «Золотой век» упоминается и в стихах Пумпура. Легенда о «золотом веке» была направлена против реакционной и лживой теории прибалтийских немецких феодалов об их так называемой «культурной миссии» в Прибалтике, она способствовала укреплению национального самосознания народа, но вместе с тем отражала ограниченность мировоззрений идеологов латышского национального пробуждения. Само понятие «золотой век» латышские писатели заимствовали из античной литературы (Гесиод, Овидий). В латышском фольклоре не наблюдается идеализации какого-либо периода истории.

472—486. В латышских преданиях широко распространены мотивы перемещения озер. Подобные предания имеются и о Буртниеком озере. Там, где теперь Буртниеко, раньше было небольшое Агрумское озеро. И вот как-то в воскресенье прилетело туда Таурское озеро и затопило церковь вместе с богомольцами. Раньше Буртниеко озеро находилось на болотистой местности возле города Валмиера и звалось оно Астарис. Однажды оно поднялось на воздух и опустилось на нынешнее место, где стало зваться Буртниеко. В нескольких вариантах рассказывается, что Буртниеко озеро затопило замок. Причины, по которым озеро подымается в воздух, различны. В «Лачплесисе» изображается, как Вихорь вздымает озеро по приказанию йода, чтобы затопить долину Буртниеков. Есть варианты народных преданий, в которых озеро поднимает черт или колдун, но эти мотивы, насколько можно судить, широко не распространены. Изображая перелетающее с места на место озеро, Пумпур использовал мотив преданий о поведении озера в пути: «Этакая небольшая туча собралась прямо над стадом и страшно заплескала» (оз. Бабите); «После этого озеро ревело девять дней и девять ночей и наконец поднялось и опустилось на Буртниеки» (оз. Буртниеко); «... вдруг поднялся страшный ветер, захрохотал гром, и черное небо с воем разверзлось на церковь и имение» (оз. Буртниеко). В преданиях говорится, что летающее озеро иногда обрушивается на дома, церкви, реже — на замки и заливают их (см. об этом прим. Л III, 289—290). В «Лачплесисе» погружение замка Буртниеков — результат действий йода. В преданиях погружение замка обычно объясняется иначе или объяснения не даются вовсе. Но есть варианты, где замок погружает в землю черт или йод, ведьма или колдун. Сходную мотивировку имеет этот сюжет и в некоторых сказках. В народных преданиях и поверьях Вихорь (*Viesulis*) характеризуется иногда как живое существо, связанное с чертом или его слугами — колдунами, ведьмами. В рассматриваемом эпизоде Вихорь предстает слугой йода, т. е. черта. Мотив «Лачплесиса» — острый предмет, бросаемый *в смерчево сердце*, — очень популярен в народном творчестве.

487—492. Эпизод близок мотивам латышских сказок, преданий и эпоса других народов («Калевала», «Калевипоэг» и др.), где говорится о замечательных музыкантах, игра и пение которых обладают волшебной силой над людьми и природой.

488. *Куокле* — латышский народный щипковый струнный инструмент, родственный литовским канкле, эстонскому каннеле, карело-финскому кантеле и русским гуслиам.

494—502. Сходные мотивы о начале мира имеют место в фольклоре. В латышских народных преданиях мотив сотворения мира отмечен влиянием библейского мифа. В преданиях Черт при сотворении мира рисуется первоначально как слуга Диева.

501—512. В эпизоде о сотворении земли и возникновении гор непосредственно использованы мотивы преданий. Идентичные и сходные мотивы: Диев (Бог), желая создать землю, попросил Черта, который жил в то время в воде, выпести на поверхность горсть ила. Черт послушался, но подумал: «А что это Диев станет делать?» Схватил на всякий случай пригоршню ила и сунул в рот. А Диев раскидал принесенный ил по небесной шпире со словами: «Пусть растет и процветает», — и возникла земля, ровная, без гор и долин, деревья и растения. Создал он землю из ила и праха и сказал: «Да будет!», «Пусть растет и процветает». Начал разбухать ил и во рту у Черта, не смог его Черт удержать и расплевал по всей земле, — в тех местах, куда он плюнул, поднялись горы.

516—520. В латышских народных песнях упоминается Матьерь Земли, но женою Диева (Бога) она никогда не называется. В одних песнях говорится о женитьбе Диева на Сауле (Солнце) или на дочери Сауле, в других подчеркивается, что у Диева нет ни жены, ни детей. Во многих вариантах в качестве женихов дочерей Сауле выступают сыновья Диева, Месяц и другие божества. Мотив «Лачплесиса» — брак Диева с Землею — перекликается с древнегреческим мифом о браке Геи (олицетворяющей Землю) с Ураном (олицетворяющим Небо), и не исключено, что он возник частично под влиянием этого мифа. Латышские народные песни рассказывают о женитьбе Месяца на Сауле или на дочери Сауле. Звезды в «Лачплесисе» выступают как дети Месяца и дочери Сауле; это соответствует тому, что говорится о латышских мифах в сочинениях Г. Фр. Стендера и младолатышей. Известно и народное предание, в котором звезды изображаются детьми Месяца и Солнца. О женитьбе Месяца и Солнца повествуется также в литовском фольклоре.

523—524. В народных песнях изображается некий Кузнец, который «кует в небе»; обычно под этим Кузнецом понимается Перкон. Мифический Кузнец выковывает для дочерей Сауле и сыновей Диева веночки, сундук для приданого, перстеньки, пояса, сабельки, шпоры. В Ор. говорится, что Перкон «возвел», т. е. выковал, «небесный свод»; мотив возведения небесного свода в фольклоре не зафиксирован.

525—530. Мотивы коней Сауле и золотой ладьи взяты из народных песен.

531—533. Ор.: Патримп облачал землю в зеленый наряд и с Зиедонисом вместе украшал цветами и золотыми колосьями. Пакол мостил дорогу к будущей обители душ.

535—542. Подобные отраженному здесь мотивы имеются в народных преданиях. «Диев все камни создал мягкими и наказал Черту их не трогать. Черт, побуждаемый любопытством, потрогал камни,

и с тех пор они затвердели». Об отпечатках ног Черта на камнях (Чертов след) часто говорится в народных преданиях.

543—552. Мотив *долота*, выкованного для Диева, создан Пумпуром на основе мотива народных песен о Кузнеце, который «кует в небе» (Перкон). Прочие мотивы (Диев и Черт — косари; как у деревьев возникли сучья) полностью совпадают с мотивами народных преданий.

552—565. Фрагмент, описывающий коров Диева и Черта, очень близок к мотивам некоторых преданий или во многих деталях даже совпадает с ними.

566—581. Сходный сюжет о собаке Диева и о сотворении волка имеется в народных преданиях.

582—597. Сходный сюжет о создании человека имеется лишь в одном предании, записанном в 1930 г. В сотворении человека участвовали Диев и Вэлн. Диев создал человека с одним глазом, одним ухом, одной рукой и одной ногой. Вэлн добавил второй глаз, второе ухо, вторую руку и вторую ногу. И человек получился не совсем хороший и не совсем дурной. С этим преданием перекликается речение: «Правая нога у человека богова, левая — чертова».

589. Пер.: *рожденный из глины и духа*. Ор.: возникший из вечного божественного духа.

604. Пер.: *ему сами боги покорны*. Ор.: он может даже богов превзойти.

611—615. Этот эпизод напоминает древнегреческий миф о борьбе Зевса с титанами.

659+. Здесь самое великое поприще для тех, кто одарен, Вооружась просвещенным духом, идти и изучать, рыть, взвешивать и измерять, Проникать в суть вещей, размышлять, идти широким, далеким полем природы.

667+. И когда наконец он закроет глаза, Скорбно поминаемый в сердцах друзей и провожаемый Благодарным народом к месту последнего Упокоения в лоне матери-природы, память о нем Не исчезнет в сердце народов.

676—726. В латышской народной традиции *вели* (в литовской мифологии — «*vėlės*») — одно из названий душ умерших людей. Велями правит Матерь велей. Она же умерщвляет живых людей. В старину верили, что в пору велей души умерших навещают живущих. Пора велей приходилась на осень, обычно на октябрь (в связи с этим октябрь в старину звался месяцем велей). В овинах, банях, жилых помещениях устраивали угощения для велей, чтобы добиться их расположения, и гадания. В рассматриваемом эпизоде «Лачплесиса» отражен обряд угощения велей. Одно из четверостиший песни,

которую поет Лаймдота с другими девушками перед угощением велей, — народная обрядовая песня:

Аугшлеците, Землеците! ¹
Закатись в корзиночку,
Отдохни в корзинке с шерстью,
В камышовом креслице!

В «Лачплесисе» эту песню поют, призывая на угощение Матерь велей. По сведениям сборника А. Лерхиса-Пушкайтиса (LP VI, 47) в Вестиене (Мд.) подобную песню, напротив, пели по окончании поры велей — выпроваживая их. В изображении вечера велей в «Лачплесисе» почти все детали полностью отвечают народным традициям (место, избранное для угощения велей, — рига, украшение и приготовление помещения и кушаний, приглашение Матери велей, ворожба, «вкушение еды» велями и т. п.).

684—686. *Рига всегда была местом любимым всяких домашних Духов. В яме под печкой гномы гнездились. За печкой жил Домовой* (Ор.: За печкой жил Циемниек). Еще в первой половине XIX в. среди латышских крестьян была распространена вера в особое домашнее божество, которое чаще всего называли Mājas kungs — Домашний барин (букв.: Господин над домом, близко по смыслу к русскому «домовой»). По народным суевериям, это божество домашнего очага может жить в разных местах, в том числе в печи, за печью или на печи. В записи, сделанной в Латгалии, говорится о Хозяине риги, который всегда живет в риге и в честь которого с окончанием молотбы едят и пьют на печи. О том, что домашнее божество где-либо в Латвии называется гномом, как в «Лачплесисе», сведений нет. Гномы упоминаются в некоторых преданиях. Это маленькие человечки, которые выходят из-под земли и по ночам помогают людям. Циемниек как литовское божество домашнего очага упоминают М. Стрыйковский, Я. Ласицкий. У них это имя заимствовал Я. Ланге, а у него — Г. Фр. Стендер. Сведений о Циемниек в надежных мифологических источниках нет.

783 и сл. *Сам же на их корабле плыть решил в заморские земли* (Ор.: в неметчину). Летом 1203 г. Каупо в сопровождении Теодориха Турайдского отправился в путешествие по Германии. Они проехали «большую часть Германии», побывали у римского папы, осенью 1204 г. вернулись в ливскую землю.

786+. Расставаясь, пообещал Кангар ждать их при устье Ридзины.

838—840. Ор.: Поэтому он сказал Лачплесису: «Юный герой, я за Такое оскорбление желал бы (для тебя) наказания от Перкона, Если бы мне не было известно, что ты обманут и опутан».

844. Ор.: Второе твое обвинение опровергается само собой.

897. О Севера Дочери см. прим.: Л IV, 461—562.

¹ Augšlecīte, Zemlecīte (латыш.) — букв.: Высокопрыгающая, Низкопрыгающая (по объяснению А. Лерхиса-Пушкайтиса, речь идет о жабе; считалось, что она приносит богатство).

7—16. Ор.: Рыцарям, грешникам Все грехи он отпустил, Наместниками Марии в Балтии их назначил, Дабы они туда на кораблях поплыли. Воевали с язычниками. Каменные замки возводили Для защиты священников, т. е. в Ор. восемь строк.

23—24. Ор.: Сегодня в своем Петровом замке (дворце) Святой отец их принимал.

27—70. В рассказе о пребывании Каупо у папы использованы факты и детали из соответствующего эпизода хроники Генриха Латвийского.

39—52. В Пер. здесь прямая речь, в Ор. — непрямая.

45—48. Ор.: Что он здесь сейчас видит И что повидал, путешествуя, т. е. в Ор. две строки.

68+. Увенчал его короной С семизвездьем северным.

69—70. Ор.: Представил его Рыцарям, епископам, В число коих теперь И Каупо был введен, т. е. в Ор. четыре строки.

75—78. Ор.: Юношей, которые были взяты Каупо в неметчину, По монастырям монахам В обученье отдали. — Материал для разработки этого мотива Пумпуру дал эпизод, взятый им самим из IV части хроники Генриха Латвийского или через посредство какого-либо другого автора (в частности, Г. Меркеля). Летом 1200 г. враги создали Каупо, Анно и других ливских вождей «на пир». Когда те собрались, враги заперли их; епископ Альберт потребовал выдачи заложников. «Боясь, что их отправят за море в Тевтонию (в Германию. — Я. Р.), — пишет хронист, — они (старейшины. — Я. Р.) представили епископу около тридцати своих сыновей, лучших, какие были на Двине и в Торейде (в Турайде. — Я. Р.)». Епископ отправился с заложниками в Германию. Возвращаясь на следующий год в ливскую землю, он оставил заложников в Германии. Г. Меркель изображает это событие в «Ванем Иманта» и пересказывает в «Древних временах Лифляндии». В «Древних временах Лифляндии» он добавляет, что заложники воспитывались в немецких монастырях и впоследствии послушно исполняли поручения епископа Альберта в Ливонии. Исторические источники, в том числе хроника Генриха Латвийского, позволяют предполагать, что в XIII в. в Германии действительно готовили священников и иных церковных служителей для Прибалтики из среды ее коренных жителей. Пумпур в «Лачплесисе» высказывает подобное предположение. В эпосе говорится, что Каупо, отправляясь с Дитрихом в путешествие по Германии и в Рим, взял с собой «из своего замка» юношей (Ор. III, 866). В Германии они были отданы в монастырь, чтобы учиться «немецким премудрым наукам». Пумпур считает, что среди этих юношей и «ставший позже Знаменитым — Индрикис» (Л IV, 79—80), т. е. Генрих Латвийский (см. прим. Л IV, 80). Интересно, что в эпосе ничего не говорится о заложниках, нет ни малейшего указания на то, что юноши из замка Каупо едут в неметчину по принуждению. Чем объяснить это отклонение от хроники? Во-первых, в эпосе отмечает-

ся, что Каупо еще до своего путешествия в Германию и Рим питает надежду на «немецкие премудрые науки». Поэтому он с такой охотой посылает юношей учиться в неметчину. Во-вторых, поэт еще раз хотел показать, что среди жителей Латвии всегда были люди, стремящиеся к знаниям, только завоеватели использовали это стремление в своих целях.

80. Латышский *Индрикис* (Ор.) — автор «Хроники Ливонии» («Chronicon Livoniae») Генрих Латвийский. Хроника его, написанная в 1224—1226 гг., прозой на латинском языке, является одним из источников по древней истории Латвии и Эстонии. Хроника охватывает период с 80-х годов XII в. до 1227 г. Произведение повествует о покорении немецкими крестоносцами ливов, латгалов, селов и эстов. В нем описываются только некоторые столкновения и отдельные эпизоды борьбы куршей и земгалов с крестоносцами: немецкая агрессия против куршей и земгалов по-настоящему разворачивается после завоевания Эстонии и Сааремаа, а как раз описанием крещения жителей Сааремаа хроника Генриха Латвийского и заканчивается. В научной литературе много дискутировали (дискуссия шла и в период создания «Лачплесиса»), был автор хроники Генрих Латвийский (Henricus de Lettis) латышом или немцем; вопрос, однако, до сих пор так и не выяснен. Некоторые факты, имеющиеся у Генриха Латвийского, Пумпур мог использовать в своем эпосе через «Ванем Иманта» и через «Древние времена Лифляндии» Г. Меркеля.

Тем не менее есть основания предполагать, что, создавая «Лачплесиса», поэт познакомился и с самой хроникой, хотя бы с некоторыми ее частями. Подвергая литературной обработке такие исторические эпизоды, которые воспроизведены в произведениях Г. Меркеля по Генриху Латвийскому (намерение ливов принести в жертву Теодориха, Каупо у папы римского), Пумпур использовал отдельные детали, встречающиеся только в хронике. Фигурируют в «Лачплесисе» и имена из «Хроники Ливонии» (Таливалдис, Русинь), которые в «Древних временах Лифляндии» и в «Ванем Иманта» не упоминаются. В IV песни изображена гибель Русиня. В произведениях Г. Меркеля эта описанная хронистом ситуация не отмечена. События XIII в. в Латвии отображаются и в «Рифмованной хронике» («Livländische Reimchronik»), написанной неизвестным автором стихотворным размером на средне немецком языке между 1290—1296 гг. Она охватывает период от первого появления немецких купцов в устье Даугавы до покорения земгалов в 1290 г. Произведение широко освещает борьбу куршей, земгалов и литовцев с немцами. Можно поставить вопрос, почему Пумпур обратился за материалом именно к «Хронике Ливонии» и полностью игнорировал «Рифмованную хронику», дающую намного больше яркого материала о борьбе древних латышей с немецкими захватчиками, нежели «Хроника Ливонии». В связи с этим можно указать на два следующих обстоятельства. Во-первых, очевидно, здесь — и без преувеличения — вновь приходится говорить о значении произведений Г. Меркеля. Исторические мотивы «Ванем Иманта» основываются только на данных «Хроники Ливонии»; единственный момент из «Рифмованной хроники» в «Ванем Иманта» — незначительный эпизод, где говорится, что немецкие купцы попали в устье Даугавы якобы из-за бури. В «Древних временах Лифляндии» данные «Хроники Ливонии» приведены довольно подробно; и наоборот, позднейшие события по «Рифмованной хронике» (после 1227 г.) в этом произведении Г. Меркеля рас-

смотрены очень бегло, только в самых общих чертах. Думается, что именно в связи с этим произведения Г. Меркеля и сыграли известную роль в том, что Пумпур заинтересовался именно «Хроникой Ливонии». Во-вторых, некоторые из эпизодов этой хроники связаны с Лиелварде — родными местами Пумпура, с местностью, где была услышана сказка о Лачплесисе. Это, несомненно, увеличило интерес автора к труду Генриха Латвийского.

93—102. На полуострове, омываемом реками Ригой (см. прим. Л III, 104) и Даугавой, уже в XII в. находились два поселка местных жителей. Предметы, найденные в археологических раскопках, свидетельствуют о том, что здесь жили ливы и древние латыши — курши, земгалы, отдельные представители латгалов. В низовьях реки Риги находился торговый центр, который еще до вторжения крестоносцев посетили и немецкие купцы. В 1201 г. немецкие крестоносцы образовали свое поселение, начали возводить укрепления. Слившись, все эти три поселения образовали средневековый город Ригу. В археологическом исследовании предыстории этих мест, а также и средневекового города большие заслуги принадлежат А. Цауне. В 1201 г. епископ Альберт (см. прим. Л IV, 104) перенес епископский престол из Икшкиле (Иксуль) в Ригу. Рига становится центром экспансии против древних ливов, латышей и эстов.

98—99. *Посредине каменный Встал собор.* Имеется в виду собор св. Марии, так называемый Домский собор, — бывший кафедральный собор рижского епископа (в Старой Риге), заложен в 1211 г., строительство продолжалось до 80-х годов XIII в. (ныне Домский концертный зал Государственной филармонии Латвийской ССР). Первая Домская церковь находилась в старейшей части города и сгорела в 1215 г. во время большого пожара в Риге.

104. *Епископ Альберт* — Альберт Буксгевден, рижский католический епископ. Во время его епископства развернулась экспансия против народов Прибалтики, он был фактическим организатором захвата Ливонии в первые три десятилетия XIII в. При Альберте были покорены ливы, эсты, древние латышские народности — латгалы, селы, началось покорение остальных латышских народностей — куршей, земгалов. Альберт Буксгевден родом из северо-западной Германии. В 1199 г. он был посвящен в епископы Ливонии и носил этот сан до конца жизни, т. е. до 1229 г. Епископ Альберт был высшим представителем местной власти не только церковной, но, по сути дела, и военной. Ему были подчинены крестоносцы, которые появлялись в Ливонии временно, и постоянное войско «Братства Христовых рыцарей» во главе с магистром. В эпосе Альберт не показан, но из всех упоминаний о нем (Л IV, 104; VI, 199, 234—237, 288—289, 808—819 и др.) ясно, что именно он — главный организатор и руководитель немецкого вторжения. Обрисован он как жестокий и непрелюбимый исполнитель замысла покорения и христианизации Латвии.

109—110. *Икшкиле* находится на правом берегу Даугавы, примерно в 30 км от Риги. *Саласпилс* (около 20 км от Риги) — между Икшкиле и Ригой. Икшкильский (Иксульский) и Саласпилский (Гольмский) каменные замки построены в начале второй половины 80-х годов XII в. при немецком миссионере Мейнарде; сперва был

построен Икшкильский замок. Саласпилский замок находился на острове, с позднейшим названием Мартиньсала, на Даугаве. Оба замка были первыми немецкими замками в Латвии. В Икшкиле и Саласпилсе Мейнард построил и церкви. В 1186 г. бременский архиепископ Гартвиг II учредил Икшкильское епископство.

117—118. Ор.: Люди, Ригу поминая, Горько восклицали.

126+. Рига, сколько ты поела Нашего чистого хлебушка!

131—132. Ор.: Рига, сколько отняла ты У наших братьев свободы!

153. Пер.: к морю. Ор.: к Даугаве.

168+. Вместе с просвещенными народами Принять Христову веру.

220. Пер.: Западу. Ор.: женскому монастырю.

271. Ор.: Шли, бежали, молили, звали Со всех сторон люди, т. е. в Ор. две строки.

272+. Наконец унялось великое смятенис.

276+. Вооруженные.

297. Пер.: в алтаре. Ор.: в церкви.

303—304. Ор.: Хотели ускакать.

331+. Выродок (гниус) среди христиан!

347—348. Ор.: Отпущу тебя на сей раз живым, Ступай, если хочешь, в Балтию.

404—405. Пер.: Сообщил уж после им Кангар. Ор.: Тем более что Кангар сообщил.

411—412. Ор.: Стакан-другой пили Юноши с удовольствием.

457. Ор.: За его проступок.

458—462. Четверостишие из песни корабельщиков «Сколотил отец мне лодку...» — народная песня.

502+. Поверх темных морских волн Быстро к кораблю приблизилось.

461—562. Пер.: Дочь Зимы. Ор.: Зиельмейта, т. е. Дочь Зиельмелиса (Севера, Северного ветра). Для создания этого образа Пумпур использовал латышские народные песни. В собрании народных песен Кр. Барона «Латышские даины» — восемнадцать песен о Зиельмейте. Смысл ее образа расшифровать нелегко. В связи с проблемой образа Дочери Севера (Зиельмелиса) в «Латышских дайнах» привлекает внимание песня о поездке на смотрины. Из тридцати шести ее вариантов, записанных в разных местностях Латвии, семнадцать

воспевают бандениеков (в одном случае — барабанщиков), которые едут на смотрины к Дочери Зиемелиса; bandenieks — работник, которому хозяин в качестве платы выделяет кусок земли:

— Вы куда же, бандениеки,
В шубки наряжаетесь?
— Есть у Зиемелиса дочка,
На смотрины едем к ней.
— Вы не ездите напрасно,
Не увидеть вам ее;
Там и свой жених сыскался —
Землю в кортому берет.

Распространенность имени Зиемелис (оно встречается почти в половине вариантов песни) заставляет предполагать, что данный мотив в этих песнях генетически связан с народными представлениями о Дочери Зиемелиса как об особом существе. Одна из версий песни о Дочери Зиемелиса (близкая к ранее указанным вариантам свадебных песен в собрании Кр. Барона) опубликована в 1938 г. в III томе «Народных песен» П. Шмидта:

— Вы куда же, пареньки,
В шубки облачаетесь?
— Есть у Зиемелиса дочка,
На смотрины к ней идем.

Более определенно говорится о Дочери Севера в следующей народной песне (также в собрании Кр. Барона):

Ладь челнок мне, батюшка,
Тки мне парус, матушка,
Сяду, в море поплыву,
На Зиемельмейту погляжу.

Именно данную латышскую народную песню Пумпур представил как мифологическую в статье 1880 г. «Об одном старом добром обычае и как он ныне извратился в латышском народе». Дочь Зиемелиса воспевается и в народном романсе, который в 1885 г. обработал для хора композитор Андрей Юрьян:

— Морю нужен тонкий невод,
Белый парус — лодочке,
Плещет, плещет белый парус,
Быстро лодочка бежит,
Быстро лодочка несется
К Зиемелису самому.
Есть у Зиемелиса дочка,
На смотрины еду к ней.
— Уж ты езд иль не езд,
Не видать тебе меня.
Лучше здесь ходить по глине,
Чем у мужа по мосткам;
Здесь и грязь-то серебрится,
А мостки — они в слезах...

Думается, что из латышских фольклорных произведений именно песня, соответствующая типу «Ладь челнок мне, батюшка» (Пумпур в «Лачплесисе» включил текст этого типа в песню корабельщи-

ков), и, возможно, романс, обработанный А. Юрьяном, послужили поэту основой для создания образа Дочери Зиемелиса (Дочери Севера). Однако в том, что Пумпур ввел этот мотив песни в эпос и интерпретировал его именно так, а не иначе, серьезную роль сыграла «Калевала» (ср. образ Дочери, или Девы Севера, — один из центральных в карело-финском эпосе). Пумпур в «Лачплесисе» сообщает, что о Дочери Севера «многие предания говорят», «корабельщики рассказывают» (Ор. IV, 540—541). Но надежных материалов об этом образе в сказках и преданиях до сих пор не выявлено. В характеристике героини у Пумпура мотив народных песен о Дочери Севера сливается с поверьем о сполохах. По латышским народным поверьям, сполохи — это души павших воинов. Когда они бьются, возникает северное сияние. Появление сполохов — знамение войны с большим кровопролитием, мора или иной большой беды. Аналогичные финно-угорские поверья использованы в «Калевипоэге»: спутники Калевипоэга на пути к «границе мира» со страхом наблюдают за северным сиянием — за борьбой воинственных «духов северных сияний». Конкретная обрисовка Дочери Севера в «Лачплесисе» отличается от обрисовки ее в «Калевале». Матерью Дочери Севера в «Калевале» является Хозяйка Похьелы (Севера), которая не только занимается земледелием и скотоводством, но и великая волшебница. В карело-финском эпосе Дочь Севера предстает не как сверхъестественное существо, каким она является у Пумпура, а как реальный человек, наделенный лишь необычайной красотой: «всех других прекрасней», «красота земли и моря» (тринадцатая руна, пер. Л. П. Бельского). Отступление от основной линии характеристики героини имеется только в одном эпизоде — в начале восьмой руны. Здесь образ Девы Севера приобретает фантастические черты. Отец Зиемельмейты — Зиемелис в оригинале «Лачплесиса» непосредственно не показан, но характеризуется в рассказе дочери или посредством описания его владений, ледяного дворца и природных явлений, происходящих, когда он пробуждается от долгого сна. Образ Зиемелиса следует рассматривать как самостоятельный, созданный Пумпуром по принципам изображения, свойственным народным сказкам и преданиям (волшебные свойства, гиперболизация). Вероятно, какой-то материал дал поэту вариант песни «Ладь челнок мне, батюшка» и обработанный А. Юрьяном романс «Морю нужен тонкий невод». Зиемелис как особое существо встречается в сказке, напечатанной впервые в 1887 г., где он помогает волку выгнать домашних животных из их лесной избушки. От его дыхания замерзает вода и снег засыпает землю. Как один из двенадцати сынов Отца ветров Зиемелис эпизодически появляется в другой сказке.

525. *Виллайне* — принадлежность латышского женского костюма — покров, шаль, вышитая цветным гарусом, укрывающая спину и грудь, на груди или на плече скрепляется брошью — сактой.

534—535. Ор: Такова была Дочь Зиемелиса, О которой многие предания говорят.

585—586. Ор.: Ибо там холодно и легко можно было Ее отца потревожить.

597—598. Ор.: Посреди сада глубокое, как пскло, В земле было отверстие.

663—678. *Сумпурни* — псоглавцы. Слово «сумпурнис» — производное от «сунс» — собака и «пурнс» — морда. В народных сказках и преданиях псоглавцы обычно обитают в лесу. Но есть варианты, говорящие о некоей земле сумпурнисов или острове сумпурнисов. Весь эпизод с описанием внешности псоглавцев, их поведения и рекомендацией, как спастись от них, полностью отвечает мотивам сказок и преданий.

665—666. Пер.: *по краю света*. Ор.: вдоль края земли.

679—953. Страницам песни четвертой о крае земли (в переводе Вл. Державина — *край света*) и об алмазной горе в какой-то мере близки некоторые мотивы латышского повествовательного фольклора. На конкретную разработку темы края земли, взятой Пумпуром из повествовательного фольклора, в большой мере повлияли латышские народные песни о Солнце (Сауле), дочерях Солнца и сыновьях Диева.

Немало параллелей и близких мотивов содержится в латышских сказках и в эпосе других народов. Сказки о чудесных странах, солнечном крае, земле изобилия, огненной земле, земле мрака, невиданных островах, алмазных и «притягивающих» горах и т. д. известны у многих народов. В указателе Ст. Томпсона (1934) имеется обширный раздел «Marvels» («Чудеса»), посвященный сказкам этого цикла. Известны древнегреческие мифы о крае земли. Некоторые элементы их содержатся в «Одиссее». В конце «Калевалы» Вейнемейнен «едет... туда, где вместе сходятся земля и небо». Развитию темы края света в «Калевипозге» посвящена целая песня — XVI. В разработке темы края света Пумпур в значительной мере следовал, по видимому, латышским сказкам и поверьям. Однако само обращение к этой теме могло произойти под влиянием эпоса других народов, так как в латышском повествовательном фольклоре она не очень распространена (зафиксирована пока лишь в нескольких вариантах). По некоторым латышским народным поверьям, земля — «большущая гладкая равнина», «плоская и круглая, как тарелка»; где-то далеко она сходится с небом, там и находится край земли. «Там есть невидимая стена. Дойдешь до нее, и дальше шагу не ступить. Что за той стеной — никто того не знает. Некоторые полагали, что там вроде ада что-то». Где-то далеко, говорят, есть каменная стена — «край света». Моряки рассказывают: кто на нее влезет, «тот онемеет, лицо у него блаженное делается, и он сразу же прыгает по ту сторону». Мотивы края света или края земли известны нам в нескольких латышских сказках. В трех из этих вариантов край света — высокая каменная стена обнаруживается во время плаванья на корабле. За стеной находится рай. В другой сказке два брата отправляются искать край света. На краю света находятся ад, чистилище и рай. С этим переключаются строки эпоса:

Там врата небес, и там же
Пекло отверзается (Л I V, 865—866).

В героической сказке богатырь по ветвям огромного дерева взбирается до облаков. Ступая по облакам так же, как по земле, он достигает места, где облака сходятся с землей. Герой спускается на землю и приходит домой. Край земли упоминается и в народной

песне, впервые напечатанной в сборниках Г. Ф. Бютнера (1841) и А. Биленштейна (1875):

Выплывали из моря
Два чалых коня;
На одном — попона звездная,
У другого — звездная уздечка.
Они знали край земли,
Дно морское они знали.

В «Латышских дайнах» имеется еще один вариант этой песни, который незначительно отличается от предыдущего. В «Лачплесисе» край земли описан как обитель богов — сыновей Перкона, Солнца, дочерей Солнца, сыновей Диева — и счастливых людей. Это одновременно Восток, сказочное восточное царство, прославляемое в данной части эпоса Пумпура. Изображая Восток, Пумпур обращался к мотивам народных песен о Солнце, о «золотом яблоке», которое «бросают», «катают» Солнце и сыновья Диева; две песни он использовал текстуально, варьируя их. Как развитие мотива «золотого яблока», которое бросают небесные божества, появились в эпосе строки о золотых садах Солнца. На развитии темы сказочного Востока в эпосе сказалась распространенная в то время в латышской мифологии версия о Востоке как о некоей «святой земле», «чудесной земле», обители Солнца и Месяца. Подобные высказывания о «Восточной земле» встречаются в приложении к «Латышской грамматике» Г. Фр. Стендера, в «Древних временах Лифляндии» Г. Меркеля и др., основываются они на преувеличении значения некоторых фактов латышской мифологии, произвольной их комбинации и на ошибочной этимологии. Известно, что в латышской народной традиции имеется божество утренней зари Аустра (см. прим. Л I, 33), но материалов, подтверждающих особое мифологическое значение восточной части неба, нет. Возвеличивание Востока в эпосе вызвано, несомненно, и глубокими дружественными чувствами Пумпура и всего латышского народа к русскому народу, стремлениями прогрессивного латышского общества установить еще более тесные отношения между обоими народами. В свете изложенных замечаний становится понятнее, почему Пумпур изображает Восток как первоначальную родину латышского народа (см. прим. Л III, 438—457).

685—696. Сходный использованному Пумпуром мотив встречается в легенде, впервые напечатанной в «Латышских сказках и преданиях» П. Шмидта: «В старину один солдат пришел со службы и рассказывал, что был он на Кавказе. Там есть такие высокие горы, что женщины, кончив колотить белье, вальки за облака суют».

695—696. Ор.: Девушки, белье колотя, Вальками за небо цепляются.

721—722. Ор.: Все, что однажды было притянуто, Уже вовек не освободится.

743—744. Ор.: Весь остров и ледяные горы Словно дрожмя задрожали.

756. Ор.: Поднялся Зиемелис.

771—856. Эпизод сходен с преданием, где люди в бурю попадают на остров псоглавцев. В эстонском эпосе герой также попадает в землю собакоподобных существ, но они характеризуются иначе, чем латышские сумпурни. По эстонским народным поверьям, эти существа стерегут подходы к краю земли. Ситуация с людосдами-псоглавцами, заваливающими вход в пещеру, где укрылся Лачплесис, напоминает сходный эпизод древнегреческого эпоса — Одиссей в пещере циклопа. Есть все основания полагать, что рассказ Пумпура о Лачплесисе в пещере псоглавцев написан в значительной мере под воздействием «Одиссеи».

788+. У них была еще надежда, Что, может, быть, поблизости Сумпурни не живут и их не заметят.

821—822. Ор.: Всех, которые за ним примчались, Пронзать или отгонять.

826+. Они стали взваливать перед пещерой Большие, тяжелые камни.

830+. В то время, как сумпурни за дверью Его сторожили,

838+. Особенно они оплакивали Своего Лачплесиса.

853+. И после многодневных усилий.

854+. В пещере нашлись Некие остатки мяса, И вот им-то он все эти дни Питался, как мог. Сумпурни за замшелой толщей горы О том не ведали.

861—864. Ор.: Вот он, тот край, преданий полный, Вот оно, мечтаний царство — Восток, чаемая святыня, Первая колыбель народов! Земля и небо неразлучны, Оба сходятся, т. е. в Ор. шесть строк.

883—884. Ор.: Сыны богов, дочери Солнца В их жизнь вникают,

890+. И все достопримечательности этой земли Им старались охотно показать.

915—953. Сходные мотивы содержатся в некоторых сказках о крае света, но вместо *алмазной горы* в них фигурирует высокая каменная стена.

958. Пер.: в Балтию. Ор.: в Белое море.

963—972. Мотиву из «Лачплесиса» о зачарованном острове, притягивающем суда, в латышских сказках установлены лишь очень отдаленные параллели (LP IV, 201—203).

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

7—9. Здесь (см. также Л V, 383—394) использованы распространенные в прошлом народные поверья о ведьмах, которые умеют вызывать ветер и бурю, метель и град.

27—40. В сказке богатырь с товарищами выходит к широкой реке, через которую перекинут большой мост. За мостом — замок с могучими воротами или корчма. В других вариантах замок стоит посредине реки. «В этом замке не было ни одного человека, а все равно все было прибрано и ухожено — кони в стойле накормлены, вычищены, столы в комнатах накрыты, постели взбиты — все как следует быть. Замок со всех сторон омывала река, через которую был перекинут красивый мост». Согласно сказке, замок этот принадлежит черту.

53—54. В основе рассказа о борьбе Лачплесиса с йодами лежит сказочный сюжет. По указателю Аарне-Томпсона он соответствует № 300 А, но встречаются контаминации и со сказками другого типа. Поэт едва ли воспользовался каким-то одним текстом сказки. В изложении чувствуется хорошее знание сказки, умение разобраться в ее акцентах, великолепное чувство колорита. Все это заставляет думать, что Пумпур слышал сказку не единожды и все ее особенности воспринял органично. Вместо характерного для соответствующих сказок черта в V песни фигурирует йод (см. прим. Л II, 285). Фазы борьбы Лачплесиса и отдельные мотивы в той или иной мере соответствуют латышским народным сказкам. В «Лачплесисе» борьба героя с йодами, или чертями, у моста тоже длится три ночи подряд, тяжесть ее последовательно возрастает. Сходно описывается облик многоглавого йода, его появление, поведение его коня при приближении к мосту, начало состязания, его ход. На третью ночь с помощью друзей герой побеждает девятиглавого йода. Старая колдунья, мать убитых йодов, превращается в колодец, Спидала (в сказках: дочери, сестры или жены чертей — ведьмы) — в яблоню. Но герой эпоса не дает товарищам испить воды из этого колодца и съесть яблоки с этой яблони, он рубит «колодец», т. е. мать йодов (в сказке — и остальных ведьм), и справляется с заколдованной яблоней. Поэт кое-что варьирует, но по большей части остается в пределах традиционного повествования, только делает его более ярким, акцентирует самое важное, отбрасывает лишнее, концентрирует действие. Борьба Лачплесиса происходит на морском острове. Сильно видоизменен мотив с яблоней-ведьмой: в сказке богатырь уничтожает яблоню, в эпосе Спидала отказывается от колдовства, от связи с силами тьмы и тем самым спасает себя.

80 (и 126). Ор.: Отчего ты не хочешь лес сдуть?

84. Пер.: *Так его по шапке треснул он.* Ор.: И так сильно он отвесил (удар).

98+. Корабельщиков в доме за мостом Никто больше не тревожил.

122. Ор.: То я твои кости перемелю.

132+. Но тот быстро ударил в ответ И срубил ему две головы.

138. Пер.: *далеко за полдень*. Ор.: до позднего утра.
- 149—156. В Ор. наказ Лачплесиса передается косвенной речью.
- 157—158. В Ор. таких строк нет.
174. Ор.: Коли ты моих братьев убил, Я тебя живьем сожру.
- 176+. Чтоб просторно было биться нам.
- 181—182. Пер.: *по шлему Так его ударил палицей*. Ор.: И такой удар отвесил ему.
- 190+. Йод отвесил удар еще раз — Лачплесис глубже в землю ушел.
- 196+. Но ни один из всех его людей Не появился подле него.
202. Ор.: Влетела через окно в комнату.
- 259—260. Ор.: Вдруг из яблони со страхом воскликнул кто-то: «Ой, не руби, Лачплесис!»
- 279—280. Ор.: И тут Спидала рассказала О всех злодеяниях и коварных умыслах, Которые она и Кангар совместно, Лачплесису на погибель, творили и вынашивали, т. е. в Ор. четыре строки.
- 287—288. Ор.: Заколдовала этот дивный остров, Так что корабли сюда притягивало.
- 292+. Коих она в доме за мостом Выкармливала разными кушаньями.
- 297+. То она и разгневалась ужаснейшим образом.
312. Пер.: *Боги Балтии*. Ор.: Перкон и боги.
326. Пер.: *В страсти гнева*. Ор.: В страсти.
- 354+. Когда их своим сыновьям отдавала.
374. Пер.: *при устье Даугавы*. Ор.: На Даугаве при устье Ридзини.
405. Пер.: *обнимал*. Ор.: руку пожимал сердечно.
- 447—450. Ор.: И большую кладовую с тем, Что годилось для пропитания, т. е. в Ор. две строки.
- 450+. Счастливо проводили здесь дни Наши прославленные со-родичи.
- 504+. Ты уже сама забыла Все свое темное прошлое.

521—522. Ор.: Знаю также, что смогу очень уважать Того, кто пал и вновь поднялся.

527—528. Ор.: Лучше было бы На берегу лежать камнем, Чем быть отвергнутым своей спасительницей, К коей вспыхнула первая любовь, т. е. в Ор. четыре строки.

553. *Мать морей* (в Ор.: Матерь моря) — латышское божество моря, упоминается в народных песнях, в заговорах и редко в сказках.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

1 и сл. В начале песни шестой изображается Янов праздник как древний латышский обычай, который существовал еще до распространения в Латвии христианства. Взгляд этот на Янов праздник оправдан: хотя праздник по времени почти совпадает с днем христианского святого Иоанна Крестителя (24 июня), образ Яниса в латышских песнях и обряды, с ним связанные, не объясняются влиянием христианской церкви, и следует полагать, что этот языческий культ существовал еще до появления немцев в Латвии. Время народного празднества — 23 июня, особенно вечер накануне 24 июня и ночь с 23-го на 24 июня, а также утро 24 июня до восхода солнца. Янов день — праздник летнего солнцестояния и плодородия — в старину был тесно связан с календарем земледельческих работ. Фактически он означал окончание весенних работ и начало летних; магическая цель этого праздника — подготовка с помощью определенного ритуала к уборке будущего урожая. День накануне Янова праздника назывался Травный день, а ночь — Янова ночь. В Травный день рвали разные растения, вили из трав, цветов и дубовых листьев венки, украшали ими комнаты, клети, ульи, коров и т. д. С наступлением сумерек начинали петь песни («Яновы песни»). В песнях воспевался Янис, высмеивались лентяи, прославлялись усердные работники. Янис предстал в них как некое живое существо, персонализирующее плодородие. После каждого стиха в «Яновых песнях» следует своеобразный рефрен — восклицание «Лиго, Лиго!» (см. об этом ниже), поэтому исполнение этих песен называется «лигование» (*līgošana*), а исполнители — «лиготайи» (*līgotāji*). Вечером все домочадцы с песнями возлагали на голову хозяина дома — Янова батюшки — дубовый венок, а на хозяйку — Янову матушку — венок из цветов и трав. Затем все шли в поле и с песнями обходили сады, огороды, нивы, луга; в садах и полях втыкали в землю раскидистые ветви. Празднование продолжалось — лиготайи, или Яновы дети, с травами и цветами шли петь к соседям, где им подносили пиво, угощали лепешками и сыром. Так они обходили одну усадьбу за другой. Люди, живущие по соседству, собирались вместе, обычно на каком-нибудь холме, и там на высокой жерди или на дереве, разжигали огонь. Собравшись вокруг огня, пели, танцевали. Иногда разводили костер и прыгали через него. Все эти действия, так же как и лигование, были связаны с народными представлениями о том, что именно таким образом можно призвать благодать на луга, поля, сады, скот, умножить плоды своих трудов. Со временем такие действия, как плетение венков, разжигание огня, лигование постепенно утратили свой первоначальный магический смысл и приобрели чисто увеселительный характер. Многие встречавшиеся у

латышей обряды и поверья, связанные с Яновым днем (плетение венка, разведение огня на возвышениях, некоторые заговоры, верования, связанные с цветком папоротника и др.), известны и другим народам — русским, белорусам, полякам, эстонцам, литовцам, немцам и др. Однако обширный песенный цикл, связанный с мифологическим Янисом, и лигование присущи именно латышской традиции. Янов день был самым большим календарным праздником у латышей. С ним связано такое количество народных песен, как ни с одним другим праздником (опубликовано более 35 000 «Яновых песен»). Описания Янова дня даются во многих произведениях латышской классической литературы. В начале VI песни «Лачплесиса» фигурируют многие элементы празднования Янова дня, упоминаются традиционные обряды (разведение праздничных огней, лигование и т. д.). Использованы «Яновы песни» и фрагменты из них. Для Пумпура Янов день — праздник плодородия, который отмечают с приходом лета. Кроме того, автор подчеркивает момент любовной игры среди молодых людей и, следуя изображению Яновой ночи у Г. Меркеля, считает древнелатышский Янов день праздником согласия и дружества. Интересно, что Пумпур ни в VI песни, ни вообще в «Лачплесисе» не приводит имени Яниса, зато воспевает *Лиго*. Если в I и II песнях Лиго предстает как бог латышской песни вообще, то в VI песни под Лиго фактически понимается Янис. Слово «Лиго» поэт употребляет как имя божества и пишет с прописной буквы (Л VI, 31—69). Изображая древнелатышский праздник, Пумпур избегал, очевидно, употреблять имя Янис потому, что считал его более поздним, христианским именем, которое вытеснило имя древнего божества, каким якобы являлся Лиго. Именно такой взгляд высказал Г. Меркель в «Древних временах Лифляндии». Исходя из этого представления, Г. Меркель при описании Яновой ночи в «Ванем Иманта» оперирует только именем Лиго (см. также прим. Л I, 25). Мнение о том, что у древних латышей существовал культ некоего божества Лиго, было признано несостоятельным в результате критического изучения латышской мифологии. Высказано предположение, что восклицание «лиго!» является повелительной формой глагола *ligot* (лит. *linguoti* — «качаться», «колыхаться») и обозначает движение солища, его покачивание, вращение; примечательно, что есть ряд народных песен, где *ligot* используется именно для обозначения солнечного движения. Проблема имени Янис (*Jānis*) — появилось ли оно в латышских народных песнях и календарных обрядах в результате заимствования имени христианского святого (др.-евр. Иоханан) и частично названия его праздника или каким-нибудь другим путем — пока еще не разрешена. Возможно, что латышское Янис (*Jānis*), литовское Ионас (*Jonas*), чешское, польское Ян (*Jan*), болгарское Янѐ (Яньо), Энѐ (Еньо), Ян (Ян), норвежское Ханс (*Hans*), французское Жан (*Jean*), английское Джон (*John*) являются вариантами индоевропейского наименования мифологического существа, связанного с летним солнцеворотом и культом плодородия. В латышской буржуазной этнографии высказаны отдельные мысли, что имя Янис, встречающееся в латышских народных песнях и календарных обрядах, родственно названию древнего италийского Януса (латинское *Janus*) — божества света, солнца, входов, выходов и всех начал.

1—2. Ор.: Раз в году приходит Лиго На своих детей взглянуть. — Эти строки, за исключением имени, совпадают с популяр-

ным двустипием из народной песни Янова цикла: «Раз в году приходит Янас На своих детей взглянуть».

7. Ор.: Праздник Лиго, полночь Лиги. В Ор. песни шестой трижды употреблено понятие «ночь Лиги» (Ор. VI, 7, 19, 118) вместо понятия «Янова почь». Чем это вызвано? В статье (1856) Фр. Малберга о происхождении латышского народа и его древней религии, в работах этнографического характера и в художественной литературе второй половины XIX в. нередко упоминается неизвестная в народной мифологии «латышская богиня» Лига (ср. божество Лиго у Г. Меркеля). Ю. Алуца в стихотворении «Праздник богини Лиги» (ок. 1848 г.) называет Янов день днем Лиги, а Фр. Малберг в эпосе «Стабураг и Лпесма» Травный, или Янов, вечер — вечером Лиги. Аусеклис (в «Письмах из Лиелварде», 1873), описывая празднование Янова дня в Лиелварде, называет его праздником Лиги. Пумпур вводит в эпос не только бога Лиго, но и (в случаях с «ночью Лиги») богиню Лигу. Лига в значении божества упоминается и в некоторых стихах Пумпура.

9—30. В данном описании чувствуется некоторое влияние мотивов «Ванем Иманта» Г. Меркеля.

10. В «Лачплесисе» говорится, что древние латыши устраивают праздник Лиго, празднуют ночь Лиги на Синей горе — «перед лицом богов своих» (Л VI, 94—97). Здесь Пумпур полностью следует за «Ванем Иманта» Г. Меркеля, где этот праздник также происходит на Синей горе. Горы или группы холмов с подобным названием встречаются в разных местах Латвии. В преданиях есть несколько попыток объяснить возникновение этого названия; в некоторых из преданий указывается, что данная гора или горы как будто подернуты синей дымкой, туманом, и приводится сказочное объяснение этого явления. Из всех Синих гор самой примечательной является гора в северной Видземе (Валмиерский р-н, Муийяны, неподалеку от границы с Эстонской ССР). Некогда эта гора считалась священной и была широко известна благодаря источнику, которому приписывались целебные свойства. В роще на горе нельзя было сломать ни веточки. На эту гору съезжались из отдаленных мест крестьяне на празднование Янова вечера. Из-за испарений, поднимающихся от окрестных болот, издали кажется, будто вершина горы окутана синей дымкой. Именно эта гора вдохновила Г. Меркеля в «Ванем Иманта». Произведение Г. Меркеля, несомненно, один из главных литературных источников, которые стимулировали изображение Синей горы в произведениях Аусеклиса и Пумпура. Сильно переоценивая значение Синей горы, Аусеклис в статье «О пении у латышей» (1873) приравнивает празднование Янова вечера на этой горе в старину к древнегреческим Олимпийским играм; им создана ода «В честь Синей горы». Синяя гора в Муийянах явилась, конечно, «прототипом» Синей горы в «Лачплесисе». В эпосе Пумпура указывается, что на Синей горе накануне Янова дня собирается «весь народ» (Ор. VI, 95—96), на празднество являются старейшины и вожди из далеких областей Латвии. Возможно, это преувеличение объясняется не только сказочным стилем эпоса, художественной гиперболизацией подлинного этнографического факта, но и распространенным в то время — во второй половине XIX в. — среди ла-

тышских литераторов представлением о Синея горе в Валмиерском р-не как об общем для всех латышей месте празднования Янова дня.

11. Ор.: Лигусоны трубили в рога. — Лигусоны наряду с вайделотами — одно из названий древнелатышских жрецов в «Лачплесисе». Если вайделоты как жрецы упоминаются в эпосе в разных случаях — в эпизодах празднования Янова дня, свадеб Лачплесиса и Кокнесиса, то лигусоны встречаются только при описании Яновой ночи. Лигусоны фигурируют в договоре Немецкого ордена с древними пруссами в 1249 г.; судя по этому договору, лигусоны у пруссов были «чем-то вроде жрецов»; они прославляли на похоронах жизнь и деяния умерших. П. Шмидт толкует лигусонов как сословие исполнителей причитаний на похоронах у древних пруссов. Г. Меркель, Фр. Малберг и др. необоснованно перенесли обозначаемых этим словом служителей культа у древних пруссов в латышскую мифологию, характеризуя их как древнелатышских жрецов. В «Ванем Иманта» Г. Меркеля лигусоны предстают в картинах празднования дня Яниса. У Карла Зариня (К. Миллера, 1872) они являюся жрецами Лиги. И в «Лачплесисе» лигусоны предстают как жрецы Лиго или Лиги.

15. Ор.: «Старцы несли медовое пиво».

22+. Приносили жертвы богу Лиго. Лигусоны народ подводили К алтарю богов, т. е. в Ор. три строки.

24. См. прим. Л VI, 11.

31—69. В Ор. не рифмуется.

37—42. Использована, в несколько измененном виде, одна из популярнейших песен Янова цикла.

61—63. Вариация двуступня народной песни о Янисе.

70—131. Картина празднования Яновой ночи перекликается с изображением этого праздника в «Ванем Иманта» и в «Древних временах Лифляндии» Г. Меркеля.

116—117. Ор.: Но больше всех ночи Лиги Радовалась молодость.

135+. Выносили решения о мире, войне, Предсказывали судьбу.

142—143. Ор.: Руны на бирках, которые читали в роще, Предсказывали недоброе. — Здесь говорится о гаданиях с помощью рунических письмен. Руны — особые германские древние письмены на основе латинского и греческого алфавитов. Руны, особенно в начальной стадии развития, служили в большой мере магическими знаками, позднее они использовались для записи исторических событий, для надписей на надгробных камнях. На бирках — круглых или граненых палочках — обозначался в старину (с помощью зарубок или римских цифр) размер задолженности. Бирки были распространены как в Латвии, так и во многих других странах. Не ясно,

имеются ли в виду у Пумпура бирки или деревья священной рощи с руническими письменами. Рунические письмена трактуются в эпосе совершенно правильно (с точки зрения истории культуры) — как магические знаки. См. также прим. Л II, 109, 113.

149 и сл. Ситуация с гонцом, который сообщает в Янову почт латышам о нашествии крестоносцев и их злодеяниях, взята из «Ванем Иманта» Г. Меркеля.

184. Ор.: И все пароды этой земли.

185+. И всю землю Балтии Меж собой разделить.

192—193. Ор.: И с ними за воротами Встретил пришельцев.

196—201. Подразумевается вассал епископа Альберта Даниил, которому епископ в 1201 г. дал в лен земли лиелвардских ливов (см. прим. Л II, 8). В «Лачплесисе» этот леник зовется *Даньел Баннеров*. В хронике Генриха Латвийского встречается только «Даниил». Баннеров — позднейшая интерполяция в одной из рукописей хроники XVI в. Именем Даниил Баннеров пользуется и Г. Меркель в «Древних временах Лифляндии» и в «Ванем Иманта». В «Ванем Иманта» Даниил обрисован как человек, вероломно нарушающий данные обещания, и именуется «трусливым убийцей». Деревянный замок лиелвардских ливов немцы сожгли во время одной из акций епископа Альберта (1205 г.); в эпосе его сжигает Даньел. В 1212 г. во время восстания ливов и аутинских латгалов Даниил из Лиелварде нанес удар ливам своей округи — заточил всех их старейшин. Хроника приводит также сведения о его интригах против Кокнеского князя Вячко (1206 г.).

206—207. Имеется в виду немецкий орденский замок в Лиелварде, построенный в первой половине XIII в. на правом берегу Даугавы близ речки Румбы или Румбини (см. в прим. Л VI, 772—775 о холме Диевукалнс). Замок был разрушен в польско-шведской войне в 1613 г., развалины замка сохранились по сей день. Каменный Лиелвардский замок упоминается также в Л VI, 678—691 и далее. В строках Л VI (1142—1155), которые относятся к новой исторической эпохе — к временам создания Пумпуром эпоса, упоминаются уже развалины замка.

210—215. В Ор о податях, налагаемых Даньелом, сказано: «Он возьмет себе с хозяйства Десятую часть И для своих пастырей «Пуод» всяких злаков — «Пуод» с каждой сохи В их пользу». — 3 покоренных областях немцы облагали латышей и ливов податями — так называемой десятиной или мерой зерна (менсура) с каждой пахущей лошади и сохи. Десятина была больше подати с сохи. Первый вид подати со вторым не сочетался (как изображается в «Лачплесисе»). В эпосе мерой подати с сохи является «пуод», содержащий ок. 8 кг. В действительности мера была куда больше (так, по данным хроники, ливы в Лиелварде платили Даниилу полталанта, т. е. примерно ок. 80 кг ржи с сохи).

224. *Гауя* — одна из самых больших рек в Латвийской ССР. Течет по территории Видземе, впадает в Рижский залив севернее ус-

тья Даугавы (в 18 км). Гауя очень извилиста (длина ее в Cheskollyko раз превышает расстояние между истоком и устьем по прямой).

225—233. *Дабрелис* (в хронике Генриха Латвийского — Дабрел, Дабрелис, Добрел) — один из вождей ливов, живших на Гауе в начале XIII в. Его замок Сатезеле находился на левом берегу древнего русла реки Гауи, примерно в 48,5 км от Риги. Место расположения замка — Либу калнс (Ливская гора), примерно в 1 км от Гауи, несколько выше современной Сигулды. Севернее Гауи, напротив Сатезеле, был замок Каупо. Есть основание считать, что Дабрелис, владыка Сатезельского ливского замка, был по этнической принадлежности не ливом, а латышом: имя Дабрелис не ливское, по корневой основе оно явно балтского происхождения (Я. Эндзелин). В 1206 г., во время похода епископа Альберта против ливов, обитавших в нижней части Гауи, враги осадили и Сатезельский замок. По словам хрониста, защитники его храбро сопротивлялись. «Дабрел, их старейшина, — пишет хронист, — ободрял их и поддерживал». Врагам пришлось отступить. Но общая обстановка менялась не в пользу ливов, и позже, в том же 1206 г., сатезельцы, не видя другого выхода, приняли крещение. В 1210 г. Дабрелис, по требованию своего немецкого феодального сеньора, уже был вынужден участвовать в крестовом походе против эстов. В 1211 г. Дабрелис умирает от чумы, которая вспыхнула в Видземе и в Эстонии. В «Лачплесисе», насколько можно судить, Дабрелис представлен вождем латышей (см. Л VI, 529—560; Ор. VI, 227—236). Обрисован он как пламенный патриот, борец с крестоносцами.

226—279. В Пер. рассказ Лиелвардиса о борьбе латышей и ливов с немцами в замке Дабрелиса дается от первого лица множ. числа. В Ор. — от третьего лица множ. числа.

234—285. В эпосе говорится, что, после того как немецкие рыцари захватили ряд латышских и ливских земель, в замке Дабрелиса на Гауе собрались со своими войсками «несколько латышских вождей», чтобы «совместно с ливами» (Ор.) оказать сопротивление врагу. Войско епископа окружило замок, и началась ожесточенная борьба на «много дней и недель» (Ор.). Некоторые факты и ситуации для этого эпизода дали страницы хроники Генриха Латвийского о восстании ливов и аутинских латгалов (из окрестностей Цесиса) осенью 1212 г. Восстали Сатезеле и часть ливов с другого берега Гауи совместно с латгалами, собравшимися в замке. Войска епископа и ордена осадили Сатезеле; с ними были и те ливы, которые остались покорными завоевателям. Надо думать, принимал участие в осаде и отщепенец Каупо (как изображается и в «Лачплесисе»), хотя в хронике об этом ничего не говорится. После многодневной ожесточенной осады, при которой использовались машины для метания тяжелых камней и другие осадные орудия, восстание было подавлено. Во время боя в замке убит стрелой один из латгалских вождей — Русинь, в тот момент, когда он снял свой шлем и перегнулся через край укрепления, чтобы говорить с комтуром Цесисского (Венденского) орденового замка (в «Лачплесисе» эпизод этот использован в VI песни, правда, здесь Русинь делает попытку объясниться с Каупо). Если по историческим сведениям защитники Сатезеле после героического сопротивления капитулировали перед превосходящими силами противника, то в «Лачплесисе» они сража-

ются, пока «почти все» (Ор.) не находят смерть. Одним из вождей восставших изображен в «Лачплесисе» Дабрелис. Подобная характеристика соответствует его роли в защите Сатезеле в 1206 г. Однако во время событий 1212 г., которые, по сути, взяты Пумпуром за основу при создании отрывка Л VI (234—285), Дабрелиса в Сатезеле не было (см. прим. Л VI, 225—233).

241. В Ор. нет указания: в Риме.

252—254. Ор.: Который ими, как детьми, будет Править, находясь в Риге.

258. Пер.: куниг. Ор.: вирсайтис (см. прим. Л II, 17). Русинь (в хронике Генриха Латвийского — Руссикус) — предводитель латгалов из замка Сотекле, неподалеку от Цесиса. В хронике Генриха Латвийского упоминается впервые за 1208 год. Представителям ордена удалось вовлечь Русиня в союз против эстов, и он принял участие в ряде немецких походов в Эстонию. Но в 1212 г. Русинь оказался среди сатезельских борцов против сил епископа и ордена. Он был одним из мятежных вождей, возможно даже главным среди них.

312—313. Ор.: Лачплесис со своими товарищами Появился в священной роще.

361. *Талвалд* (Талвалдис или Талувалдис; букв.: Далеко простирающий свою власть) — в эпосе один из латышских вождей, соратник Лачплесиса по борьбе с немецкими рыцарями. В древний период истории Латвии такое имя носил один из предводителей древних латгалов, старейшина Талавы — Таливалдис (в хронике Генриха Латвийского — Тхалибалдус, Талибалдус). Нет никаких сведений о том, что Таливалдис когда-либо принимал участие в борьбе с немцами. В 1208 г. крестоносцам удалось натравить латгалов на эстов, и Таливалдис выступил против эстов в военном союзе с немецкими рыцарями. В 1214 г. сыновья Таливалдиса признали власть Рижского епископа Альберта и стали его вассалами. Умер Таливалдис в 1215 г. Следовательно, у Таливалдиса в «Лачплесисе» и исторического правителя Талавы общими являются лишь имена и место деятельности (территория Видземе). В эпосе, где Таливалдис характеризуется как борец против иноземной агрессии, образ исторического Таливалдиса идеализирован.

371. Пер.: Обе. Ор.: Молодые пары.

374—475. В эпизоде свадьбы Лачплесиса и Лаймдоты, Кокисиса и Спидалы воспроизводятся латышские народные обряды и тексты шести народных песен. Надо думать, что Пумпур довольно хорошо знал свадебные крестильные и похоронные обряды Лиельюмправы и Лиелварде, известно, что он счел себя компетентным написать об этом очерк. Свадебные обряды Пумпур наблюдал и в других местах Видземе, например в Пиебалге. Можно, однако, не сомневаясь, что при описании свадеб в VI песни «Лачплесиса» хотя бы частично воспроизводятся традиционные ритуалы особенно близких поэту Лиельюмправы и Лиелварде. В этой связи интересно отметить, что некоторые из использованных в эпосе песен свадебного

цикла в «Латышских дайнах» Кр. Барона ближе всего к вариантам Лиелвардской волости. Церемониал старинной латышской свадьбы весьма обширен, и поэт, естественно, отобрал для изображения в эпосе лишь наиболее характерные моменты действия.

374—393. Здесь использованы (в оригинале полностью цитированы) пять народных песен — четверостиший.

390—393. Ор.: Глянь, где статные воины, Мои милые родичи! Мечами ворота отпирают, На дыбы коней вздымают. В старинных свадебных традициях видное место занимал обряд похищения, или умыкания, невесты. В соответствии с последним свадьба в старину называлась *vedības*, от глагола *vest* — везти, увозить; родные и близкие жениха — *vedēji* — увозящие; близкие невесты и все приглашенные ею на свадьбу — *rapākstnieki, rapāksnieki*, букв.: *rapācēji* — догоняющие, преследователи. «В ряде свадебных песен некоторые действия свадебного церемониала изображаются как особого рода военная операция, в которой принимают участие *vedēji* и *rapāksnieki*; подобно целым воинским дружинам <...> и отрядам <...>, они нападают и обороняются, имеют предводителя <...> и старшого <...>, развевающиеся знамена <...> и военных трубачей <...>» (А. Озол). Обе свадебные дружины вооружены саблями (настоящими или деревянными). Так и в последних двух четверостишиях (Л VI, 386—393) родные и близкие невесты характеризуются как «статные воины» (Ор.), вооруженные мечами.

441. *Пура* (*purs*) — старинная латышская мера сыпучих тел, ок. 69,5 л.

446—447. Ор.: И когда те пообещали Хранить их и лелеять.

454. Пер.: *Хмелем*. Ор.: Вьюнком.

458—461. Как в лесу хмелинка <Ор.: вьюнок> вьется и т. д. Использована латышская народная песня, которая интерпретируется в эпосе как древнелатышская языческая свадебная формула.

514. Ликоп — традиционное угощение после заключения сделки. Восклицание «*Ликоп!*» в «Лачплесисе» употреблено в значении приветствия и пожелания счастья.

628. Пер.: *Немец Дитрих*. Ор.: пастыр Дитрих.

651. Пер.: *Дитриха*. Ор.: Дитриха, этого лживого монаха.

652—663. Использован эпизод из хроники Генриха Латвийского (в слегка измененном виде) о намерении турайдских ливов принести монаха Теодориха в жертву своим божествам. Интересна интерпретация данного исторического факта в хронике и в «Лачплесисе». В хронике Теодориха спасает от смерти воля христианского бога. В эпосе Дитрих остается в живых потому, что он «подлец» и ливским богам эта жертва не угодна.

678—729. Это или подобное событие не упоминается ни в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского, ни в «Рифмованной хронике». Но многие сходные случаи описаны в других источниках по древней истории Прибалтики и отражены в художественной литературе еще до Пумпура. На процессе, который в начале XVI в. шел в папской курии между рижским архиепископом и Ливонским орденом, свидетели архиепископа представили доказательства, что братья Ливонского ордена после какой-то победы над земгалами пригласили земгальских нобилей на пир и всех перебили. В «Хронике Пруссии» П. Дюсбурга говорится, что судья Натанги и Варме (древнепруссские области) Фольрад созвал прусских старейшин на пир в свой Ленценбургский замок. Во время пира судья покинул замок, приказав старейшин запереть и замок поджечь. Пруссские старейшины сгорели вместе с замком. Описанный Дюсбургом случай Пумпур излагает в своей литературной зарисовке борьбы древних пруссов за свободу — «Эркус Монте» (1875). Эпизоды хроники о подлой расправе с прусскими нобилем Г. Меркель рассказывает в «Древних временах Лифляндии» и варьирует (применительно к ливам) в «Ванем Иманта». Сходные мотивы имеются в одном из латышских народных преданий. «В шведские времена» (следовательно, в XVII в.) немецкие помещики в Яупилсе (Тк.) согноли мужиков в один сарай и подожгли его. Когда люди кричали, помещики смеялись: «Ты глянь, как мои мыши завищали!» Возможно, что Пумпуру были известны и какие-нибудь предания этого типа.

740—743. Ор.: Те смотрели на Лачплесиса, как на Упавшего к ним с неба, Вне себя от радости благодарили За спасение.

750—799. Эпизод с пленением лиелвардского Даныела и его казнь добавлен самим Пумпуром, в хронике его нет. Картина казни Даныела в эпосе напоминает иную ситуацию хроники Генриха Латвийского. Крестоносцы, явившиеся в 1198 г. с епископом Бертольдом к ливам, вырезали на ветви дерева подобие человеческой головы, которую сочли головой саксонского бога. После возвращения крестоносцев на остров Готланд ливы «сняли голову с дерева, связали плот из бревен, положили на него голову будто бы саксонского бога и вместе с верой христианской отправили в море, вслед уходящим в Готландию». В эпосе таким же образом воины Лачплесиса привязывают к доске Даныела и пускают в Даугаву с насмешливым напутствием Даугаве унести его вместе с его «чужой верой» (Ор.) в немецкую.

772—775. Из текста явно вытекает (см. также Л VI, 750—756, 1142—1155), что Лачплесис после победы расположится в немецком каменном Лиелвардском замке (см. прим. Л VI, 206—207); замок его отца разрушен Даныелом Баннеровым (Л VI, 186—219). Под немецким замком Пумпур здесь, очевидно, конкретно подразумевает Лиелвардский немецкий орденский замок (см. прим. Л VI, 206—207), возведение которого автор эпоса приписывает Даныелу Баннерову (см. Л VI, 687—689). По мотивам эпоса (Л VI, 682—689), этот замок построен на месте разрушенного замка Лиелвардов. Современные жители Лиелварде местопребывание Лачплесиса и Лаймдоты после временной победы над немцами тоже связывают с каменным орденским замком (см. Лачплесис, 1975, 64—65). Уточнение данного вопроса о замке имеет значение для прикрепления к определенной ре-

альной местности важного эпизода эпоса — поединка Лачплесиса с Темным рыцарем (в переводе Вл. Державина — Черный рыцарь). Археологические раскопки 1981 г. обнаружили у Лиелвардского городища (grīekšpils) старинные предметы быта местных жителей, относящиеся к X—XIII вв. и свидетельствующие о принадлежности этих древностей ливам, а в отдельных случаях и балтскому населению Латвии (земгалам, латгалам). В 1977—1980 гг. велись археологические раскопки в Лиелварде на холме Дисвукалнс, который находится на левом берегу реки Румбини у ее устья в Даугаву, — слева, на небольшом расстоянии от Лиелвардского орденского замка. Раскопки установили, что с середины I тысячелетия до н. э. до VII—VIII вв. здесь находилось укрепленное поселение балтов. В самом начале XIII в. Диевукалнс был населен крестоносцами и здесь имело место их временное укрепленное поселение (с рвом, валом, доломитной защитной стеной по внутренней стороне вала), внутри которого была деревянная постройка. В связи с этим высказано предположение (А. Зариня), что здесь в начале XIII в. было поселение лиелвардского ленника Даниила.

808—819. Те крестоносцы, которые прибывали в Ливонию на время, проводили здесь один год. В отличие от тех, кто являлся сюда на постоянное поселение («Братство Христовых рыцарей»), в хронике Генриха Латвийского они именуется peregrinami. В «Лачплесисе» верно замечено, что peregrini прибывали в Латвию каждый год, весной, и что за ними в Германию отправлялся епископ Альберт (Л VI, 158—161, 808—819, 854—913, 980—983).

831—832. Это место в «Лачплесисе» (т. е. указание *отцовский замок*) следует объяснить оплошностью автора; оно противоречит другим местам в VI песни (см. прим. Л VI, 772—775).

832+. Вел хозяйство.

834—839. Ор.: Кокнесис тоже направился домой, взяв с собой Спидалу. Айзрауклис проводил их до самого замка Кокнесе. Сердечно простились (Кокнесис и Спидала. — Я. Р.) с Лачплесисом и Лаймдотой, т. е. в Ор. шесть строк.

922—923. Пер.: *Чтоб можно было Хитростью сразить его.* Ор.: чтобы какой-нибудь сильный противник Мог бы его одолеть.

926. Пер.: *могучих бесов.* Ор.: великанов, йодов.

945+. Наказав — если что послышится, То пусть Дитрих не тревожится.

959. Ор.: День, когда я выдал эту тайну.

974—977. Здесь использован мотив, имеющийся в сказке о Лачплесисе. Согласно этой сказке, в изложении Пумпура, Лачплесиса можно было победить только в том случае, если отрубить у него медвежьи уши, в которых заключена сверхъестественная сила богатыря. В сказке эту тайну выдает врагам Ликцепуре (см. прим. Л II, 499), в эпосе — Кангар. Мотив «уязвимое место героя» кажется необычным для латышского повествовательного фольклора, так как в надежных латышских источниках он пока не установлен, за исключе-

нием сказки о Лачплесисе. Об общей неуязвимости богатыря Лачаусиса рассказывает легенда из Трикаты — Влк. (PS XV, 320, зап. около 1891 г.). Ср. латышские волшебные сказки о поясе, дающем силу, и о чудесной рубашке. Герою достается «пояс звериного царя», или он находит «чудесный пояс» на дороге, или отнимает у змеи ее золотой пояс. Надетый на голое тело, пояс наделяет героя необычайной силой и непобедимостью. Враги хитростью отнимают у богатыря пояс (на некоторое время), и он становится уязвимым, пока пояс не возвращается к нему (LP I, 81—82, Джуксте — Ег., зап. А. Лерхис-Пушкайтис; IV, 48—49, Ирлава — Тк.; IV, 54—55, Кукепики — Тк.). Некий человек получает в дар чудесную рубашку; пока владлец носит ее, он неуязвим (LP VI, 855—856, Дривена — Ц.). Фольклорный мотив чудесного пояса упоминает и Пумпур в «Предварении», приводя аналогии и параллели между сказкой о Лачплесисе и другими произведениями повествовательного фольклора. Мотив сказки о Лачплесисе в известной мере напоминает сказания других народов об уязвимом месте сказочного героя (Ахиллесова пята в древнегреческом эпосе; уязвимое место Зигфрида в «Песни о нибелунгах»).

984—995. В сказке о Лачплесисе роковой противник — сын ведьмы, трехголовое существо; в «Лачплесисе» Темный рыцарь (в переводе Вл. Державина — *Черный рыцарь*) — человек, немецкий рыцарь, один из крестоносцев. Такое творческое видоизменение образа противника Лачплесиса служит в эпосе антифеодальной, патриотической тенденции. В латышском фольклоре до сих пор не обнаружено такого предания или сказки, где бы изображался поединок героя — народного защитника — с немецким рыцарем или с рыцарем вообще. Не упоминает нигде о таком предании и сам Пумпур. В одном предании, записанном А. Лерхисом-Пушкайтисом (Джуксте — Ег.), говорится о великане, который был врагом рыцарей: «В Тукуме на Виселичной горе в старину рыцари великана вешали. Этот великан был их большим врагом: где только можно, все их затеи и дела срывал. Наконец захватили его — стали вешать. Только от тяжести великана веревка порвалась, и как он упал навзничь, так и свалился к подножию Виселичной горы. Еще и поныне показывают место, где трава не растет. Это то место, где великан провалился» (LP VII, 1, 1328). См. также предание LP II, 85. В стародавние времена в Джуксте был великан, «каких редко видывали». Началась война. Великану велели не пускать недруга со стороны моря (от Рижского залива). Так великан и сделал (зап. в Джуксте А. Лерхис-Пушкайтис). В обоих этих преданиях, которые лишь в незначительной мере соответствуют «Лачплесису», изображения самого поединка нет; кроме того, враги богатыря не имеют здесь такой исторически конкретной характеристики, как Темный рыцарь в «Лачплесисе». Противниками богатыря в сказках являются обычно хищный зверь (медведь, лев и др.), змей, черт или многоголовая ведьма, сын ведьмы, злобный великан и т. п. По одной из чрезвычайно широко распространенных версий латышской народной сказки, богатырь нанимается «к барину», т. е. к немецкому барону, чтобы потом, в соответствии с договором, получить за свою работу право дать барину три щелчка; таким образом он и убивает барина. У латышей есть предания — правда, число их невелико — о борьбе древних латышей с крестоносцами. Борьба ведется между двумя враждующими войсками.

1015+. Хоть и сама не знаю причины, Почему это так.

1088—1089. Ор.: Рыцарь, видя это, Нанес второй удар И, им уже по второму уху Угодив, отрубил его.

1072—1113. Борьба Лачплесиса и Темного рыцаря развивается в соответствии с мотивом сказки о Лачплесисе, различия наблюдаются лишь в некоторых деталях. Насколько позволяет судить современное состояние изучения латышских сказок и преданий, трагическая гибель положительного героя (изображенная в варианте сказки о Лачплесисе и в эпосе Пумпура) — чрезвычайно редкий мотив в латышском повествовательном фольклоре. Гибель героя противоречит эстетике народной сказки (что касается сказки о Лачплесисе, то необходимо считаться с тем, что она в известной мере приближается к преданиям). Трагическая смерть героя отнюдь не исключение в жанре героических сказаний, только героических сказаний у латышей мало. Гибнет Курбад в сказке о Курбаде (LP I, 13) и полусказочный-полулегендарный Спекуйекус (LP VI, 570). В одной из сказок некий человек получает кольцо, которое исполняет все его желания. С помощью кольца он побеждает войско чужеземного короля. Затем герой решает убить черта и разорить ад, но черт исподтишка нападает на него и убивает (LP VI, 869, Лиелварде — Рж.; см. также предания LP VII, I, 1328; PS XIV, 144).

1139—1141. На Даугаве, напротив Лиелварде, был прежде остров, который звался могиллой Лачплесиса. Существовало ли это название и до появления эпоса или возникло позже — еще не выяснено. В связи со строительством Кегумской гидроэлектростанции этот остров в 1939 г. был затоплен.

1142—1155. Мотив «духи героя и противника продолжают борьбу после смерти» не фигурирует в пересказе Пумпура сказки о Лачплесисе, и неизвестно, взял ли его поэт из этой сказки или ввел, опираясь на какие-то другие фольклорные источники. Так, латышские народные предания, повествующие о тех местах, где когда-то происходили сражения, сообщают иногда, что духи погибших воинов по ночам продолжают битву (PS XV, 306, 322, 332). См. прим. LIV, 461—562 о северном сиянии или сполохах. В преданиях эти мотивы отражают народные мифологические представления, но в «Лачплесисе» они использованы с иной целью — для утверждения героизма и мужества народа, для выражения уверенности в том, что именно за ним окончательная победа над силами зла.

1153+. Это Лачплесис, который еще ратоборствует со своим противником.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

2. НА РОДИНЕ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

«Пятьдесят лет тому назад» представляет собой первую часть автобиографического очерка А. Пумпура «На родине», который состоит из четырех частей. Вторая, третья и четвертая части рассказывают

о детстве и юношестве будущего поэта. Первая, наиболее обширная часть — этнографический очерк, посвященный описанию обычаев и особенностей быта бывшей Лиел-Юмправмуйжской и Лиелвардской волостей Латвии, где прошло детство А. Пумпура.

Очерк свидетельствует о наблюдательности автора, о его неразрывной связи с жизнью, которую он описывает. Все обычая, обряды, приметы и т. д. Пумпуру знакомы с детства. Он сам их участник и свидетель либо знает их по рассказам самых близких людей — матери, бабушки (сестры деда) и др. Под пером Пумпура оживают календарные обычаи и обряды, он рассказывает о народной медицине, астрономии. Большое место уделено изображению социального положения латышских крестьян, бывших в полной зависимости от немецких помещиков. Описание податей, повинностей, наказаний, несправедливого судебного положения крестьян рисует яркую картину феодальных отношений.

В очерке проявляется демократизм автора, его отрицательное отношение к социальному, национальному и церковному гнету.

Очерк написан около 1890 г. (точная дата неизвестна) и является единственной крупной сохранившейся рукописью А. Пумпура. Оригинал хранится в Историческом музее Латвийской ССР. Рукопись предназначалась для второго тома Собрания сочинений А. Пумпура, подготавливаемого самим автором. В 1890 г. вышла первая книга: «На родине и на чужбине. Сочинения Пумпура. Первая часть. Песни». Очевидно, в это же время издателю передан автобиографический очерк «На родине». О значении, которое этой публикации придавал поэт, свидетельствуют письма к издателю А. Гулбису. В одном из них он заметил: «...будет очень жаль, если эта рукопись останется непечатанной в сочинениях, т. к. это обернется большим пробелом в моих сочинениях и, во-вторых, большой потерей для латышской литературы, т. к., насколько мне известно, подобное описание нашей Родины до сих пор еще не издано».¹

Однако при жизни Пумпура автобиографический очерк напечатан не был. Впервые сокращенный вариант очерка был опубликован в 1912 г. издателем Ю. Калнинем. Он внес в очерк ряд изменений, особенно сильному сокращению подверглась первая, этнографическая часть очерка. В таком виде очерк под названием «Воспоминания А. Пумпура» вошел и в другие издания. Рукопись считалась утерянной вплоть до 1970 г., когда отдельные ее фрагменты были экспонированы на выставке Литературного музея им. Я. Райниса. В 1980 г. впервые был издан полный текст «На родине», подготовленный и прокомментированный Я. Рудзитисом в серии «Малая библиотека литературного наследия».² Этот текст лег в основу настоящей публикации. Текст перевел Ю. И. Абызов.

В автобиографии Пумпур приводит исконно латышские топонимические названия. В годы написания очерка официальные административные названия этих мест были следующими: *Курземе* — Курляндская губерния; *Видземе* — Лифляндская губерния; *Лиел-Юмправмуйжа* — Гросс-Юнгфернгоф; *Алсвики* — Альсвиг; *Туркалне* — Туркалн; *Валле* — Вальгоф; *Бирзгале* — Бирзгальн; *Линде* — Линден; *Яун-Елгава* — Фридрихштадт. Видземе — культурно-историче-

¹ Письма Пумпура к А. Гулбису. — В кн.: Труды Гос. библиотеки Латвийской ССР, т. 1, 1964, с. 191.

² Андрей Пумпур. На родине, Рига, 1980, 107 с.

ская область Латвии на севере от реки Даугавы. Часть бывшей Лифляндской губернии России. Курземе — культурно-историческая область Латвии на западе республики, с 1795 г. — Курляндская губерния России. *Ночь велей* — см. прим. к «Лачплесису», III, 676—726. *Вечер блюку* (букв.: колодный вечер) — вечера с Рождества (25 декабря ст. ст.) до Крещения (6 января ст. ст.). Есть сведения, что в некоторых местностях колодные вечера начинались с осени. *Громовый Крестовый день* (великий Крестовый день, три малых Крестовых дня) — некоторые весенние дни, связанные с народными поверьями. Большой Крестовый день соответствует Вознесению. *Аугшлеците, Землеците* — см. прим. к «Лачплесису», III, 676—726. *День Трех Королей* соответствует кануну Крещения. *День Вастлавью, или Метени*, — традиционный день календарных обрядов; соответствует Масленице. *Зеленый Четверг* (Великий Четверг) — последний четверг перед *Пасхой*. *Праздник лета* соответствует Троице. *Иванова ночь* — традиционный крестьянский праздник, связанный с летним солнцеворотом. С этим днем связано очень большое количество народных песен, верований и обрядов. *День Луци* — 25 декабря ст. ст. *Александр фон Фитингоф* (р. 1792, владелец Мариенбургского имения в 1834—1875 гг.), очевидно, наезжал в Лиел-Юмправмуйжу как представитель своих родственников, владельцев этого имения: брата Пауля, а затем — Пауля Александра и Катарины Фитингоф. *Алуксне* (Мариенбург) — городок на северо-востоке Латвии. *По старому шведскому землеустройству* и т. д. 1629 г. после польско-шведской войны до 1711 г. Видземе находилась под властью шведского короля. В 1817 г. в Курземе и в 1819 г. в Видземе произошла отмена крепостного права, вся крестьянская земля была объявлена собственностью помещиков. Крестьяне становились краткосрочными арендаторами земельных участков, за которые они по-прежнему несли барщину и другие повинности в пользу помещика. Барщина в Видземе сохранилась в замаскированном виде и в дальнейшем. Переход на денежную аренду происходил постепенно, начиная с 1840-х годов. У Пумпура речь идет о законе от 20 февраля 1804 г. «Положение о лифляндских крестьянах». *Вакенбух* (нем.) — таксация крестьянских податей. *Пута* — веревка, ремень с кляпами, застежками для путанья ног скота на пастбище. *Форминдер* — назначаемый из числа крестьян помощник пастора. «*Книга высокой премудрости Старого Стендера* (полное название: «Книга высокой премудрости вселенной и природы», 1774) — первая научно-популярная книга на латышском языке, в которой имелись сведения по геологии, географии, космогонии, отражающие достижения науки того времени. Написана немецким пастором Готхардом Фридрихом Стендером (1714—1796), прозванным Старый Стендер, языковедом, писателем, географом. *Аусеклис* — народное название Венеры — утренней звезды. *Постолы* — обувь, гнутая из сырой кожи либо шкуры с шерстью. *Виллайне* — см. прим. к «Лачплесису», IV, 525. «*Мать Ветров*» — мифологическое божество, управляющее ветрами.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения составляют численно небольшую (около 100 стихотворений), но очень существенную часть наследия А. Пумпура. Большая их часть написана в конце 1860-х — начале 1870-х годов,

В период подъема младолатышского движения. В более поздние годы создано лишь несколько произведений.

Стихотворения Пумпура — яркая страница в становлении латышской национальной литературы. Вместе с произведениями Аусеклиса (1850—1879) они характеризуют поэзию так называемого «народного романтизма». Основные мотивы поэзии Пумпура связаны с национально-освободительными идеями своего времени. В основном это гражданская лирика, лишь немногие стихотворения посвящены любовной тематике.

Литературная традиция, которую воспринял и продолжал Пумпур, восходит к немецкому романтизму. Часть его стихотворений — локализация немецких оригиналов. В некоторых стихотворениях, особенно личного, интимного характера, заметно влияние немецкой сентиментальной поэзии, оставившей след в творчестве многих латышских поэтов XIX в.

Лучшие стихотворения Пумпура стали классикой латышской поэзии. Воплотив в себе идеалы и чаяния первого этапа освободительной борьбы в Латвии, поэзия Пумпура оказала воздействие на последующее творчество многих латышских поэтов.

Предлагаемая публикация включает 26 стихотворений. Почти все они в какой-то мере предваряют и разрабатывают идеи, а в отдельных случаях даже сюжеты (например, «Северянка») эпоса «Лачпилсис». Стихи насыщены фольклорными образами, по форме и интонации приближены к латышским народным песням, хотя в этом отношении и не достигают безукоризненного совершенства дайн.

Почти все первые публикации стихотворений Пумпура осуществлены в газете «Балтияс вестнесис» («Балтийский вестник»). Впоследствии, при подготовке сборника стихов «На родине и на чужбине» (1889), автор многие из них исправлял и дорабатывал. В настоящем издании использованы тексты, вошедшие в «Сочинения Андрея Пумпура» (т. I, Рига, 1925), подготовленные Р. Клаустинем на основе авторского издания. Стихотворения, кроме трех («Иманта» и «Восток и Запад» — переводы С. Шервинского и «Голова на трех мечах» — перевод В. Брюсова), даются в переводах А. Щербакова.

Стихотворения датируются годом первой публикации, не всегда, по-видимому, соответствующим времени написания. Расположены они в хронологическом порядке. Исключение составляет отрывок из авторского вступления к сборнику «На родине и на чужбине» (второе издание), которым открывается раздел. Это созданное в 1902 г. стихотворение варьирует отдельные строфы стих. «Разыщем песни» (1873) и выражает очень важную для поэта мысль о преемственности новой поэзии по отношению к народному творчеству, о ее задачах, которые, по мнению Пумпура, состояли в том, чтобы, возвеличивая исторические подвиги, ввести латышей в круг других народов.

3. *В святых дубравах предков.* В дохристианские времена у латышей дубравы и березовые рощи были местом культовых жертвоприношений богествам.

4. Одно из самых популярных стих. Пумпура, до сих пор широко бытующее в народе как песня. *Даугава* и *Гауя* — реки в Латвии, воспеты многими поэтами. В стихах Пумпура образ Даугавы занимает очень значительное место. Поэт обращается к Даугаве в различные периоды жизни; она служит символом родины, матери, невесты. *Ма-*

терь-Счастье — в Ор.: Матерь-Лайма, см. прим. к «Лачплесису», I, 33. *Мать-Дубрава* — в Ор.: Мать Леса, *Мать-Поляна* — в Ор.: Мать Поля — латышские языческие божества лесов и полей.

5. Об идее стих. и смысле авторского прим. к нему см. прим. к «Лачплесису», III, 438—457. *Балта юра* — см. прим. к «Лачплесису», III, 458—459. *Кокле* — см. прим. к «Лачплесису», III, 488.

6. Загл. в Ор.: «Могилы Хина» (немецк. *Hüne* — великан, исполин), что позволяет предположить немецкую основу этого стих. Здесь использованы легенды о том, что духи сраженных воинов продолжают борьбу. Та же идея в финале «Лачплесиса» — см. прим. VI, 1142—1155. Обращаясь к современности, поэт говорит о тех явлениях, которые предвещали засилье буржуазной самоуспокоенности, мешанского самодовольства в жизни зажиточных слоев общества.

7. Одно из самых значительных стих. Пумпура, во многом воплотившее идеологию младолатышей. Первоначальная публикация (газ. «Балтияс вестнесис», 1870) состояла из двух стих.: «Младшая дочь» и «Пять сыновей Перкона». В сб. «На родине и на чужбине» стих. сокращены, переработаны и объединены в одно. В Ор. стих. называется «*Pastarite*», что означает: младшая, последняя дочь (последыш). В образе младшей дочери поэт символизирует поработанный латышский народ (народ — *tauta* — в латышск. языке женского рода), младший в семье народов, его судьбу. На стилистически-интонационный строй стих. большое влияние оказали народные песни о сиротах, об их горькой судьбе. В 1860-х годах стих. воспринималось как призыв помочь народу освободиться. *Матерь-Время* — литературный образ, который Пумпур ввел в стих., ориентируясь на латышскую мифологию, где фигурируют Мать моря, Мать Земли и т. д. *Виллайне* — см. прим. к «Лачплесису», IV, 525. *Перкон был умычником, Солнца дочь — погонею* — см. прим. к «Лачплесису», I, 34, III, 516—520. *Божья конная дружина* — в Ор.: сыны Диева, см. прим. к «Лачплесису», I, 29. *Матерь-Счастье* — см. прим. к стих. 4. *Матерь-Нечисть* — в Ор.: Мать йолов (чертей), см. прим. к «Лачплесису», II, 285. *И нахлынула с заката Сила христианская*. Имеется в виду нашествие на Латвию крестоносцев в начале XIII в. См. также прим. к «Лачплесису», III, 88—92.

8. В стих. нашли яркое отражение политические взгляды Пумпура, видевшего будущее латышского народа в союзе с восточными народами, в первую очередь — с русским. *Но Восток, на наше счастье, Латышей недавно спас*. Имеется в виду отмена крепостного права в Лифляндской губ. в 1819 г.

9. В этом, как и многих других, стих. Пумпур призывает возродить и продолжить фольклорные традиции: в народном творчестве он видел залог расцвета новой национальной культуры. *А как Яну славиться* и т. д. О Янове празднике см. прим. к «Лачплесису», I, 1 и сл.

10. Стих. тесно связано с очень большим пластом дайн, посвященных сиротам. *Матерь-Счастье* — см. прим. к стих. 4.

11. Стих, посвящено памяти поэта Юриса Алунана (1832—1864), автора книги «Песенки, на латышский язык переведенные», (1856); которая положила начало существованию подлинной национальной латышской литературы. В книгу вошли многие переводы, подобранные так, чтобы читатели находили в них опору в освободительной борьбе. «*Ярый сонет*» — локализованный перевод стих. «*Geharutschtes Sonett*» немецкого поэта Г. Гервера (1817—1875), который воспринимался тогда как одно из наиболее политически-острых произведений и прочно вошел в латышскую культуру. *Вели* — см. прим. к «Лачплесису», III, 676—726.

12. Одно из самых известных стих. Пумпура, обращенное против немецких «культуртрегеров», которые считали, что латыши неспособны создать национальную культуру и должны следовать немецким образцам. См. также вступ. статью, с. 6.

13. О фольклорной основе стих. см. прим. к «Лачплесису», III, 516—520. *Божья конная дружина* — см. прим. к стих. 7. *Рок, Рок-отец* — в Ор.: Отец судеб, см. прим. к «Лачплесису», I, 6.

14. Стих. отражает пантенистическое мировосприятие поэта.

15. О содержании стих. см. с. 17 и прим. к стих. 9. *Напевов мы не знаем* и т. д. Пумпур считал, что в период немецкого ига были утрачены народные героические песни. *Пришелец нас морочит* и т. д. Имеется в виду политика прибалтийских немецких помещиков, которые, стремясь сломить дух народа, ополчались против народных песен, запрещали их. *Но есть гора такая* и т. д. — в Ор.: гора Лиго, см. прим. к «Лачплесису», VI, 10. *Три вещей девы* — в Ор.: дочери богов. Это один из образов, созданных Пумпуром по аналогии с фольклором.

16. В Ор. загл.: «Распространителям света». Стих. обращено к немецким «культуртрегерам», см. прим. к стих. 12.

17. Перевод стих. выполнен В. Брюсовым в 1915 г. В 5-й строфе допущена ошибка («Перекуют на лемех плуг») — в Ор.: «На лемех перекую меч». В стих. ярко выражена одна из основных идей младолатышей: народ возродится к повой жизни через просвещение — *мечи света* придут на смену боевым мечам. *Двина* — русское название р. Даугава (см. прим. к стих. 4).

18. В стих. отражена социально-экономическая ситуация в Латвии второй половины XIX в., когда часть латышских крестьян в поисках более дешевых и плодородных земель переселялась в восточные и южные губернии России. Это переселение было вызвано тем, что латышские крестьяне были освобождены без земли, а цены на землю были чрезвычайно высокими. В 6-й и 7-й строфах Ор. на это имеется прямое указание. В буквальном переводе: «Но если не в состоянии платить дорогую цену, другой посулил больше, — тогда приходится уходить насильно (против своей воли)». *Да не машут там на Яна Веточкой березовой, Лиго* — см. прим. к «Лачплесису», VI, 1 и сл. *Даугава* — см. прим. к стих. 4.

19. Стих. создано по образцу стих. немецкого поэта Ф. Рюккерта (1788—1866) «Старый Барбаросса» («Der Alte Barbarossa»). Попытки локализации этого стих. были в латышской литературе и раньше (Я. Ругенс), но Пумпур преобразовал его в соответствии с запросами латышской общественной жизни, ввел фольклорные мотивы, подчеркнул момент освободительной борьбы, выразил непоколебимую веру в бессмертие родного народа. *Иманта* — герой литературной легенды Г. Меркеля (1769—1850) «Ванем Иманта», восходящий к образу ливского воина Имауты из «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского. Этот героический образ неоднократно использовался в латышской литературе, в частности ему посвящена одна из неоконченных пьес Райниса. *Синяя гора* — см. прим. к «Лачплесису», VI, 10. *Перконовы дети* — см. прим. к «Лачплесису», I, 2, 29. *Солнечные девы* — см. прим. к стих. 15.

20. В Ор. загл.: «Славные сородичи». Стих. обращено к памяти деятелей младолатышского движения — *ревнителей народного спасенья* — и вместе с тем отражает критическое отношение поэта к тем буржуазным деятелям, которые, придя на смену младолатышам, уже не хотят трудиться во имя народа. *Митава* (ныне г. Елгава), *Рига*, Дерпт (ныне г. Тарту) — культурные центры того времени. *Дерптские номера*. Имеется в виду Дерптский (ныне Тартуский) университет.

21. *Даугава* — см. прим. к стих. 4.

22. В Ор. загл.: «Дочь Севера» — см. прим. к «Лачплесису», IV, 461—562.

23. В Ор. загл.: «В лодочке Лаймы». Стих. посвящено невесте поэта Эде Гоба. *Лайма* — см. прим. к «Лачплесису», I, 33. *Даугава* — см. прим. к стих. 4.

24. Стих. создано под впечатлением пребывания Пумпура в Сербии в 1876—1877 гг. в составе русского добровольческого отряда. В стих. высказана гипотеза о существовании древней общности славян и балтийских народов, бытовавшая в среде младолатышей, а также проявились глубокие чувства дружбы и уважения, которые испытывал поэт к литовскому и славянским народам. *Даугава* — см. прим. к стих. 4.

25. *Бабуля у нас в семействе жила*. Имеется в виду сестра деда поэта по матери, «милая бабушка», от которой в детстве Пумпур услышал множество легенд и сказок. *Вели* — см. прим. к «Лачплесису», III, 676—726. *Матерь-Счастье* — см. прим. к стих. 4.

26. Стих. посвящено памяти поэта Аусеклиса (псевдоним, в переводе: утренняя звезда), с которым Пумпур подружился в Лиепварде, когда Аусеклис (настоящее имя Микус Кругземис, 1850—1879) там учительствовал (1872—1873). *Лиго* — см. прим. к «Лачплесису», VI, 1 и сл. *Даугава* — см. прим. к стих. 4. *И в края далекие* и т. д. И Аусеклис и Пумпур вынуждены были покинуть Латвию, чтобы найти работу, дающую средства к существованию. После опубликова-

ния стих. Аусеклиса немецкие пасторы, особенно лиелвардекий пастор К. Крон, преследовали поэта и препятствовали его учительской деятельности. Аусеклис уехал в Петербург, где вскоре скончался. Весть о смерти Аусеклиса дошла до Пумпура во время его пребывания в Крыму, поэтому в стих. возникает образ Черного моря (*волны сини*).

27. Одно из немногих пейзажных стих. Пумпура. В словах о возрождении природы, о весне звучит надежда поэта на будущее.

28. Одно из последних стих. Пумпура. Свидетельствует о его верности идеалам молодости.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Андрей Пумпур.
2. *Между с. 64 и 65*. Надгробный памятник А. Пумпуру на Рижском Большом кладбище. 1929 г. Скульптор К. Зале.
3. *На обороте*. Лачплесис. Фрагмент памятника Свободы в Риге. 1938 г. Скульптор К. Зале.
4. *Между с. 96 и 97*. Поединок Лачплесиса с Черным рыцарем. Фрагмент памятника павшим героям Великой Отечественной войны на Виеталвском братском кладбище Стучкинского р-на ЛССР. 1968 г. Скульпторы В. Алберг, Э. Звара.
5. *На обороте*. Ежегодный праздник А. Пумпура в Доме-музее поэта в Лиелварде на территории колхоза «Лачплесис». Фото Ю. Криевиня.
6. *С. 135*. Автограф А. Пумпура. Одна из восстановленных автором цензурных купюр. Запись на полях первого издания эпоса «Лачплесис».
7. *С. 151*. Титульный лист первого издания эпоса «Лачплесис».

СОДЕРЖАНИЕ

- «Лачплесис» — вчера, сегодня, завтра. *Вступительная статья*
В. А. Вавере, Н. Н. Воробьевой 5

ЛАЧПЛЕСИС — ЛАТЫШСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

1. Лачплесис — латышский народный герой. *Перевод Вл. Державина* 45

ПРИЛОЖЕНИЕ

2. На родине. Пятьдесят лет тому назад. (*Фрагмент автобиографии Пумпура*). *Перевод Ю. Абызова* 169

СТИХОТВОРЕНИЯ

3. Из вступления к сборнику «На родине и на чужбине». *Перевод А. Щербакова* 189
4. Где для молодца невеста? *Перевод А. Щербакова* 189
5. Восток. *Перевод А. Щербакова* 190
6. Могила исполина. *Перевод А. Щербакова* 192
7. Младшенькая. *Перевод А. Щербакова* 193
8. Восток и Запад. *Перевод С. Шервинского* 196
9. Народные песни. *Перевод А. Щербакова* 197
10. Сиротка. *Перевод А. Щербакова* 198
11. Ночь велей. *Перевод А. Щербакова* 199
12. Народу. *Перевод А. Щербакова* 201
13. Небесная свадьба. *Перевод А. Щербакова* 201
14. Святой миг. *Перевод А. Щербакова* 202
15. Разыщем песни. *Перевод А. Щербакова* 203
16. Просветителям. *Перевод А. Щербакова* 205
17. Голова на трех мечях. *Перевод В. Брюсова* 205
18. Землякам на чужбине. *Перевод А. Щербакова* 206
19. Иманта. *Перевод С. Шервинского* 207
20. Младая сила. *Перевод А. Щербакова* 208

21. На Даугаве. Перевод А. Щербакова	209
22. Северянка. Перевод А. Щербакова	209
23. В счастливой лодочке. Перевод А. Щербакова	211
24. На Дунае. Перевод А. Щербакова	211
25. Лукошко сказок. Перевод А. Щербакова	213
26. Памяти милого друга. Перевод А. Щербакова	215
27. Зима. Перевод А. Щербакова	217
28. Моя отчизна. Перевод А. Щербакова	217

Примечания

К эпосу «Лачплесис» составлены Я. Рудзитисом	221
К автобиографии Пумпура и к стихотворениям составлены В. Вавере	276
К иллюстрациям	284

Пумпур А.

- П 88 Лачплесис; Пер. с латыш./Вступ. статья и сост. В. Вавере и Н. Воробьевой; Примеч. В. Вавере и Я. Рудзитиса. — Л.: Сов. писатель, 1985. — 288 с., 4 л. ил., 1 л. портр. — (Б-ка поэта. Большая сер.).

Героический эпос «Лачплесис», воссозданный во второй половине XIX века поэтом Андреем Пумпуром (1841—1902) по мотивам легенд, сказаний и песен латышского народа, сыграл значительную роль в формировании национальной литературы. На русский язык эпос переведен Вл. Державиным. В сборник вошли также большей частью впервые переведенные на русский язык лирические стихотворения Пумпура и — впервые на русском языке — фрагмент его автобиографии «На родине».

П $\frac{4702340100-364}{083(02)-85}$ 408—84

ББК 84.Лат 1

